

Николай Берг Лёха

Лёха/Паштет

Николай Берг

Лёха

«1С-Паблишинг»

2015

Берг Н.

Лёха / Н. Берг — «1С-Паблишинг», 2015 — (Лёха/Паштет)

ISBN 978-5-9922-1998-2

Роман «Лёха» – история простого современного менеджера, попавшего в 1941 год. В самый разгар нападения на нашу страну фашистских захватчиков. От жанровых аналогов роман отличает то, что герой не обладает какими-либо лидерскими качествами или знаниями, способными изменить ход войны. Он и в мирной-то жизни почти ничего не умеет и всего боится. Как сложится судьба нашего современника, попавшего в кровавую мясорубку? Изменится ли он как личность? Узнаем из книги. Николай Берг – псевдоним российского писателя, работающего в жанре боевой фантастики. Автор – большой знаток огнестрельного оружия и завсегдатай оружейных форумов. По профессии он врач и ныне, во время эпидемии коронавируса, работает на передовой. Как писатель стал известен благодаря трилогии «Ночная смена», написанной по миру Андрея Круза «Эпоха мёртвых». Пользуются популярностью также его книги в жанре попаданчества, одну из которых мы и представляем.

ISBN 978-5-9922-1998-2

© Берг Н., 2015

© 1С-Паблишинг, 2015

Содержание

Боец Семенов	6
Менеджер Лёха	10
Боец Семенов	16
Менеджер Лёха	18
Боец Семенов	19
Менеджер Лёха	22
Боец Семенов	24
Менеджер Лёха	26
Боец Семенов	28
Менеджер Лёха	32
Боец Семенов	34
Менеджер Лёха	40
Боец Семенов	43
Менеджер Лёха	47
Боец Семенов	48
Менеджер Лёха	51
Боец Семенов	61
Менеджер Лёха	64
Боец Семенов	72
Менеджер Лёха	82
Боец Семенов	89
Менеджер Лёха	97
Боец Семенов	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Николай Берг

Лёха

*За год в РФ без вести пропадают более ста тысяч человек.
Из них находят в живом или мертвом виде – четверть.
Остальные пропадают бесследно.*

Боец Семенов

После того, как Семенов аккуратно выщипал несколько пучков травы прямо перед собой, расчистив сектор обстрела, оставалось только ждать. Место он выбрал лучшее из возможных: ровный кустарничек, в котором он залег, не давал возможности сразу отметить ближайший ориентир, значит, стрелять по нему будут вразнобой, каждый сам по себе, а это куда лучше, чем пальба залпом по команде унтера или кто там у них старший. Прогалина просеки давала возможность начать огонь метров с четырехсот, что для пулемета было в самый раз, а вот винтовкам или, тем более, немецким автоматам нечего было делать на таком расстоянии.

Поляна, на краю которой устроился Семенов, не дала бы незаметно вылезти сбоку, то есть, в общем, место было хорошим. Теперь только ждать. Спокойно, привычно. Собака лаяла редко, нетерпеливо и давала таким образом прикидывать, где сейчас прут преследователи. По лаю получалось – отсюда еще километра два, минут пятнадцать – двадцать точно есть.

Конечно, с Лёхой на пару было бы веселее, но что случилось, то случилось. Семенов остался один и точно знал: рассчитывать больше не на кого, только на себя самого. Угрызения совести Семенова не мучили: что вышло – то вышло, а такое дело, как война, любое чувство вины притупляет, некогда тут переживать по поводу того, что остался один. Вот избавляться от хвоста надо было, по возможности – самому не сдохнуть и тех, кто сейчас поспешал по лесу, уходя от наседавшей погони и уволаскивая носилки с раненым, прикрыть достойно.

Да и все равно Лёха городской, суетливый, ждать спокойно и неподвижно не смог бы – вон как его от комаров местных крючило. Не, толку бы не было от Лёхи в засаде. Семенов тихо сдул с носа особенно наглое насекомое, еще раз прикинул, как и куда будет отходить. Вроде все в порядке: есть и куда, и как. Только вот преследователи идут как по нитке, собачонка у них грамотная, и даже высыпанным табаком (ох, как жалко сыпать было, до слез и щипания в носу – последний ведь) не то что остановить, а даже задержать ее не вышло. Пропал табак зря. Значит, собачку с поводырем надо первой к Духонину в штаб пускать, как говаривал папаша Семенова.

Вот еще бы знать, сколько там немцев будет, с собакой-то в компании. Верно, с десяток, не меньше. Значит, надо их частью хотя бы окалечить, чтобы вместо погони пришлось бы уцелевшим своих раненых обратно волочь. И это все, конечно, верно и правильно, и даже машина подходящая есть для этого – трофейный тяжеленный черный ручной пулемет с воткнутым сверху плоским коробчатым магазином и громким названием «Хателлераульт Мле», как не без труда прочел надпись на нем самый грамотный среди окруженцев.

Только беда в том, что в вставленном магазине 25 патронов, да во втором – еще 8. И все, больше нету, и патроны такие заковыристые, что ничего из бывшего у окруженцев в наличии совсем не подходило – ни немецкие патроны, ни наши. Вот, значит, на все про все получалось 33 патрона. Очень негусто, можно прямо сказать. Потому надо перед тем, как что-то сделать – не семь раз отмерить, а поболее – раз с десяток. Ведь без патронов этот злобного вида пулемет, сторожко стоящий на сошках, становился вычурным куском железа, бесполезным в хозяйстве. А на тяжеленный парабеллум, которым Семенов так удачно разжился, рассчитывать было и совсем глупо – с теми тремя патронами, что в нем были, только застрелиться можно. Не боле.

Если бы не приближающееся редкое взлаивание – совсем бы картинка была хороша: кустики давали тенек, солнце не пекло, и поляна была замечательная. Покос бы тут был в самый раз, коровы такую траву любят, и сено получается стоящее. Тут Семенов одернул себя – расслабляться было не время. Мало ли что – может, эти гансы – ребята сообразительные и выпустили боковые дозоры вперед, чтоб собаку прикрыть. Сам Семенов так и сделал бы, если б гнался за кем.

Потому он и слушал, и смотрел, как мог, внимательнее. Просека тут проходила по невысокому холму, и Семенов при отходе постарался пройти так, чтобы преследователи, идя по его следу, хорошо и удобно встали бы под очередь.

Когда вдали на взгорбке просеки показались темные малюсенькие фигурки, Семенов с облегчением вздохнул. Впереди поспешали четыре фигурки, одна явно на четырех ногах, черноватая какая-то – та самая собаченция. Когда они приблизились, с отрывом метров в сто за ними гуськом стали показываться еще фигурки, разномастные какие-то.

Собаку уже можно было разглядеть: черно-коричневая, узкомордая. Семенов видал такую у НКВДшника одного в соседнем райотделе милиции. Порода еще называлась странно: доберман-пинчер. А пес был злощный, ничего доброго, его хозяин все время на поводке водил. Хозяин-то был ничего, следователем работал и очень любил рассказывать про своего пса всякие анекдоты. Юмора этого Семенов не понимал, потому, наверное, и запомнил дурацкие анекдоты накрепко и никак из головы эту ерунду было не вытряхнуть. Вот и сейчас, поглядывая на собаку, идущую уверенно по его следу, совершенно неуместно вспомнилось, как встречаются во дворе два пса, и один горделиво представляется: «Я – доберман-пинчер!» А другой пристыженно признается: «А я – просто пописать...»

Мысленно Семенов плюнул и присмотрелся повнимательнее к целям – сейчас вся эта публика была для него не более чем мишенями. Впереди шла собака – носом в землю, почти скрываясь в густой траве; следом поспешал странновато одетый вожатый: что-то в его форме было не так, хотя явно же немецкая. Но цвет непривычен. Не видел такого раньше. Тут же – явно охраняя поводья с собакой, шли уступом еще двое. И один из них крайне не понравился Семенову. Другой-то так, долговязый фундель городской, ясно видно, а вот этот кряжистый мужичок в кепи с длинным козырьком двигался неприятно – мягко, быстро и уверенно. Не особо и глядя под ноги. Но не запинаясь при этом. Словно по паркету скользил – видел Семенов на экскурсии во дворце, какая гладкая вещь этот паркет.

И цепко мужичок в кепи оглядывался по сторонам – это тоже не понравилось Семенову. Опытный гад, матерый, наплачешься с таким. Хваткий сукин сын. Вот те, что уже вытянулись вереницей и спускаются по склону гуськом – те отличная групповая мишень, и сейчас будут аккуратно на дистанции 400 метров – как только можно будет различить шагающие ноги, так значит, можно стрелять. Грех по такой куче идиотов не отстреляться!

Приклад у Хателлераульта Мле был не очень удобен, но теперь Семенов крепко вжал его в плечо, приладился, старательно прицелился, еще раз попробовал пальцами спусковые крючки, чтобы не ошибиться. В пулемете этом дурацком было их два, как на охотничьих двустволках, только первый давал одиночную стрельбу, а второй – автоматическую.

Вот на втором, заднем, сейчас палец и устроился поудобнее. Вздох, выверка прицела и, сказав мысленно по привычке: «Господи благослови!», Семенов потянул спуск, выдав длинную очередь на полмагазина. Приклад заколотил в плечо, но Семенов был к этому готов, и все прошло как при стрельбе с «дегтяря», тем более что на этом Хателлераульте Мле была удобная пистолетная рукоятка, помогавшая гасить отдачу.

Холодком секанула мысль, что промазал, но тут же накатила радость – даже не глядя на рассыпавшихся по взгорбке преследователей, только по дикому визгу ясно: зацепил. Да еще хорошо зацепил – то ли в живот, то ли в таз. Так сержант Парамонов был, когда ему попала очередь в низ живота. Значит, и этот раненый теперь не вояка, а если его приятели не последняя сволочь – тянуть его придется четверым, самое малое. Но, похоже, не одного удалось зацепить – по тому, как они там кинулись в траву, видно было, что не одного. Явно была видна еще фигурка, оставшаяся стоять, хотя все залегли, а потом косо завалившаяся, как срубленное дерево.

На всякий случай Семенов добавил туда еще пару коротких очередей и переключил все внимание на группку с собакой. Сама собака от выстрелов заплясала на дыбках, ее вожатый

растерянно стоял столбом, а рядом с ним, встав на колено, принялся стрелять горожанин. А вот коренастый мужичок исчез, и это больше всего Семенову не понравилось. Пора было сматываться. Перекинул палец на передний спуск и с третьего выстрела свалил собаковод, так и стоявшего нелепым столбиком, на прыгающую собаку потратил еще четыре, в ответ получил с десятков свистнувших по кустам пуль из винтовок, потом кто-то умный затеял лупить со взгорка из автомата – ага, на такой дистанции он бы и в амбар не попал. Стрельба разгоралась, но рядом в опасной близости ширкнула только одна пуля.

Значит, не поняли, откуда лупил, наобум святых пуляют, обормоты. Отполз в сторону, прислушиваясь напряженно, потом, пригнувшись, метнулся в лес, опять залег. Отщелкнул практически пустой магазин, глянул мельком – три латунных патрона еще оставались... Не глядя – все-таки насобачился уже, не зря тренировался – выщелкнул оставшиеся патроны, сунул пустой магазин за ремешок и так же наощупь впихнул патроны во второй магазин. Не получилось сразу примкнуть магазин, пришлось отвести взгляд на секунду, а когда поднял глаза – вздрогнул: коренастый в кепи, бесшумно возникший совсем рядом, саженях в десяти, отреагировал на тихий щелчок вставшего на место магазина моментально.

Он тут же выстрелил из винтовки, не целясь, и Семенову ожгло левое ухо, а потом сместился рывком в сторону и залег за земляным холмиком. Лязгнул затвор немецкой винтовки, но и Семенов был не пальцем делан, потому как сразу вдул в холмик очередь, так что комья земли полетели, и дернул вбок, влево: толковал еще на срочке сержант, что стрелку вправо винтовку поворачивать неудобнее, чем влево, и Семенов это накрепко запомнил. Еще не видя врага, он добавил до донца магазина туда, где мужик коренастый залег, сместился еще в сторону, бросив бесполезный уже пулемет и дергая из кобуры тяжелый парабеллум, но то, как странно дрыгал ногами лежащий немец, успокоило. Не повезло гансу – маловат был бугорок и не защитил от пуль, пробили они слой земли и достали лежащего. Времени у Семенова уже не было вовсе, но тикать просто так не хотелось.

Потому, перевернув еще шевелящегося, хрипящего и булькающего немца на спину, Семенов шустро расщелкнул тускло-серую пряжку «Готт мит унс» и рывком сдернул с лежащего всю сбрую с наплечными ремнями и навешенными разными штуковинами. Подхватил винтовку – странно коротенькую, легонькую после пулемета, закрыл открытый затвор, загнав медный патрон в ствол, и почувствовал себя куда лучше – снова с оружием. Что-то горячее текло по шее, саднило ухо, тронул рукой – мокро и липко, ухо какое-то неправильное стало, и больно. Вот незадача, так не ко времени, а перевязываться и нечем, и некогда! Но так бежать, роняя капли крови, совсем не умно.

Суетливо осмотрелся, потом дернул с шеи немца шелковый платочек (пионер, мля!), подхватил валявшееся кверху донцем кепи, прижал платочек в пораненному уху и придавил все это кепкой – чуток маловата, зато теперь кровь капать точно не будет. Прислушался: стрельба усилилась. Но щелчков пуль рядом не было. Быстро подобрал валяющийся пулемет и спешно, но сторожко двинул прочь от поля сражения. Черт их знает – может, таких спецов, как коренастый, у них несколько, глупо погибать вот так. Свою задачу Семенов уверенно посчитал выполненной: собаку он искалечил, а может и убил, самое малое трое раненых у гансов, все тяжелые, так что преследовать им теперь нечем. А лес большой, ищи-свищи. По дороге остановился на несколько секунд, пихнув в грудь валежника отслуживший свое Хателлерауль Мле и испытав короткую жалость, что приходится бросать неплохо поработавшее сегодня оружие.

Для Семенова теперь, после удачного дела, это было уже существо с душой, а не просто тупая железяка. Но без патронов таскать его было бесполезно, разве что место запомнить – вдруг придется вернуться. Накинул немецкую сбрую, приладил поудобнее, вытянул тяжелую алюминиевую флягу, свинтил крышку, понюхал, потом приложился.

Нет, не ошибся: опытным воякой был подстреленный ганс – подкисленная водичка была во фляжке, самое то было глотнуть пересошим ртом. Послушал лес, все еще слышную неле-

пую и бесполезную пальбу и двинул дальше, периодически путая следы, по дороге внимательно поглядывая по сторонам и проверив, сколько патронов в винтовке. Оказалось – четыре. Сносно, тем паче в подсумках оказалось еще с десяток обойм.

Менеджер Лёха

То, что дринк-тест провален, Лёха понял быстро. Достаточно было просто открыть глаза, чтобы это понять со всей ясностью. С утра Лёха должен был быть на тренинге по коммуникативности, а вместо этого он лежал, свернувшись клубочком в кустах, все мышцы одеревенели, да еще и замерз в придачу как собака. Не мудрено замерзнуть-то было – раньше ему не доводилось спать на природе, на голой земле (ну, не совсем голой, какая-никакая травка тут росла), да притом будучи одетым по дресс-коду, что определил генеральный на вчерашнюю пати: цветастые Т-шirts, шорты и шлепанцы, для создания бич-стайла...

Чушь свинячья, если честно, да и сам генеральный – та еще скотина, какой к черту бич-стайл на берегу какого-то озера в этой Белоруссии... Или это Украина? – Черт его разберет, приспичило начальству собирать для Тим-билдинга кучу народу не пойми где.

Зажлобилось начальство, другие вон такие тренинги в Египте проводят, а не в жопе мира, как охарактеризовал это местечко сосед Лёхи по офису Валерка. В общем – все плохо, как ни крути. Сейчас еще надо искать, где все остальные, вылезать на обозрение под общий хохот. Генеральный-то сам ржать будет как конь, ну а остальные кинутся на подхват, ясен пень. Позоруха, да и баллы штрафные как с куста...

А поговаривали, что отдел будут сокращать... И, вроде же, не пил очень много, развезло-то непривычно. Лёха за свои 23 года, случалось, и напивался, но не так, чтоб в отключку и на улице дрыхать. Нет, что-то тут не так – видно, выставленное вчера виски было неправильным... И ведь предупреждал сосед Валерка, что генеральный сотрудников любит подпаивать, и что надо быть на стреме... Подпоит и смотрит, кто чего и как. Дринк-тест, будь оно все неладно.

Мало того, что на работе гнобят, так еще и тут... И бухнуть-то спокойно нельзя. Да, к слову, и Валерик – тот еще фрукт. Не зря вчера подливал, очень может быть – неспроста. Если б еще не гудела непривычно башка, да тело так не ломило...

Лёха с омерзением сплюнул, получилось фигово – клейкая длинная слюна чуть не уделала футболку, но как-то удалось увернуться. Во круто: вылезти похмельным и оплеванным, дальше ехать некуда.

А начиналась эта сраная пати очень даже неплохо: и генеральному на глаза удалось попасться пару раз удачно, и даже чокнуться с ним пластиковым стаканчиком, и с девчонками из соседнего отдела Валерка, наконец, познакомил – зачетные девчонки, на них Лёха давно глаз положил. Но только глаз: так уж получалось, что в свои годы Лёха еще был девственником, и с девчонками как-то у него не срасталось. Вроде и не дурак, и внешне ничего так, и не то что робел или как-то иначе, но все равно не получалось. Не – всякие петтинги-митинги несколько раз были, но не более чем.

И не то чтобы на девчонок не тянуло, но как-то так, не сильно. Может, сидячая работа в офисе или куча общения вконтакте, может компьютеры, а может и что еще, но как-то все не сходилась. А вчера Лёха раздухарился, завелся, почувствовал драйв и как-то само собой познакомился с Валеркиной помощью сразу с двумя красотками из отдела маркетинга. Они обе были светло-русые, подтянутые, с отличными фигурками, только Лилька позадумчивее и грудастее, а Танька – смешливая и похудее, но и у нее и ножки и сиськи были – ого!

Валерка с Танькой раньше уже перепихнулся, но девчонка была легкомысленная, и это Валерку отпугнуло, а Лилька, как верная подруга Таньки, всякие поползновения Валерки отвергала с негодованием. Валерик так и предупредил, что если перепихнуться сразу же и потом несколько раз – то надо окучивать Таньку, а вот если серьезно – то Лильку и никак иначе: девки дружат крепко, а возможно даже и лесбиянят, не исключено такое... В общем, дело шло отлично. Правда, Лёха до конца не решил еще, кого из красоток выбрать для даль-

нейшей охоты, но был фан и драйв, и все шло отлично: девчонки завлекательно смеялись, сверкали глазами, Лёха был в ударе... Так, а что дальше-то было?

Лёха с трудом припомнил, что он пошел за допингом для всей компании – к ним еще из бухгалтерии пара телок присоединилась и этот, долговязый креативщик из отдела дизайна с бородатым сисадмином... Нет, допинг он не донес. Даже не дошел до стойки... Точно, не дошел. Лёха отчетливо вспомнил, что у кабинок биотуалетов тусовалась кучка озабоченных, вспомнил, что ему так тусить с постной рожей не захотелось – ну какой герой-любовник будет сиротливо маячить в очереди в сортир, потому он по дороге за выпивкой и орешками невзначай свернул в эти проклятые кусты, бормоча под нос не пойми откуда запомнившееся:

Снова манит меня,
заставляет куда-то бежать
проклятое пиво!

Пиво тут было ни при чем, пиво как раз пили в автобусе, на котором их коллектив прибыл в эту глушь, но присловье было хорошо, Валерке тоже нравилось, вот Лёха его и пользовал к месту и не к месту, и нельзя сказать, чтоб Лёха был очень уж веселым юмористом. Так, а что там было в кустах? Что-то еще запомнилось или нет? Запомнилось: когда он залез поглубже, путаясь в ветках, и сделал свои маленькие, но важные дела, рядом с собой Лёха увидел маленький огонек – ну вот как светлячок из детства, только те были зеленые, а этот огонек был желтым, мерцающим от лимонного до оранжевого и висел практически неподвижно. Еще подумал:

– Принесу телкам, а там видно будет. Пожалуй, все же Танька! Хотя у Лильки такое декольте... И соски через купальник торчат!

И вот на этом все воспоминание заканчивалось. Вроде как он этого светляка все же цапнул. Ну, не светляк же его так оглушил? Ладно, надо выбирать. Можно подсуетиться, и если попасть на перерыв, может, это проскочит? Все-таки генеральный не всех сотрудников всех филиалов в лицо помнит – может, и удастся тихо подсесть в задний ряд, и как будто тут и был? Времени-то сколько сейчас?

Айфон не порадовал. Получалось, что на два часа уже опоздание, тут уже точно переписали всех на тренинге. Ладно, все равно выбирать из кустов придется. Вот только вопрос – куда? Лёха прислушался, но ни черта слышно не было – лагерь же вроде должен быть рядом, хотя если все на тренинге, то перед генеральным никто не пошумит. Валерику позвонить не выйдет – айфон исправно сообщал две новости, и обе неприятные: связи нет, и зарядка вот-вот закончится. Здорово! Этот Мухосранск с украинско-белорусским окончанием на «о» не подкачал.

Лёха выругался и, стараясь, чтобы гудевшая голова не слишком раскачивалась из стороны в сторону, побрел туда, где вроде бы был просвет среди этого чертового кустарника. Когда выдрался из проклятого кустарника, понял, что не туда вылез: проселочная дорога тут имела, озерцо тоже, а вот здорового лагеря никаких следов не было, даже тех же бутылок пластиковых и всяких упаковок – словно кто специально берег выдраил, как тысяча китайцев. Пошлепал по песочку вдоль берега – сколько глаза хватало, никаких признаков людей. Тишина почти полная, только комарье звенит, да здоровенные такие, заразы. Ну, ваще!

Оставалось только идти по этой дорожке, она-то всяко куда-нибудь приведет, а там договориться, чтобы подбросили до лагеря... Работу свою Лёха не любил, зарплатой был недоволен, но вот так глупо с ней расстаться тоже не хотелось. Опять же, обедом должны были покормить, завтрак-то уже пролетел, как фанера над Парижем.

Идти в пляжных шлепанцах было неудобно, дорога была в лужах и глубоких колдобинах. Лёха шел и чертыхался. По-прежнему вокруг не было ни души, хоть бы какой пейзажник на мотоцикле попался – так нет, тихо вокруг. Разве что вот комары стараются изо всех сил. И

мухи откуда-то взялись – здоровенные, наглые изумрудно-зеленые и синие, блестящие, словно китайские игрушки. И запашком каким-то потянуло.

Сладковатым, но неприятным. Что-то с этим запашком было связано. Не сейчас, в детстве вроде... Помойка? Нет, не то. Лёха покрутил носом, прошел еще полста метров и ахнул: за поворотом эта убогая дорога, если ее можно было так назвать, наконец, вылезала из кустов на более-менее ровное пространство, и теплый ветерок именно отсюда тянул гадостный запах, а тут запах стал гуще, и Лёха отлично увидел, откуда и чем пахнет.

Прямо у дороги торчал непонятный буро-черно-белый бугор, поодаль из травы так же холмились чем-то похожие бугры той же расцветки. Скорее удивившись, чем ужаснувшись, Лёха вдруг понял, что это валяется и воняет падалью здоровенная коровья туша. И дальше – тоже дохлые коровы, и их тут не меньше двух десятков. И ладно бы просто дохлые коровы – мало ли, приволокли их с ближайшей фермы сюда...

Но с этими было все очень неладно: распотрошена была ближайшая туша совершенно зверски, валялась в луже кровищи, и из вздутого брюха вывалились сизые и зеленоватые кишки. Бурые пятна крови так же пятнали и соседние туши. Радостные мухи жужжали на манер нескольких генераторов – столько их тут было, и оторопевший Лёха, содрогаясь от брезгливости, злобно отмахивался от тех, что садились на него.

Отшлепав подальше от лежащей почти на дороге коровы, Лёха наконец-то ужаснулся, потому что до него доперло, что запросто так убивать стадо коров никто не будет. Одна за другой в голове пронеслось сразу несколько идиотских мыслей, которые и сам Лёха таковыми посчитал.

Какие тут волки! И инопланетян тоже не бывает. Тем более, они берут внутренности – а тут вон все валяется. Тогда кто? Испугавшись того, что его сейчас увидят и либо грохнут как свидетеля, либо загребут как виновника, Лёха присел на корточки и перевел дух. Потом со скрипом и в так натруженной голове сообразил, что сидеть на корточках посреди дороги всяко еще глупее, чем просто идти. И заметно издалека, и толку нет. Лучше идти.

Вопрос – куда? Может быть, назад пойти? А что там – медом намазано? Или все-таки вперед? Странно это все. Лёха поднялся и по возможности быстрее засеменял в неудобных шлепках по засохшей грязи проселка, стараясь при этом съежиться и проклиная кричащие цвета футболки и шортов. Теперь на обочине было довольно много хлама, в основном какие-то бумажки и тряпки, но к мусору вдоль дорог Лёха привык и тут только удивился, что нет вездесущих пластиковых бутылей и пивных банок.

Когда запах стал тише и Лёха перевел было дух, подловатая дороженька преподнесла еще один гадостный сюрприз: семенивший по обочинке, как пожилая китайка, Лёха чуть не наступил на сверток каких-то грязных тряпок, в которые была замотана кукла. То есть внешне она была похожа на куклу – такую Лёха дарил сестре Валерки: здоровенная куклеха, размером с годовалого младенца и выглядевшая, как младенец, только эта кукла была очень грязной, загаженной чем-то и сильно помятой. На голову этой кукле словно наступил кто-то. И цвет у куклы был неправильный: восковой, зеленоватый.

И опять мухи. И опять запах. До старательно отпихивавшегося от дикого факта сознания все-таки дошло: это – ни фиги не кукла, это как раз младенец. Настоящий. Мертвый. Точнее – убитый. Тут Лёха почувствовал, что его холодом просквозило. Ледяным ужасом. Это все было категорически неправильно, такого просто не могло быть, чтоб вот так по дорогам валялись убитые коровы и младенцы.

Ясно, тут маньяк какой-то бродит. Судя по тому, как изувечена была корова – не меньше, чем с бензопилой. Ничего другого и в голову не приходило. Разве что уж совсем экзотика – типа Хищников целой команды. Или там Чужих. Чужие так же выдирались при своих родах из организмов-носителей. А ведь похоже! Это что – тут, в белорусской или, черт ее дери, украинской глубинке два десятка Чужих??? Лёха дернулся обойти сверток с трупиком стороной

и напоролся еще на одного мертвеца – девчонку лет десяти, которую до того прикрывала не шибко высокая, но густая трава, выдавая только небольшой проплешиной место, где, раскинувшись навзничь, валялась белобрысая девчонка с грязными босыми ногами.

Лёха оглянулся и вздрогнул – таких проплешин было еще несколько. Сунулся было к ближайшей, увидел там старуху в платочке и старушечьей одежде, потом понял, что у покойницы лицо оскаленное и совсем молодое – ну, не старше его, просто оделась зачем-то так по-старушечьи. Наверное, это богомольная, ну, православная в смысле – они так наряжаются. И тоже вся растопорщена и в кровище, уже засохшей. Да что тут такое происходит??? Лёха дико глянул вокруг и совершенно неожиданно для себя рванул неуклюжим галопом по дороге. Хватило его сил метров на пятьдесят – все-таки он со школы не бегал, да и жирком подернулся, пузиком оброс. Остановился, задыхаясь и морщась от боли в ушибленных об дорогу ножках... И вздрогнул от негромкого, но очень злого возгласа:

– Стой!

Лёха затормозил как можно более резко, глянул вбок – там, плохо видимый в пушистых кустах, стоял невысокий, но широкоплечий парень в желто-зеленой мешковатой одежде и расплющенной на круглой, стриженной наголо голове странной шапочке. Тут только Лёха понял, что в руках парень держит здоровенное длинное ружье, и ствол этой длиннющей дуры направлен прямо на него.

– Ты кто? – по-прежнему негромко, но внятно спросил парень с ружьем. Очень как-то увесисто это у него получилось, убедительный такой вопрос вышел.

Лёха еще не собрался с ответом – мысли скакали, словно мультипликационные кенгуру, как вдруг за спиной спросившего раздалось низкое рокочущее рычание, словно там пряталась здоровенная собаченция типа той, что у соседа с третьего этажа. И не успел Лёха напугаться еще раз, как рычание перешло в низкий визг и закончилось требовательным и трубным звуком Му. Офисный работник совершенно очумел от всего этого, даже попытаться толком не получилось.

– Стоять, Зорька! – не оборачиваясь на рев за спиной, прикрикнул властно парень с ружьем и повторил вопрос еще раз, настойчивее:

– Ты – кто?

И нетерпеливо дернул ружьем, подчеркнув этим сразу несколько вещей – например, то, что ждать долго он не собирается.

– Лёха! – неожиданно для самого себя выпалил вспотевший от страха горемыка.

Парень с ружьем задумался, критически осматривая стоящего на дороге. На его простоватой физиономии отразилось то, что осмотром он остался весьма недоволен.

– Лёха, говоришь? Сколько вас тут таких?

– Не знаю, мы тут тренировались, вся компания. Тут наш лагерь должен быть рядом – зачистил Лёха и осекся, подумав, что, может быть, именно этот паренек в смутно знакомой одежонке и причастен каким-то образом ко всем этим убитым коровам и богомолкам. Ружье-то вон оно, в руке. А по Интернету со всеми этими репортажами эксклюзивными давно известно: маньяков чертова куча, так что зря он про лагерь-то брякнул.

Вдалеке затрещал вроде как мотоцикл, а может и машина, Лёха встрепенулся, а вот его собеседник сразу напрягся, помрачнел и показал своим ружьем в сторону, сказав сердито:

– А ну, свали с дороги!

– Куда? – бормотнул, послушно залезая в кусты рядом с парнем, Лёха.

– В кусты, быстро! Ложись!

– Так трава же мокрая! – запротестовал было Лёха, но оппонент был лишен дара терпения и, придвинувшись ближе и сделав однозначный жест своим ружьем, тихо рывкнул:

– Ложись, или я тебя штыком пырну!

Лёха очумело обнаружил, что раньше не заметил приделанную сбоку от ствола этого ружья не то длинную стамеску, не то отвертку – вороненую, но покрытую пылью. Ситуация как-то вдруг повернулась по-иному: странное ружье с длинным штыком, полужнакомая одежда на парне в кустах и даже блином сплюснутая шапочка на голове стали узнаваемы – не зря показались знакомыми, только вот в компьютерных играх это все выглядело не таким. Но теперь у Лёхи словно пелена с глаз спала: дошло, что в руках парень держит старую винтовку Мосина с трехгранным штыком, сам одет в гимнастерку и пилотку и, наверное, он этот, как их... По телевизору показывали... Во, реконструктор! Только те были неуклюжие и нелепые, а этот – ловкий, и винтовку держал как-то привычно, умело.

Но вот черный, грязный штык очень недвусмысленно покачивался совсем рядом от цветастой тряпки Т-шirt, которая не была вот такой уж защитой нежного Лёхиного тела. И острое штыка, с торца похожее на старую отвертку, смотрелось очень неприятно – блестящая такая узенькая полосочка острой стали.

Лёха все-таки замешкался: выполнять дурацкий приказ очень не хотелось, да и мотоцикл тарахтел уже неподалеку, но, глянув в глаза оппоненту, понял, что этот – пырнет. И прямо сейчас. Потому достаточно быстро лег в траву, неприятно холодную и действительно мокрую. Почему этот реконструктор старается остаться незаметным, Лёха понял: значит, устроил маньяк засаду на дороге и убивает всех, кто мимо идет... Хотя коров дохлых тут с десятков... Откуда тут бродячие коровы – они все на фермах.

– Ползи глубже в кусты – видно тебя с дороги, как шаль цыганскую, – приказал реконструктор.

И Лёха послушно пополз, стараясь все же разглядеть, кто там по дороге проедет – может, милиция? Не байкер точно – мотоцикл хотя и грохотал, как тяжелый, но все-таки до рыка серьезных байков не дотягивал, не было в звуке этого львиного рычания.

– Замри! – шепнул реконструктор, когда мотоцикл тарахтел уже рядом.

Лёха послушно замер, потому что точно знал: маньякам нельзя перечить и, попав в руки террористу, надо выполнять все его требования – так во всяких инструкциях рекомендовали. Но все-таки искоса стал глядеть, чуть подняв голову и видя кусок дороги сквозь листву.

Байкер поразил куда больше, чем сосед с ружьем. Впрочем, он явно был из компашки этого соседа, потому что, хотя был густо покрыт дорожной пылью с ног до головы, словно его в пыли этой катали, но и характерные сапоги с короткими голенищами, и поблескивающая сквозь слой пыли каска очертаниями, словно у американских морпехов, и тем более болтающийся на спине автомат и здоровенный гофрированный цилиндр – все четко соответствовало форме немецкого солдата Второй Мировой – точ в точ, как в разных компьютерных играх.

Слет реконструкторов тут, что ли? Мотоциклист встал как раз в просвете между ветками, осмотрелся, потом поднял с глаз вверх, на край каски, дурацкие старомодные очки, огляделся. На покрытой слоем пыли физиономии странно смотрелась полоска чистой кожи с глазами. Мотоцикл тихо порывивал.

Запыленный реконструктор слез с него, обошел по следам Лёхи – от него в траве осталась видимая полоса, поглядел на труп богомолки, потом наклонился, повозился, а поднявшись, повертел перед глазами какую-то маленькую вещичку, блеснувшую на солнце желтым тугим солнечным зайчиком, внимательно осмотрел еще пару мест, где кто-то валялся в траве, огляделся по сторонам, сел на свой агрегат, нацепил очки и, явно довольный, покатыл дальше, оставив пыльный хвост.

– Вставай, пора ноги уносить отсюда! – хмуро велел парень с винтовкой.

Совершенно очумевший Лёха послушно встал и пошел туда, куда ему показал штыком реконструктор, полагая, что теперь уже ничему удивляться не будет. Дальше он все-таки удивился дважды. Когда оказалось, что за ними в кустах стояла живая корова, пузатая, рогатая с черно-белой шкурой – такая же, как и валяющиеся у дороги, только живая. И когда парень

приказал ему поднять из травы и нести тяжелую зеленую каску, полную белой жидкости. Лёха не сразу допер, что это молоко.

– Расплескаешь – набью морду! Давай, двигай вон туда и аккуратно! – приказал сумасшедший реконструктор. И неожиданно ласково добавил:

– Умница, Зорька! Ну, пошли красавица, пошли!

Лёха обернулся и все – таки хмыкнул грустно – очень уж нелепая кавалькада получалась – впереди он с каской, полной теплого молока, следом корова и замыкает реконструктор...

Боец Семенов

Жрать хотелось, как из пушки. После разгрома роты прошло уже двое суток, потому все, что имелось в заначке, кончилось. У других – тех, кто помогал тащить тяжелораненого взводного Уланова, тоже харчей не осталось, да что там – Петров вон даже сидор свой посеял.

Хотя половине роты повезло еще меньше – остались они вместе со своими вещмешками в полужасыпанных стрелковых ячейках. Так что Петрову еще, можно сказать, свезло. Зато у него шинель была совершенно целой, а вот сам Семенов недоглядел, по его шинелке прилетело густо, и осталась от скатки, считай, половина. Ехида Петров порекомендовал из огрызка «польта боевого» сделать коврик-половичок. Что возьмешь – горожанин потомственный, ему бы все зубы скалить.

Ну да зубы-то он скалить умел, а вот с лесом не знаком, потому пришлось идти «на фуражирование», как называл такое действие по-старорежимному взводный, именно Семенову. Поиск не порадовал: по дорогам катила на восток немецкая армия, в деревушке, куда с задворков сунул нос Семенов, всю хозяйничала какая-то немецкая тыловая часть, стояли грузовики, сновали солдаты, и услышанный за короткое время несколько раз пороссячий предсмертный визг ясно давал понять – пируют, сволочи. Да и вообще признаков веселья было куда как достаточно – и пиликанье губной гармошки, и гомон, в который вплетались и веселые женские голоса...

При всем том сидевший на изгороди у околицы часовой, хоть и покуривал трубочку, но поглядывал внимательно, так что лезть в это все смысла не было – не настолько Семенов оголодал, чтобы голову потерять. Повезло, когда уже возвращался. На проселке попалось место, где немецкие летуны обстреляли эвакуировавшееся стадо. Несколько убитых коров, которых увидел и учуял по запаху Семенов, вполне дали бы достаточно мяса для всех товарищей – хотя и вонючего, но съедобного. Другое дело, что придется потратить много времени, потому что маленьким ножиком резать шкуру и вырезать мясо – дело непростое. При этом еще и осматриваться по сторонам надо – черт его знает, кого по дороге принесет, вполне могут и велосипедисты тихо подъехать, и пешие фрицы подойти.

Увлечешься – и все, гайки. Потому Семенов сразу услышал, что по кустам кто-то к нему прет. Оказалось, уцелевшая и отбившаяся от стада корова – крупная, породистая, таких в деревне Семенова не бывало. И вымя было у нее громадное и твердое: понятное дело – доить ее некому, страдает животное от этого, вишь вымя как расперло, больно ей, вот к человеку и вышла.

Пожалуй, это было куда лучше, чем дохлятину резать. Несколько все же добытых из спины падали кусманов Семенов замотал в листья лопуха и уложил в торбу противогазной сумки (сам противогаз выкинут был еще неделю назад), помыл грязные руки, потратив всю воду из стеклянной фляжки (ну да тут, в этих местах, воду найти не просто, а очень просто) и сноровисто подоил ждавшую этого с нетерпением корову, которую сразу же окрестил Зорькой.

Вот не зря каску не бросил – аккурат и пригодилась, только пришлось выдернуть оттуда дермантиновые лепестки, что для амортизации были вставлены. Получилось ведерко, хотя и не очень удобное. Теперь корова охотно пойдет за ним, остается добраться, по возможности без приключений, до голодных товарищей. Вот только Уланову вряд ли это молоко поможет – ясно видно, что помирает взводный, нехорошо его задело, насмерть, только вот не сразу насмерть, а с оттяжкой в пару-тройку дней. Ну, хоть перед смертью молока попьет, если сможет...

Тут-то Семенов и услышал, что кто-то шлепает по дороге. Успел корову в кустах укрыть, сам укрылся. Ну и увидел... Как назвать того, кто выперся из-за поворота лесной дорожки, Семенов сразу не решил. Скорее всего – клоуном, хотя в цирке ни разу не был, клоунов не видел, но старшина в роте так называл разных чудиков. Этот чудик был одет... Или, скорее,

раздет? Черт поймет! В общем, одет он был диковинно и цветасто. Так даже цыганка побоялась бы одеваться, да еще без брюк, в труселях. И на ногах что-то совсем странное.

А клоун этот тем временем совершенно очумел от вида дохлой коровы, шарахнулся в сторону, а там, где валялись бравыми авиаторами убитые беженки, скорчил такую рожу, что хоть кино снимай, и засутился.

Семенов озадаченно задумался. Для любого, кто шел и ехал по этим дорогам, зрелище убитых было привычным. Немецкая авиация безобразничала, как хотела, трупы валялись и поврозь, и кучами, лufтваффе, как по-ученому называл немецкие самолеты Уланов, охотились даже за одиночками.

Семенов своими глазами видел с неделю тому назад, как пара истребителей пулеметными очередями гоняла в поле нескольких девок и баб – горожанок, которые в своих белых платьях были видны лучше некуда... Опять же, так испугаться дохлой коровы... А уж вырядился-то... Может, сумасшедший? Так нет таких красок, Семенов такого даже в Вятке не видал, а Вятка – крупный все же город, модников там много.

Немецкие краски? Там, в Европах, чего только не учудят... Но тогда что так от беженок шарахнулся? Немцы мимо трупов ездят, даже нос не воротя, видел уже... Шпион? А что шпиону тут делать? В лесу-то? Шпионы – они всегда в Москве, это и в кино показывали. Одно ясно: надо этого идиота с дороги убрать, нечего ему тут внимание привлекать. Семенов так и решил: если человек этот по-русски понимает, ну или вообще не совсем сумасшедший, то придется его отвести к Уланову. Взводный пользовался заслуженно авторитетом умного и толкового человека, вот пусть и решает. Если же начнет бузить-хамить... ну тогда по-тихому штыком придется. Не впервой уже.

Семенов неслышно встал на ноги и окликнул клоуна:

– Стой!

И чуть не пальнул от внезапного мычания Зорьки за спиной, требовательного и нетерпеливого – не до конца додоил, нервничает животина, напоминает о себе.

Менеджер Лёха

Если б еще не голова! Обычно голова у Лёхи работала очень неплохо, не дурак он был, совсем не дурак, но вот сейчас... Чертов дринк-тест! Да еще и к угрозе, что ему набьют морду, приходилось относиться серьезно: шедший сзади гопник-реконструктор почему-то внушал уверенность, что да, набьет морду. Потому нелепую эту тяжеленную каску, полную почти до краев тяжело колышущимся молоком, приходилось нести с крайней осторожностью, а это тоже отвлекало от мыслей.

Да и не мысли это были – ворох какой-то фигни, лихорадочной и рваной. Куча мусора, а не мысли. Единственное, что еще куда-то годилось как продукт деятельности человеческого мозга, это была многократно повторявшаяся мысль: «Эпикфейл! Попал, так попал!» Да и то, наверное, только потому, что была слишком куцей, и встопорщенный мозг мог ее продумать всю целиком и сразу.

Кустарник кончился, сменившись вполне приличным лесом. Идти стало чуток полегче, но тут порвалась левая шлепка. Лёха сбился с шага и беспомощно оглянулся. Шедший сзади реконструктор криво ухмыльнулся и показал штыком – иди дальше. И Лёха послушно пошел, оставив покалеченный тапок сзади.

Идти босым по лесу было еще больше непривычно, и теперь думать уже совсем не получалось. Хорошо еще, что лесок этот был чистеньким, словно тут тыщи гастарбайтеров поработали – ни банок, ни битых бутылок, ни полиэтилена – чистота неслыханная, наступить можно только на шишку там или сучок. Вообще никакого мусора. Потом пошел толстый слой мха, ноги утопали в нем, словно в шикарном ковре, и Лёха немного отвлекся.

«Наверное, все же в Белоруссии этот тренаж проводят, – подумал Лёха. – Больно чисто. Но при чем тут коровы? И нету вроде террористов в Белоруссии, тут КГБ... Нет, по телику было что-то – рванули бомбу в метро... Значит террористы? Тогда коровы при чем? Этот норвежец, как в инете писали, тоже такую пати, как наша, накрыл, но без коров. И одевался он в полицейское шмотье. А тут – реконструктор какой-то дикий. Нет, двое реконструкторов – еще тот байкер пыльный на дороге. Или просто в этой глухомани сначала на коровах оттянулись? Тогда с чего один от другого прячется? И молоко это чертово.

На миг в мозгу с какой-то стати просквозил вид отсека молочной продукции супермаркета «Окей», где на полках стояли ряды таких же зеленых касок с молоком разной жирности, кефиром и Растишкой. Догоняя, пронеслось совсем идиотское: где искать срок годности продукта на каске?

Лучше от этого не стало, только еще хуже, да комары окончательно взбеленились, жая на манер пчел. Таких комаров Лёха давно не видал, и единственное, что спасало – идти быстрее, но тогда молоко чертово разлилось бы. И он его чудом не разлил, когда за спиной требовательно взревела – именно взревела, а не замычала, как ей положено, корова. Он обернулся было, но чувак с винтовкой что-то убедительно, но ласково и тихо сказал здоровенной скотине почти в ухо, и та послушно пошла дальше. Черт, куда они идут-то?

Почему-то вспомнился дурацкий старый анекдот про партизана, который не знал, что война уже давно закончилась, и все поезда подрывал... Определенно ничего не было понятно. Хотя, с другой стороны – Лёха тут же осадил себя, – к террористам в лапы он еще ни разу не попадал, потому хрен их разберет...

Вон у того чеченца вместо котелка с молоком вообще была титановая пластина в черепе... Или это у другого было? Но этот – с винтовкой – безбородый, только щетина на морде. Не чеченец. Нет, ничего не понятно. Вот трупы на дороге – настоящие. И мухи там были настоящие. И запах. И чертовы комары в этом чертовом лесу – самые настоящие. Только в этом Лёха точно был уверен.

Боец Семенов

Клоун понимал по-русски и команды выполнял, хоть и с задержкой. Ну, немного все же полегче, а то довелось с беженцами идти – так по-русски кое-кто вообще ни в зуб ногой. Им «Воздух!» кричат, а они стоят, таращатся в небо, откуда падает смерть, или раком ползает на самом видном месте, словно их спасет то, что они на четвереньки встали или бегут галопом прямо под бомбу... Сам-то Семенов при втором уже налете действовал как положено – действительно, хоть и страшно, а все-таки понятно, что да откуда.

Вот когда их плотно накрыли минометами, было куда хуже. Хуже некуда. Хотя покойный ротный все время толковал о том, что газовая атака еще страшнее. Ну, ему виднее – он травленный был, покашливал все время, хапнул в Империалистическую еще немецкого газку.

Но тут Семенов все-таки больше верил взводному Уланову – тот толковал, что нынешняя война – это война моторов. Уланов толковый командир, знает, что говорит. Газу вот не было ни разу, а моторов насмотрелись уже. Себе на уме был взводный. И даже как бы не заметил, когда они, проходя по разгромленной желдорстанции, где стояло аж несколько составов, частью разбитых, частью горевших, набили в противогазные сумки консервных банок, высыпавшихся из разваленного штабеля ящиков. А потом еще заставил набрать из стоявшего особнячком вагона патронов и гранат под завязку. Тяжело было тащить, многие тогда противогазы потихоньку выкинули, а взводный вроде как не видел... Не могло такого быть – глазастый он, Уланов. Другое дело, что набрали всего – чуть руки не отрывались, и все ж без противогазов полегче стало. А вот когда некоторые попытались и лопатки скинуть – тут же пресек. Очень им это пригодилось потом. Да и, собственно, спаслись в последний раз только из-за взводного, мелкую лошину заметившего. Семенов уже стал опытным пехотинцем, сейчас он понимал, что маленький холмик, бугорок, ямка спасительней иного блиндажа бывают. Неопытный и не заметит, и погибнет зазря, а опытный – выживет. Из-за неприметных вроде мелочей. В том и разница...

Клоун пестрым пятном маячил впереди, пыхтел. Ясно, горожанин – по лесу прет как танк, только треск стоит. Никакого соображения, что лес шума не любит. И пятки розовые, гладенькие – не ходил боссячком-то. Обувка у него несуразная... да и одежда... Много чего диковинного видел, пока отступали, Семенов, но вот такого – ни разу. Странный клоун донельзя.

А вроде и не немец – от связника немецкого на тарахтелке послушно укрылся. И таращился, полукоткрыв рот, как фриц обручальное колечко с покойницы-беженки тянул. Но без страха таращился. С удивлением. Тоже непонятно. Про таких чудиков мамка говорила: «С луны свалился!» Какой-то он невсамделишный. И тапок его порванный, который Семенов хозяйственно, по крестьянской своей привычке, подобрал, тоже странный – легкий и из какого-то материала непонятного. Нет, оно конечно, цивилизация и всякая такая штука...

Вон, когда в деревне в первый раз аэроплан увидели, так перепугались все и кинулись кто куда, дядька Евсей вообще в колодец прыгнул, а сам Семенов по малолетству стоял посреди дороги и выл в голос, пока его ребята постарше под телегу не утанули... Так что всякое бывает... Тут Семенов покрутил в смущении головой, потому как вспомнил еще и срамное. Когда в школе учились, Зинухе отец из города «трусы» привез, и он с приятелем лазил под парту, чтоб посмотреть, что это такое. И не он один – остальные и мальцы, и девчонки тоже Зинухе под юбку лазили смотреть на диковину такую.

А сейчас его трусами не удивишь. Учитель тогда шибко рассердился – урок ему Зинухины трусы сорвали. Он-то понять не мог, что такого диковинного в невиданных раньше в деревне трусах – думал, что-то неприличное происходит. Можно подумать, что деревенские не знают, что у девчонок под юбками. Еще как знают. А трусы – те да, невидаль была невиданная.

Зорька напомнила, что она тут, и не грех бы ее выдоить как следует. Надо, кто ж спорит, только некуда. Потерпи, родимая. Скоро явимся – а там четыре голодных рта, вот тогда все и сделаю... На всех молока хватит. И с обозом-то в виде коровы жить легче будет – на молоке можно долго продержаться, а бензина корове не надо, травы хватит. С этим теперь проще. А вот что с клоуном делать? Ввязываться в разговор с этим городским Семенов не рвался, ему и Петрова хватало с избытком. На язык-то горожане остры, куда там. И словечки всякие отпускают непонятные. Ломай потом себе голову. Вот сейчас – пока в руках у Семенова винтовка, все хорошо. А начнется разговор – глядишь, и стушеваться придется.

И точно, когда, наконец, добрались всей честной компанией до неприметно разбитого в лесу пристанища, так карауливший Петров сразу и выдал, заблажив скороговоркой на манер ярмарочного зазывалы:

– Разыгрывается лотерея: пистоль Бармалея, что с Апраксиной галереи, воловий хвост и два филея! Пять коз да мусору воз! Тулуп на рыбьем меху, воротник моржовый, а обклад ежовый, да вокруг всех прорех понашит кошачий мех! Разные макароны, из которых выют гнезда вороны! Часы из чугуна, одна стрелка видна, два вершка до трех часов! Серьги золотые на заводе из меди литые, без всякого подмеса десяти пудов весу!

И тут же добавил почти нормальным голосом:

– Дамы и мадемуазели! На арррене нашего цирка несравненный мсье Семенноу с его дрессированными гиппопотамами, только у нас и только один раз, проездом из Буэнос-Айреса в Урюпинск. Прошу любить и жаловать!

И совсем нормальным голосом спросил:

– Это что за балаган такой?

Семенов, как всегда, чуточку растерялся от такого напора и только сумел, что укоризненно посмотреть на балабола. Тот ответил неулыбчивым взглядом и чуток кивнул в сторону, где под навесиком из еловых лап лежал пластом раненый взводный. Раненый даже не пошевелился – то ли опять сознания лишился, то ли, наконец, задремал после тяжко прошедшей холодной и сырой ночи. Дескать, не для тебя, Семенов, венчальный звон, это я взводному показываю, что у нас дух бодр, разум светел и перспективы ясны. А по выражению физиономии сослуживца Семенов с огорчением понял, что взводный совсем плох. И это сильно огорчило, потому как без командира будет плохо, командир-то всегда знал, что и как делать. Как батя в семье. И без бати им будет паршиво.

– Такой вот балаган, – сухо ответил Семенов и спросил у балабола:

– Молоко пить будешь?

– А то ж! – без обычных своих подковырок сразу согласился Петров. Потом вопросительно глянул, намекнув – не лучше ли командиру первую чарку, то есть каску.

Семенов помотал головой. Раненому лучше тепленького – как ребята каску опорожняют, так он свеженького надоит, полезнее оно. Не чинясь, Петров приложился к краю каски и зачмокал. Хорошо приложился, от души. Потом передал ополовиненную посудину сидящему под елкой третьему бойцу. Тот кивнул, в несколько длинных глотков добил остаток.

Семенов, хмуро посмотрев на переминавшегося с ноги на ногу Лёху, молча подставил пустую каску аккуратно под разбухшее вымя и ловко стал выдаивать из крупных розовых сосков цвиркавшее струйками молоко. Сноровисто это у него получалось, привычно. Потому и подумать удалось – сначала он командира молочком попоит, потом совета спросит – что дальше-то делать. Заодно и с клоуном можно будет решить, что да как. От принятого решения стало легче на сердце. Семенов не любил неопределенности.

Взводный не спал, лежал тихо, с открытыми глазами. С тоской убедился Семенов, что совсем Уланов сдал, совсем все плохо.

– Вот, товарищ лейтенант, молочка раздобыл, попейте! – совсем не по-уставному и немного от этого робея, сказал Семенов, аккуратно присаживаясь на коленки рядом с ране-

ным. Петров пристроился с другой стороны – лейтенант уже сам голову поднять не мог, еще вчера не мог.

– Что там? – очень тихо спросил умирающий.

– Все то же, товарищ лейтенант: немцы по дороге шпарят, в деревне кур и поросят жарят, а я вот коровой разжился, теперь с голоду не помрем. И вот еще клоуна подобрал, – вспомнил о чудике рядовой.

Менеджер Лёха

Поганая чертовщина продолжилась и дальше, становясь от этого не менее поганой. Чувствуя себя почти коровой, Лёха, так же как и шедшая за ним пятнистая животиная, покорно шел по лесу, пока не уперлась вся компания в злобноглазого чувака, одетого точно так же, как и дикий реконструктор за спиной, и с такой же пушкой в руках. Только у этого морда была еще противнее, потому что видно было, что чувак откровенно злой и недобрый – Лёха отлично умел угадывать характер людей по выражению физиономии.

«Скорпион по знаку, скорее всего,» – мелькнуло в голове.

Чувак вдруг понес какую-то невиданную пургу, причем Лёха сначала даже не врубился, что за фигню плетет этот оглоед. Но этот словесный понос явно предназначался не для Лёхи – его этот чувак как бы игнорировал, а вот шедший сзади реконструктор как-то застеснялся. Оробел, что ли? Лёха совсем запутался, особенно когда увидел, что на небольшой полянке сделан навес из веток и еловых лап, под ним на такой же подстилке пластом лежит тщедушный человечек со странным цветом лица, и рука у него, торчащая из рукава, тоже какая-то восковая, не живая. Вместо спального мешка лежащий был укрыт серым пальто. Лёха было подумал, что это манекен или там реквизит, но рука вдруг слабо пошевелилась. Оба реконструктора между тем направились к навесу, забрав у оторопелого Лёхи уже отмотавшую ему руки своей тяжестью каску. Злобный присосался к краю этой громоздкой и нелепой чаши, ипил от души – так сотрудники офиса глыкают воду из кулера в понедельник. Потом протянул каску в сторону, и Лёха вздрогнул – оказывается, под елкой сидел неподвижно еще такой же реконструктор, только морда у него была, как у гастарбайтеров. Таджик, наверное. Но тоже с пушкой, только какой-то коротенькой.

– Жанаев, держи, – сказал злобный.

Азиат с явным удовольствием дохлебал до донца, и приведший Лёху мутный тип взялся тут же доить корову с таким уверенным видом, словно всю жизнь этим занимался. Лёха, видя, что на него внимания не обращают, осторожно сел на траву. Ему ничего не сказали, но вся троица глянула, что это он там шевелится. Лёха почувствовал себя еще неудобнее.

Дояр со злобным тем временем отправились под навес. И через пару минут замахали оттуда руками, явно приглашая... Хотя, судя по их загорелым физиономиям, не приглашая, а требуя. Лёха на ватных ногах побрел под навес. Если б еще не похмелье и башка бы не трещала так... Мысли и так путались ворохом. Лёха чувствовал себя совершенно по-идиотски – слишком все было нелепым и странным, не подлежащим никакому реальному и четкому объяснению. Маньяки, террористы, трупы на дороге... Реконструкторы... Дурь свинячья и чушь собачья...

Человек под навесом манекеном не был. Живым его тоже можно было назвать с натяжкой – маленький, тощий, с ввалившимися глазами на обтянутом зеленоватой кожей черепообразном лице, он скорее напомнил подошедшему менеджеру лича из старой компьютерной игрушки, в которую Лёха рубился года три назад. Только глаза были обычные, человеческие, а не горели мертвенным зеленым огоньком. Но, пожалуй, только глаза и были живыми – даже волосики казались плохо приклеенными к голове. Да и не было у лича потеков молока из уголков рта, как у этого лежащего. Лёха отстраненно заметил, что стоящий рядом на коленках злобный нерешительно мнет в руке относительно белую тряпочку – видимо, не решаясь обтереть с лица лежащего это нелепое молоко.

– Кто вы? – тихо прошелестел лежащий. И было видно, что ему трудно было даже это выговорить. Лёха вспомнил, что называть себя и свое место работы по требованиям террористов рекомендовано, и теперь уже нормально отрапортовался – фамилией, именем, отчеством и даже назвал свое место работы. И сильно удивился странному удивлению всех троих.

– Вы англичанин? – спросил лежащий.

– Нет, русский, – в свою очередь, удивился Лёха. Ему казалось, что он понимает что-то, но это понимание было настолько невероятным, что не понималось почему-то полностью, и потому не понимал Лёха ни черта.

– Тогда что вы здесь делаете, раз работаете в английском учреждении?

– У нас тут был тренаж, ну то есть тим-билдинг типовой, а фирма московская. Я потерялся, а вот он меня захватил, – кивнул растерянно Лёха на дояра.

– Тренаж? То есть тренировка? И как вы сюда попали? – чутьочку громче спросил не вполне лич.

– На автобусе арендованном привезли. Тут не только у нас тим-билдинг был, тут много фирм, лагерь известный, с хорошим имиджем...

Тут Лёха подумал, что, не ровен час, попрутся эти странные типы в лагерь и устроят там погром, как на дороге, и потому торопливо добавил:

– Официальный лагерь, милиция охраняет.

– И давно у вас тут лагерь? – уточнил лежащий.

– Давно уже, года три точно. До этого вроде в Египте проходили, но там беспорядки.

– Ваше воинское звание?

– Я невоеннообязанный. По состоянию здоровья, – пояснил Лёха.

Злобный и дояр помалкивали, напоминая при этом сторожевых собак, смотрели с каждой фразой все более недобро, и Лёха аж вспотел, понимая, что от этого странного полумертвеца сейчас зависит его судьба. Так он потел только на собеседованиях с менеджерами по рекрутингу. С чего это вдруг эта публика так ошетичилась? Ну, лагерь, ну тим-билдинг. Не запрещено по законам ни Украины, ни Белоруссии, между прочим. Точно, партизаны из анекдота. И с чего им спрашивать про воинское звание? Хрен им, а не воинское звание. Военный билет у Лёхи есть, а звания нет. И это его вполне устраивает. Цепляются, бывает, полицейеры в метро, призывников когда ловят весной и осенью, но не зря Лёха билет добывал – дороговато встало, но стоило того.

Боец Семенов

Если взводный и выпил пару глотков, то хорошо. Не получалось у него уже глотать толком. Петров вытянул свой носовой платок, но так и не осмелился вытереть Уланову лицо. А вот при упоминании клоуна раненый как-то встрепенулся, и когда тот нерешительно подошел поближе, словно бы даже стал бодрее. Дальше пошло непонятное: клоун оказался русским, но признался, что работает на англичан. Семенов политзанятия посещал, был отличником боевой и политической, так что точно знал, что Египет – английская колония. Ну, а с англичанами Семенову все было ясно – не зря в руководствах по рукопашке и стрельбе и на мишенях были именно английские солдаперы. И потому Семенов незаметно подобрался, устроился поудобнее, чтоб если что – вдеть этому шпиону прикладом. До чего обнаглели – даже прямо признается, что у них тут лагерь для тренировок. Правда, война сейчас с немцами, но англичане те еще гады. Ничего хорошего от англичан Семенов не ждал, да и сосед в деревне – дядя Миша не раз рассказывал, как во время интервенции попал под химический обстрел именно англичан, накрыло тогда ядовитым облаком товарищей, а ему повезло – не наглотался, выжил.

Вот Петров – тот удивился чему-то. Но с Петровым всегда все наперекосяк. Умничает много, когда не надо, горожанин. За это его старшина роты Карнач и жучил все время. Поделом. И все-таки Семенов и сам не понимал, почему английский шпион сам признается во всем, почему так одет, почему так обут. Может, в Египте такая одежда и принята, но вроде как нет – там пустыня, бедуины, солнце жарит, сгорел бы в такой одежке этот шпион. Ничего, Уланов мужик башковитый, сейчас этого клоуна расколет.

За то коротенькое время, пока Семенов находился под командой взводного, самое малое трижды толковость командира спасала бойцу жизнь, и Семенов это отлично помнил. И при первом авианалете, и с мотоциклистами, и тогда, когда по лощинке ноги уносили... Впрочем, вспоминать особо не стоило: отвлечешься, начнешь ртом ворон ловить – а мало ли что клоун учудит. В кино Семенов видел, шпионы – они коварные. Этот, наверное, тоже специально таким дураком вырядился, обыскать бы его надо было, а то отвлекся на корову и молоко, забыл обязанности. А ведь знал отлично: даже у советского красноармейца, всего-навсего попавшего на гауптвахту, забирают все, чем он может себе или другим вред нанести сгоряча. А этот-то клоун совсем не боец рабоче-крестьянской красной армии. Сейчас выхватит нож или пистолет, и пока тут с винтовкой развернешься, он всех и положит. Семенов сильно огорчился своей оплошности и решил ее исправить по возможности быстро. Он встал, зашел за спину клоуну и встал поудобнее, чтобы любое движение этого шпиона предугадать, половчее перехватил винтовку и уже после этого сказал:

– Товарищ лейтенант, я его пока конвоировал – не было возможности обыскать, а сейчас самое время. Разрешите, Петров его мигом проверит!

Уланов только моргнул, и Петров, нимало не чинясь, тут же сунул свой носовой платок обратно в карман и обхлопал одежку клоуна, благо одежки той было – всего ничего. И не зря охлопал – из единственного кармана в труселях клоуна Петров ловко вывернул черную коробочку, отчего шпион дернулся было. Но тут же затих, почувствовав спиной кончик штыка.

Петров недоуменно покрутил коробочку в руках, потом показал ее раненому.

Семенов сначала подумал, что это портсигар, но размеры не те. Но хорошо, что не пистолет.

– Что это? – спросил Уланов. Он своих эмоций никак не выдал. Возможно, просто сил на них не было.

– Айфон, – ответил клоун так, словно все тут находящиеся должны были отлично понимать, что это такое.

– И для чего это? – еще больше удивил клоуна своим вопросом Уланов.

– Смартфон. Ну, то есть то же, что и коммуникатор, – ответил явно растерявшийся клоун. И пояснил еще непонятнее:

– Мобила такая с функциями компьютера.

– Для чего это? – совсем удивил клоуна простым вопросом, который вертелся и у Семенова на языке, взводный. Петров, судя по всему, тоже готов был спросить про это же. Клоун, явно растерянный, обвел всех глазами и жалобно спросил:

– Прикалываетесь, да?

– Отвечай! Не дури! – и Семенов чуток сильнее нажал кончиком штыка на пухлую спинку.

– Да для связи же. Позвонить кому, смс-нуть, еще чего. Да вы что – никогда мобил не видали? – разволновался допрашиваемый шпион.

– Это что – телефон, что ли, такой? – переспросил Петров, забыв даже уставные нормы.

– Ну да! – ответил клоун и шпион по имени Лёха, поражаясь все сильнее и сильнее.

– И работает? А провода где? – насел на него Петров.

– С кем вы можете связаться? – тихо спросил взводный, и Петров заткнулся.

– Ни с кем. Тут вне зоны действия сети, – почему-то поник клоун.

Менеджер Лёха

– Откуда у вас такая техника? – прошелестел раненый. Говорил он так тихо, что приходилось напрягать слух.

– Купил, – удивился Лёха. Почему-то ему, совсем не к месту, вспомнилось, как у старшего менеджера Гоши украли свежуюкупленную в кредит Мазду – прямо от подъезда, и Гоша сгоряча рассказал на работе, что когда вышел из дома и не увидел Мазды, то сначала передумал в считанные секунды кучу версий: от «на ручник забыл поставить» до «не у этого подъезда оставил», и только когда обошел на всякий случай по периметру весь дом, понял, что все куда проще: угнали. Хотя вообще-то эта простая мысль должна была прийти в голову самой первой, но так как она была самой неприятной, то мозг услужливо загнал ее в дальний угол, выдавая более благостные. Лёха чуял, что и у него тоже что-то «украли», но вот сообразить, что именно, пока никак не выходило. К слову, этому сильно мешало давление в спину острого жала штыка и злобная морда второго реконструктора совсем рядом.

– Покажите, как работает, – велел так же тихо раненый.

Смотреть на него Лёха попугивался: вблизи он таких страшных лиц – без кровинки, восковых – не видал. Неприятно на это было смотреть, очень уж напоминало лица с обсохшими ртами тех трупов на дороге.

– Вот там нажать – засуетился Лёха. Злобноглазый нажал корявым пальцем, причем так, что ясно стало: он грубиян и неотесанный гопник, а с деликатной техникой не встречался. Такие, как он, таскают допотопные дубовые Нокия 33.

Банальное включение айфона неожиданно поразило всех троих реконструкторов. И еще больше – когда Лёха, чуточку все же отстранившись от штыка, показал, как управлять появившимися на экране иконками. Пару минут все смотрели за мельтешением цветных картинок, и тут смартфон взял и сообщил, что зарядка у него кончилась.

Умирающий неожиданно как-то приободрился и спросил так, словно увидел что-то очень важное для себя:

– Год вашего рождения?

Лёха, не чинясь, назвал свои анкетные данные.

У раненого как-то засветились глаза, он словно ожил, пошевелил рукой и с запинкой спросил:

– Вы... вы – из нашего будущего?

Вопрос был дурацкий, нелепый, но Лёха чуть не застонал от досады. Весь сюрреализм сегодняшнего невероятного дня перевернулся, и все стало на место, тем более ведь и в кино видел, как четверо идиотов попали в прошлое. И ведь все было на виду, но с похмелухи – да и оттого еще, что этого банально не могло быть – сам себе напридумывал реконструкторов каких-то. Какие на фиг реконструкторы – одежда на этих сидит привычно, обмята, оружие держат хватко... И оружие... Какие там террористы с винтовками – у террористов калашы... Нет, все-таки сразу вот так поверить в происшедшее Лёха не мог. И ответно задал не менее идиотский вопрос:

– Так это что – война сейчас с немцами, да?

Прозвучало жалобно, как щенячье поскуливание. Матернулся негромко злобноглазый, помотал башкой. Взводный, видимо, пропустил это мимо ушей, он о чем-то думал, полуприкрыв глаза, и только стоящий сзади дояр, хмыкнув, ответил:

– А то ты сам не видел!

– Вы умеете лечить? – вдруг спросил раненый.

– В смысле? – не понял Лёха. Лечить у него получалось очень неплохо, он умел собеседнику так заморочить голову – любо-дорого, только ведь эта способность вряд ли сейчас могла

заинтересовать лежащего пластом человека перед ним. Впарить покупателю ненужную ему вещь или заморочить начальству голову, чтобы удрать в пятницу с работы пораньше, вряд ли было сейчас нужно... Тут до Лёхи дошло, что, видимо, раненый имеет в виду другое значение этого слова.

– Нет, я не медик...

– А на вашей машине времени? Нет аптечки?

– Какой машине? – оторопел Лёха. Потом вспомнил американский фильм, где у главного героя была такая штука странного вида, которая его и перемещала во времени, потом еще пару американских же фильмов, и с сожалением сказал:

– Нет у меня машины, я не знаю сам, как сюда попал...

Раненый промолчал, только как-то сразу угас. Потом прошелестел:

– Немцев мы... разгромим?

– Разгромим... 9 мая – праздник Победы, – припомнил недавнюю корпоративную пьянку Лёха.

– Ясно... Петров, отведи его в сторонку, покараульте, – велел раненый.

– Пошли! – приказал злобный и поднялся на ноги, но винтовку взял на ремень, повесив на плечо. А не так, как раньше, наизготовку. Лёха не стал спорить, тоже встал и отошел к елке, где статуэткой Будды сидел азиат.

Боец Семенов

– То-то я и смотрю, что он чудик какой-то. Получается, наши внуки такими клоунами бегать будут? – спросил Семенов, просто ради того, чтобы что-то сказать, больно уж тишина тягостная была. Уланов на глазах умирал, последняя вспышка жизни, когда у взводного появилась, видно, надежда, что этот никудышник чем-то сможет помочь, погасла. И поэтому на душе у бойца было паршиво.

– Значит так, Семенов, – начал взводный, собравшись с силами. – Этого балбеса надо доставить к нашим. Чтобы все, что можно, узнали. Мне сейчас – никак. А он, может, что полезное сообщит. Считаю, что он и впрямь оттуда. Из будущего. Потому хоть что-то нужное, может, и скажет. Только спрашивать надо долго и умно, мне не... Не смогу... Это на тебе. Ты отвечаешь.

Уланов перевел дух и продолжил:

– Сапоги и часы у меня возьмете, и не возражай, спорить не о чем... Приказ. Если что – на хлеб поменять... И этого переоденьте... Все, прощайте...

И совершенно выдохшийся взводный закрыл глаза.

Семенов продолжал сидеть. Не то чтобы надеялся на что – надеяться было не на что. Просто сидел. Видно было, что недолго уже ждать. Раненый стал еще меньше, как-то стал плоским, совсем маленьким, дыхание из частого и неглубокого стало каким-то странным: редкие вдохи, вроде как глубокие, но какие-то неправильные, судорожные.

«Может, еще и полегчает?» – безнадежно подумал Семенов, внутренне понимая, что нет, это все. Конец взводному. И продолжал сидеть.

Момент, когда взводный отошел, Семенов не засек. Просто отвлекся – у раненого слезинка поползла из закрытого глаза, и пока боец за ней наблюдал – взводный перестал дышать, тихо, незаметно. Не вздохнул в очередной раз. Только нос еще больше заострился. Семенов посидел еще немного, собрался с мыслями, тяжело встал, подтянул шинель, которой был накрыт взводный, на мертвое лицо. Подошел к сидящим неподалеку.

– Умер? – утвердительно как-то спросил Петров. На этот раз серьезно спросил, без шуточек своих дурацких, и слово сказал человеческое – не «коньки отбросил», или там «дуба нарезал», или «окочурился», как он говаривал раньше про других покойных.

– Умер – просто ответил Семенов.

– А тебе чего сказал? – уточнил Петров.

– Часы велел взять и сапоги. На хлеб поменять, если что.

– Понятно... А с этим как? – кивнул Петров на очумевшего Лёху.

– Нашим велено доставить в целости и сохранности. И переодеть, чтоб внимания не привлекал.

– Легко сказать. И наши тут рядом, и промтовары на каждом шагу, – проворчал Петров.

– Ладно тебе. Что-нибудь придумаем. Сначала Уланова похоронить надо.

Петров кивнул. Его лопатка саперная осталась рядом с вещмешком у стрелковой ячейки, но Семенов свою уволок, да и у Жанаева сохранился миномет-лопата, так что выкопать могилу для командира было просто. Сменяясь, вырыли в рыхлой лесной почве соразмерную с маленьким лейтенантом могилу – аккуратную, уважительную. Постояли, помолчали.

Потом Семенов деловито снял с уже холодной руки тикающие часы – тяжелые, увесистые, с откидной решеткой вместо стекла, чтоб в темноте можно было наощупь, потрогав стрелки, понять, сколько времени. Стянул хромовые сапоги – такие маленькие, что впору было женщине носить. Еще остались от командира в наследство фуражка, ранец с личными вещами и кожаная планшетка. Да еще приказ этого чудика пасти и охранять. Пока не подвернется грамотный

человек, который, может, что полезное и узнает. Сам Семенов сильно сомневался в этом – больно уж видок у клоуна был нелепый. Артист, наверное.

Петров, было, стал класть на дно могилы свою шинель, но Семенов его остановил. Наломали и нарезали ножиком еловых лап и березовых веток – хорошую подстилку сделали, как для живого постарались. Аккуратно уложили на ветки легкое тело, накрыли лицо фуражкой. Все-таки получалось как-то нехорошо, не такой человек был Уланов, чтоб его хоронить как по старому проклятию, где ни дна, ни покрышки желают, но гроб в лесу взять было негде, а шинель нужна была живым – ночи уже холодные. На покрышку пустил Семенов свою шинелку, рваную до безобразия. Да и то, под укоризненным взглядом Петрова, рукава от нее оторвал. Ну, городскому не понять, а из рукавов решил Семенов сделать чуни для клоуна. Лапти сплести было бы лучше, и дело, в общем, недолгое, только вот лип рядом Семенов не видал, лыко драть не с чего, а из бересты плести сложнее, да и тот же кочедык сначала вырезать надо, колодку какую-никакую сделать. Не до того.

Бросили по горстке земли в могилу и засыпали ее, сделав аккуратную насыпь. Обхлопали лопатками, подумали, как отметить. Обстругали две палочки, связали нитками и самодельный крест воткнули, как положено. По военному времени, да еще и в окружении – не так уж и плохо получилось.

Вещичек у командира оказалось совсем мизер – белье ушло раньше на перевязки, жратвы, разумеется, не было, нашелся старенький свитер, наставление по стрелковому делу, полурастрепанный устав, несколько карандашей, тетрадка с разными хоззаписями без половины страниц и полупустой кисет. Самое ценное, кроме кисета, – еще ножик складной, старенький, но ухоженный и наточенный. На самом дне ранца нашлась еще плащ-палатка и противоипритная накидка из промасленной бумаги. Жаль, раньше не нашлись – шалашик для раненого был бы уютнее. Еще в кармашке ранца нашелся початый «мерзавчик» с водкой и завернутая в вафельное полотенце бритва «Золинген».

Теперь надо было решать, куда и как двигаться дальше. Поделили вещи: ранец забрал себе Петров, плащ-палатку направили на Лёху, чтобы не так мерз и не отсвечивал своими дикими цветами одежки в лесу, карандаши и тетрадку, вместе с сапогами и часами, прибрал хозяйственный Семенов – он в этой маленькой группке был вроде как старшиной, а планшетку взял себе Жанаев, ранее забравший и карабин умирающего. До того был он вооружен 37 мм минометом-лопатой, чудом какого-то умника-конструктора, и в бою весь запас мин выпулил, оставшись практически безоружным. Потому, когда стало ясно, что взводный уже свой карабин в руки не возьмет, Жанаев коротышку легонькую забрал себе. На кой черт ему еще и планшетка – никто спрашивать не стал, потому что внимание отвлек этот самый клоун из будущего – неожиданно его начала колотить крупная дрожь, и он сел, где стоял.

Петров в очередной раз удивил Семенова: неожиданно дружелюбно накиннул на плечи трясущегося в колотуне Лёхи свою шинелку и начал успокаивать клоуна, говоря вразумительным голосом и довольно убедительно всякие подходящие утешения. Выглядело это так, будто Петров – дока в этих делах. И, пожалуй, Семенов не стал бы вмешиваться, если б не видал своими глазами совсем недавно, как покойный ныне Уланов действовал в такой же ситуации. Авторитет умершего взводного для бойца был незыблем, потому он решительно отстранил своего товарища, удивленно посмотревшего на него снизу, рывком вздернул Лёху за плечи так, что тот поневоле встал стоймя, и затряс страдальца как грушу, одновременно свирепо и громко спрашивая:

– Можешь трястись сильнее? Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

И Петров, и Жанаев оторопело таращились на Семенова. У Жанаева даже самосад посыпался из недозаклеенной самокрутки. Лёха попытался было отвечать, но от тряски у него аж зубы лязгали. Наконец, он злобно отпихнул вцепившегося в него Семенова и толкнул его в грудь.

Боец не обратил на это внимания, а приказал горемыке приседать. Теперь уже трое таращились с удивлением, но, тем не менее, Лёха приседать начал. Плохо приседал, отметил про себя Семенов, старшина Карнач такие приседы в зачет бы не посчитал, но все-таки приседал.

Первое обалдение прошло, Жанаев суетливо и бережно стал подбирать рассыпавшиеся табачные крошки, Петров закрыл полуоткрытый от удивления рот, а Семенов, тоном лектора из общества «Знание» растолковывал приседающему и дрожащему одновременно Лёхе, а заодно и приятелям свои действия:

– Когда человек волнуется, у него в кровь такое вещество попадает – орденалин! И если человек вот так задрожал, то надо, чтобы он дрожал сильнее и вообще работал мышцей...

– Какой мышцей? – удивился Петров.

– Ну, всей, какая есть, – гордо ответил знаток человеческой физиологии Семенов.

– Ишь ты... Вумный як вутка. Только не летаешь, – буркнул Петров.

– Это мне Уланов рассказал, – заткнул сослуживцу фонтан лектор. Против авторитета покойного взводного Петров возникать не стал – сидел, помалкивал.

– Так вот ты, Лёха, должен приседать, пока дрожь не кончится. Тогда, значит, орденалин в тебе кончится, и мы тебя спать уложим, а я тебе еще и водки дам пару граммук. Только ты уж соберись – идти далеко надо будет, пока к своим выйдем.

– Адреналин, – пропыхтел, наконец, первое слово приседающий.

– Вот, Петров, а ты мне не верил! – укорил сидящего бойца Семенов.

– А если б спать сразу уложили? – все-таки огрызнулся Петров.

– А тогда у него могло бы сердце остановиться, и он бы помер. Уланов говорил, что у них так еще в Империалистическую солдатик один помре. Тоже после боя его заколотило, его уложили, шинелками накрыли, а он потом и не проснулся. Вот фершал им и растолковал, что да как. А я видел, как сам Уланов тетку на станции успокаивал – ее тоже колотун тряс. Он мне тогда все и растолковал, как есть, – гордо закончил Семенов.

Крыть Петрову было нечем, а и Лёха трясся уже куда тише. Наконец, эта пляска святого Витта с приседаниями кончилась, и обессиленный гость из будущего сел на траву.

– Водки выпьешь? – спросил Семенов, с неохотой доставая «мерзавчик».

– Молока лучше, – пролепетал голодный и обессиленный Лёха.

– Молока – это мы мигом, – отозвался Семенов и кивнул Петрову. Тот передал каску с надоем и поддержал ее, пока Лёха пил. Сам бы клоун ее точно сейчас уронил – ручонки-то и так не сильно шибкие у него, да еще и ослабел. Потом Лёху совсем развезло, ему помогли добраться до лежбища Семенова, где потомок свернулся клубочком и вырубился.

– И что теперь делать будем? – задал в воздух вопрос Петров.

– Я буду чуни для этого дурня шить. Потом двинем на восток, к своим. Лучше по лесу, на дорогах германцы сигают. Найдем кого постарше званием – сдадим ему этого корешка, пусть разбираются.

– Может, сами поспрашиваем? Вдруг чего полезного расскажет? – не утерпел любопытный Петров.

– Вот сомневаюсь я сильно, – проворчал Семенов, поглядывая на похрапывающего уже Лёху. Блестящий исход лечения как-то сразу задвинул Петрова на задний план, и Семенов уже и держался по-другому, уверенно. Не так уж Петров и страшен, в конце-то концов, разве что язык хорошо подвешен.

– Думаешь, что без толку? Не знает ничего полезного?

– И это тоже. Опять же – а вдруг он расскажет такое, что нам знать не положено? И будем мы потом все в этом самом. По уши, – рассудительно заметил Семенов.

– Тогда надо, чтобы он к немцам не попал. Что скажешь, Жанаев? – спросил горожанин неподвижно сидящего сослуживца. Азиат кивнул.

– Ну, нам тоже к немцам попадать не стоит. Лучше все-таки к своим.

– Что, так с коровой и пойдем? – перевел разговор на другую тему Петров.

– Чем плохо? Бензина корове не надо, спать теплее, жить сытнее, – вполне серьезно ответил Семенов. Он точно знал, что без коровы в хозяйстве – совсем никак. Ни молока для еды, ни навоза для поля. А тут – хорошая такая корова, справная. Не бросать же! Хотя, конечно, к своим ее вряд ли вывести удастся – грохот боя уже не был слышен, да и немцы, которых он видал недавно, вели себя совершенно беспечно, по-тыловому.

– Только идет медленно, как черепаха, – уел крестьянина горожанин.

– Да знаю я. Но вот пока харчем каким не разживемся – только на Зорьку и надежда. От тебя-то, Петров, толку, как от козла молока. Даже мышей ловить не умеешь. Я б тебя даже домашним котом не признал, только языком ехидничать ты горазд! – совершенно неожиданно даже для себя выдал тираду Семенов.

– Я токарь, мне мышей без надобности ловить. А надо будет – я мышеловку сделаю, на что у тебя ни соображения, ни смекалки не хватит, – мрачно возразил Петров.

– Ладно, буду шить чуни – миролюбиво отказался от перепалки Семенов, забрал рукава от шинели, тапки Лёхи и вытребовал у сослуживцев их запас ниток. У каждого было с собой по три иголки с нитками – одна с белой для подшивки воротничка, одна с черной – для всякого и одна с зеленой – обмундирование зашить. Если порвешь что. Только вот у Семенова с Жанаевым иголки были воткнуты за клапан пилотки, а легкомысленный Петров, кряхтя, выудил из пистон-кармана смертный свой медальончик, как назывался эбонитовый пенальчик с открывающейся крышечкой – у горожанина в нем вместо свернутой в трубочку записки с его данными лежали как раз иголки. Семенов не замедлил укоризненно на Петрова посмотреть, на что тот хитро подмигнул. Ну да, было такое поверье, что если заполнишь эту записку – так и убьют сразу. Потому Семенов записку не заполнил, так бумажка пустой и лежала, а Жанаев, заядлый курильщик, таскал пустой медальон, бумажку на самокрутки пустив.

Ниток было мало, приходилось проявлять солдатскую смекалку. В итоге получилось такое, что наблюдавший за процессом Петров выразил уверенность, что дрыхнувший без задних ног гость точно свихнется, как только увидит свою «обувку». Семенов спорить не стал – чуни и впрямь получились страховидные. Но зато в них можно было уже идти более-менее не глядя под ноги. А что касается «с ума сойти», так в армии на этот счет куда как просто. Да еще и во время войны.

Тут Семенов тихо про себя улыбнулся, вспомнив, как взводный говорил, что боец и младший командир на войне ничему удивляться не должен и все воспринимать обязан по-воински, мужественно. И подкрепил это свое высказывание старой историей: как во время войны в их полку тыловик-фельдфебель натурально свихнулся, когда вылез после пьянки из своей каптерки и увидел идущих мимо зеленых лошадей. Ну, то есть он не свихнулся сразу, а решил, что допился до чертиков и терять ему нечего, потому продолжил пьянку и вот после этого окончательно вышел из строя. А лошади те и впрямь были зелеными – их покрасили маскировки ради: тогда, в начале той войны, на маскировке все свихнулись и маскировали все, что можно. Получалось зачастую глупо – вот, к слову, и лошади подошли. Не перенесли покраски. Оно и понятно: лошадки-то живые, не забор какой. Семенову жаль было этих животных, погибших по чьему-то недомыслию, в этом он вполне кавалериста Уланова понимал.

Вот другой пример – когда французы сделали на заводе крашеную стальную копию мертвеца немецкого – здоровенного, взбухшего от гниения прусского гренадера, валявшегося на нейтральной полосе в важном месте – этот да, впечатлил. Стальной футляр, выдерживавший попадание винтовочной пули, французы доставили на передовую, ночью выволокли гнилой труп, а на его место установили подменку, в которой прятался тшедушный французский арткорректировщик с телефоном. И такая штука сослужила добрую службу, позволив французской артиллерии разносить все, что надо, быстро и точно – глаза-то у нее были совсем близко от целей.

Менеджер Лёха

Когда Лёха проснулся, все тело болело и ныло. Сон приснился идиотский, словно он попал в прошлое, как какой-то идиот-попаванец, и его захватила в плен группа советских солдат. Да такой реальный сон, чуть ли не с запахами, логичный, связный, в пору другим рассказывать. Давно такие красочные сны не снились. Все же пить не надо на ночь, это вредно. Потом такие сны снятся. Лёха потянулся, скинул с себя одеяло. Широко зевнул, протер заспанные глаза – и ужаснулся. Трое солдаперов. Свежая могильная насыпь, пальто это военное вместо одеяла... Ни фиги не сон. Чистый реал. Лёха вздрогнул. И стало очень тоскливо – так тоскливо, что в животе забурчало.

Один из солдат – тот, что дояр – поднялся, подошел поближе и кинул Лёхе два каких-то серых кулька.

– Примерь, – сказал он.

– А это что? – опасливо посмотрел Лёха на странные кули.

– Обувка тебе, чуни называются, – пояснил солдат.

Чуни оказались такой обувью, что любой дизайнер удавился бы. Гуччи с Версачче в рыданиях, иначе не скажешь. пляжные тапки были вшиты, как подметки, в мешки из шинельных рукавов. Шедевр неандертальской культуры! Лёха осторожно сунул ноги в дырки. Озябшим ступням стало сразу теплее, и это как-то примирило Лёху с этим рукоделием. Или скорее рукоблудием, больно уж вид был неказистый.

– Они ж с ноги свалятся после первого же шага, – жалостливо протянул Лёха.

– А мы, перед тем как идти, их обмотками примотаем – у Жанаева есть запасные, – спокойно ответил дояр, и азиат все так же молча кивнул.

– А когда идти?

– Завтра с утра пораньше и двинем.

– А куда?

– К своим, куда еще. Тебя вывести надо, да самим возвратнуться.

– И далеко идти?

– А это ты лучше меня скажешь. Как война-то шла?

Лёха тяжело задумался. Нет, он не был совсем уж тупым – помнил, что под Москвой немцев остановили, но вот когда... Потом вроде Сталинград был. Берлин точно брали, Лёха читал, что только в одном Берлине наши изнасиловали миллионы немок, значит город взяли, иначе как бы немки-то трахать... Писец, какая дурь в голове крутится...

– Не помню я, – вздохнув, признался Лёха.

– Вообще ничего не помнишь? – недоверчиво спросил злобный боец. Впрочем, сейчас он был скорее не злобным, а озабоченным.

– Ну, кое-что помню. Немцев под Москвой разгромили, а потом в Сталинграде.

– Ничего себе, куда забрались, – присвистнул злобный.

– Это где? – проявил свою малограмотность дояр.

– Дярёвня, – передразнил того злобный. – Это бывший Царицын. На Волге.

– А! – воскликнул дояр.

– Толку нам мало, до Москвы-то... Вот если б ты знал, что тут делается или будет делаться вот прямо сейчас... – намекнул злобный.

– Ну, тут партизаны будут потом. (Тут Лёха вспомнил жуткий фильм, который, было дело, смотрел, скачав с торрентов).

– И каратели будут деревни с жителями жечь, – закончил он.

– Ну, а ты кем там работал-то? – спросил заинтересованно дояр.

– Менеджером. В офисе.

Оба красноармейца переглянулись, и видно было, что не поняли.

Лёха, как мог, объяснил.

– Делопроизводитель в конторе, – резюмировал злобный, несколько свысока и презрительно хмыкнув. Лёха не стал спорить зря, хотя такое определение его покорило, больно какое-то оно было убогое. Про то, что еще и продавцом подмолачивал, почему-то говорить совсем не хотелось.

– Ну что вы на меня так смотрите, – не выдержал он. – Сами, небось, попади в мою шкуру, не лучше бы смотрелись.

– Это ты в смысле чего? – удивился злобный.

– Ну, какая война была 70 лет назад? – перешел Лёха в наступление.

– Империалистическая.

– Первая мировая. И она, считай, всего тридцать лет назад была, – поправил его злобный.

– А до нее – турецкая была, – сказал колхозник.

– Вот. Вот и прикиньте: если б вы там оказались – что бы вы смогли полезного рассказать?

Оба бойца, не сговариваясь, почесали в затылках. Жанаев ухмыльнулся.

– Это ты нас уел, – признался злобный.

– Ну, я мог бы устройство пулемета рассказать. Мосинку, опять же – как-никак магазинная винтовка в то время была бы ко двору... – начал загибать пальцы колхозник.

– Я, пожалуй, по станкам мог бы поговорить. И электричество знаю. Телеграф там, телефон. Опять же все покушения на Александра Освободителя помню.

– За царя значит, а еще комсомолец, – ехидно прищурился колхозник.

– Тот царь полезный был – вас же, балбесов, освободил – вспыхнул злобный.

– Ну, если так, то и я, может, чего полезного скажу... – заметил Лёха.

– Ладно. Тогда думай, что можешь полезного рассказать. Нам пока, видно, твои рассказы толком ничего не дадут – сделал вывод дояр. Боец по фамилии Жанаев тем временем стал устраивать лежанку, застелив ветки плащ-палаткой. Улеглись вчетвером, накрывшись шинелями. Было тесно, неудобно и, несмотря на напаянные чуни – холодно ногам.

Боец Семенов

Утром пришлось вставать ни свет ни заря – притулившаяся сбоку корова поднялась на ноги и ясно дала понять, что пора ее доить. Поеживаясь от холода и отчаянно зевая, Семенов подоил ее, позавтракал молоком от пуза и опять нацвиркал полную каску. Разбудил Жанаева, тот тоже приложился. Стали собираться. Петров присоединился, только гость из будущего спал как сурок. В общем, предстояло довольно хлопотное дело – во-первых, корову надо было напоить, значит надо искать подходящий водопой с удобным подходом. Во-вторых, надо добраться незаметно до какой-либо деревушки, в которой нет немцев, и устроить обмен, чтобы избавиться от коровы и запастись жратвой. Конечно, с такой коровой расставаться было жаль, но животное эта не выючная, не беговая, ходит медленно... Да и хлеба с кашей уже сильно хотелось: молоко – это замечательно, но чуток не то для мужиков. Брюхо как барабан, а жрать все равно охота, хоть и не так резко, как без молока.

Перед выходом, пользуясь тем, что жиденкий туманчик стоял в лесу, развели аккуратный незаметный костерок в ямке с поддувом и пожарили мясо на палочках. Соли не было – посыпали пеплом. Жанаев сожрал спокойно, Петров носом крутил и почему-то вспоминал броненосец Потемкин, выразительно на Семенова поглядывая, но тот намеков не понял, потому что не до того было. Мясо, конечно, было не очень аппетитным, но в желудок улеглось весомо и плотно. Назад не попросилось. Собрали вещи, постояли у могилы командира и решительно разбудили Лёху. Азиат выдал ему свои запасные обмотки, и совместными усилиями потомка обули. Видок у него был жалостный и убогий, оставленное ему мясо он понюхал брезгливо и отказался, зато молока напился досыта.

– Как молочко? – невинно спросил Петров, очевидно, готовя очередное ехидство, но Лёха простодушно признал, что такого вкусного молока давно не пил. То есть так давно, что вообще. Токарь помотал головой, но от нападок воздержался.

Глянули последний раз на полянку – не забыли ли чего – и двинулись по лесу. Семенов – как и положено человеку, в лесном деле сведущему – впереди, следом Петров, корова, Жанаев с прутиком и замыкающим Лёха. Через несколько часов неспешного пути, наконец, попался подходящий ручеек, Зорька радостно кинулась пить воду, остальные устроили привал.

Семенов поглядел на своих товарищей и решил, что стоит ему не сидеть тут, глядя, как корова пьет, а пройтись кругом, поразведывать, что да как. Предупредил бойцов, чтобы поглядывали и не дремали оба сразу, и пошел.

Нашел разъезженный проселок, но следов от шин на дороге было полно разных, а кто тут на шинах кататься может – ясно сразу. И точно: только перемахнул через дорогу, как затарахтел мотор, и по дороге прокатилась странная машинка с тремя немцами – словно как корыто на колесиках. И даже весло у них было сбоку приторочено! Петров все время ехидничал на тему того, что Семенов из деревни, но машины Семенов видал разные, а такой не видал ни разу. В общем, по этой дороге идти не хотелось. Дал от греха подальше приличного кругаля в другую сторону, влез в болото какое-то, промок до пояса. Пока выжимал одежду и на скорую руку сушился на солнышке – решал, стоит ли все-таки туда лезть, потому как заметил он там нечто странное: словно бы белело что-то, причем большое, сквозь ветки пробивалось. Решил, что стоит все-таки: не бывает в лесу белого в таком размере. Выломал себе жердь, чтоб дорогу шупать перед собой, и полез снова.

Болотце оказалось неглубоким, а белым оказался парашют, зацепившийся за верхушки малахольных елок, торчащих из этого болотца. Уже представляя, что найдется на конце этих веревок, которые тянулись от опавшего шелкового купола в болотную водичку, Семенов потянул за стропы. Пошло тяжело, и метрах в трех от него из воды грязным бревном высунулась лысая голова. Впрочем, нет. Не лысая – это шапка такая кожаная, гладкая. Летчики такие

носят. Понятно, в общем. Семенов отпустил стропы, мертвец тихо исчез во взбаламученной воде, но теперь найти его было несложно. Оказался наш, старшина ВВС. Что особенно заинтересовало Семенова – ростом и габаритами покойник был точно как Лёха. Повезло, что называется. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Натянул свою волглую от воды одежду и двинул дальше. Скоро свезло и второй раз – опять попалась дорожка, только на этот раз малоезженная, из следов – только тележные. Да и тех мало – значит, деревушка такая плюгавая, что германцам не интересно. Вот и ладушки. Все-таки подобрался поближе, поразглядывал. Все так, немцев нет, а сама деревня – смех один. Прикинул, в какой дом постучится вечером, оценил, как подобает толковому красноармейцу, пути подхода и отхода и, довольный, двинулся обратно.

В лагере все было по-прежнему: Зорька старательно пережевывала жвачку, Жанаев приглядывал за порядком, а вот Петров и Лёха ожесточенно о чем-то спорили. Семенов сел рядом, вытянул ноги и попытался вникнуть в разговор. Но сразу понял: не понимает ни черта. Телевизоры, компьютеры, адапторы и прочие такие же совершенно непонятные слова так и сыпались из Лёхи, и Петров, к огорчению Семенова, даже вроде что-то понимал в этом. Потому как сказал, словно отрезал:

– А толку? Ты знаешь, как они работают и что нужно, чтобы их сделать? Вот если тебя директором завода поставят? И чтобы они работали потом, как ты рассказывал? Изобретатель-то в Америке? Ты его оттуда в мешке привезешь?

Лёха вроде как собирался что-то сказать, но закрыл рот и как-то сник. Петров махнул рукой и посмотрел на вернувшегося из разведки сослуживца.

– Как оно ваше ничего? Жрать добыл?

– Тебе бы все жрать, утроба ненасытная. Я вот нашему гостю ботинки нашел качественные и одежду справную И деревенька неподалеку подходящая.

– Деревенских раскулачил? – усмехнулся Петров.

– Ты о чем?

– О ботинках и одежде, – продолжил лыбиться горожанин, хотя и знал, что для Семенова тема раскулачивания была неприятна.

– Там увидишь сам. Зорька напилась?

– А то! Как насос работала, не пойму, куда в нее столько влезло. По моим прикидкам, на двухсотлитровую бочку накачала.

– Не, литров пятьдесят, сто – самое большее...

– Это ты серьезно? – удивился Петров.

– Конечно. Она, считай, только молока литров двадцать дает. Вот и прикинь, сколько ей воды надо.

– Плетешь! Не было у нее двадцати литров.

– Сейчас да – и некормленная, и непоеная шаталась, да еще и напугали ее. А так – двадцать точно даст. Ладно, не о том речь, пошли, нам еще топать и топать.

Собрались быстро и пошли. Семенову очень не нравилось, что потомок носом шмыгает. Не очень, видать, ночевка в лесу понравилась. Это и понятно: ночи уже холодные. Зато поэтому комаров меньше стало, а этот, из будущего, к комарикам непривычен. Видимо, там, в будущем, комаров извели на нет вообще. Совсем вплотную к болотцу Семенов решил всей компанией не идти. Остановились в полукилометре, выбрав удобную для привала полянку.

– Слушай, Семенов, надо бы насчет коровы пару моментиков обсудить, давай – ка, мы к ней подойдем – сказал Петров, поднимаясь с земли.

Недоумевая, что это вдруг такое насчет коровы зачесалось у городского, Семенов отошел к мирно жующей Зорьке. Петров встал спиной к сидящим спутникам, показал пальцем куда-то корове в ухо и сказал довольно громко:

– Значится, у этой твоей Зорьки есть такая вот вещь...

И уже тихо, шепотом почти, подмигнув со значением, продолжил:

– Этот гусь – дурак дураком, нарасказывал мне тут такого, что как бы нас с тобой за цугундер не взяли, когда к своим придем. Паршиво выходит, совсем паршиво. И нельзя, чтобы к немцам попал: он, конечно, балбес и ни черта толком не знает, но нельзя, чтобы он у них трепался...

– Да брось ты, нормальная корова! Ты в них ни черта не понимаешь! А туды же, умничаешь вот! – возмущенно ответил ему Семенов и, убавив голоса, спросил встревоженно:

– А что он тут тебе такого нарасказывал, пока я отсутствовал?

– Долго объяснять. Если коротенько: коммунистическая партия продана англичанам с американцами и Советский Союз продала с потрохами. И про Сталина такого нарасказывал, что сидеть не пересидеть, если что. И хорошо еще, если сидеть только. Может, мы этого фрукта чпокнем тихо? Пользы от него куда меньше, чем вреда будет. Я таких знаю.

Семенов задумался. Поглядывая на корову. На Петрова, на Лёху. Потом решительно сказал:

– Нет, не годится. Взводный ясно приказал: к нашим доставить. Понимаешь, тут такое дело – я не знаю, что он полезного сказать может. И расспрашивать его не собираюсь. Да и тебе не советую. Спросят – говорили с ним о чем-либо? А мы в ответ: никак нет. Ни о чем не говорили.

– А тебе так и поверят, держи карман шире, – хмыкнул Петров.

– Ну, там видно будет. Да и просто так человека гробить, ни с того ни с сего – не дело. Может, он вообще твой правнук, – сказал колхозник.

– Фамилия у него не та, – ухмыльнулся мрачно токарь.

– А ты, может, потом дочку родил. В смысле, не ты, конечно, но, в общем, и такое может быть. Или там от внучки. Пойдем пока уютного старшину укушим – предложил Семенов.

– А этот барин что? – показал глазами на выдохшегося от похода по лесу потомка Петров.

– Не стоит. Потом сам увидишь, – негромко ответил колхозник. И двинулся к болотцу. Разделись, полезли, чертыхаясь, в холодную темную воду.

Когда бойцы вытащили тяжелое мокрое тело на твердый бережок, Петров осторожно плюнул в сторону и согласился:

– Да, он бы тут наблевал нам, как мой сменщик после своей первой полочки...

– А что – отравился чем? – поинтересовался походя Семенов, прикидывая, как сподручнее будет стянуть одежду с трупа.

– «Ершом» угостился, а сам зеленый, только после фабрично-заводского, фабзяц одно слово, вот и развезло. Гляди-ка, пистоль есть, – и небрежный Петров начал расстегивать глянцево блестящую, набухшую водой кобуру. Семенов покосился на него, но ничего не сказал, укладывая аккуратно местами подмокшее шелковое полотно парашюта, дивясь на роскошную дорожную тонкую и легкую ткань и на отличные веревки строп. Вот в хозяйстве бы пригодилось и то и другое – и рубашки, и платья отменные пошить можно было бы, и сносу б не было, а уж крепкая веревка для крестьянина – первеещее дело, всегда пригодится. Семенов из дома никуда без веревки не выходил. Без веревки и ножа.

– Невезуха, – огорченно цыкнул ртом Петров и кинул пистолет в траву.

– Что такое? – спросил его Семенов.

– Гнутый. Ни взвести, ни обойму вынуть. Не пистоль, а стоп-машина. Ну да понятно. Хорошо землячка обо что-то приложило – стал как мешок с костями, и вон ноги переломаны...

Ноги у покойника и впрямь лежали так, словно в них добавилось еще несколько суставов. Но это-то еще ладно, а вот то, что половина лица была снесена напрочь, и потому скалился мертвец жутковатой улыбочкой, действовало на нервы сильнее.

– Прямо как Габайдулина распотрошило, – сказал Петров и стал расстегивать хитрые лямки от парашюта.

– Габайдуллина – взрывом, – заметил Семенов.

– Так и этот тоже под взрыв попал, наверное.

– Белье снимать не будем?

– Обойдется... правнучек... Ты б его послушал, обормота. Носки оставим?

– Оставим. А слушать... Не хочу я его слушать. Мне он полезного ничего не расскажет. А кто там наверху кого подсидел – мне это знать ни к чему. Здоровее буду.

– Ишь ты какой. Умный, – иронично-уважительно протянул токарь.

– А люди везде одинаковы. У нас так три председателя колхоза поменялись – все друг на друга в район письма писали. А сядет новый на стул председательский – на него пишут, – немного путано пояснил Семенов, но Петров все понял, кивнул.

– Интересно, каково оно – носить шелковые портянки? – спросил, помолчав, Петров.

– Не знаю, – отозвался Семенов, вспомнив, что когда бабушка рассказывала сказки, то в сказках этих как раз сказочные цари все носили именно шелковые портянки. Для Семенова с детства это было символом сказочного богатства – впрочем, для бабушки, видно, тоже.

Петров примерился и, достав полученный по наследству ножик, стал кромсать парашют.

– Ты что, сдурел? Это же военное имущество! – испугался Семенов.

– Не трусь и не бойсь – правнучек-то хоть и чушь всякую нес, а вот про то, что сюда мы вернемся еще не скоро – не то через год, а может и через три, – это точно помнит. На войне и год-то много. Ты-то зачем это полотнище из болота выволок? Тут наших интендантов нет. Небось, намылился на сало обменять, а? – пояснил свои действия Петров.

– А хоть бы и так, – буркнул Семенов. – Ты что-то против сала имеешь?

– Ты что, никак нет, ничего против сала не имею, всегда «за», причем обеими руками, – дурашливо изобразил крайний испуг горожанин, задрав вверх обе лапы.

– Ладно тебе балаганить, нехорошо это при покойном-то, – осуждающе заметил деревенский.

– Ему уже все равно. Как – обратно в воду спихнем? Или все же похороним?

– Похороним. Нет?

– Отчего ж не похоронить хорошего человека. Давай начинай, я подменю.

Рыть получилось недолго: вода была совсем близко, и ямка вышла неглубокой, на дне сразу стала наливаться лужица, сочилась водичка и с боков ямки. Нехорошо, конечно, что лег старшина опять в воду, но по сравнению с очень многими, погибшими в эти окаянные дни, даже это погребение выглядело почти по-человечески. Петров удивил: поднял брошенный пистолет – действительно, сильно погнутый, что заметно было простым глазом, – и аккуратно положил мертвецу на грудь. Накрыли разбитое лицо лопухом и засыпали неизвестного парня, от которого остались только парашют, казенное обмундирование, ботинки, ремень с кобурой да горстка мокрых бумажек – пять червонцев, два билета в театр на довоенное еще воскресенье да какие-то справки, на которых все написанное размылось и было нечитаемым. На минутку Семенов задумался: ему хотелось положить кожаную шапку летнюю на могилу, но решил этого не делать – и шапка была нужна живым, и мертвому эта почесть была бесполезна. По-быстрому простирнули вещички. Старательно обнюхали. Нет, ничем не пахло, кроме болота.

И молча вернулись обратно.

Семенов деловито развесил мокрые одежды на ветках, чтоб просохли, ботинки на колышки повесил и стал собираться для выхода в деревню. Решил сначала сходить налегке, взяв с собой только винтовку и сапоги взводного. Если все заладится, то можно потом всей артелью заявиться, с коровой вместе, а там, глядишь, и переночевать по-человечески пустят, а не заладится – удирать так проще. Подумав, взял с собой сырые купюры: война войной, а деньги – они все-таки деньги.

– Тебя проводить? – спросил Петров. И пошел следом. За прошедшее время он уже стал обстрелянным бойцом и понимал, что вдвоем идти безопаснее. Семенов мимоходом подумал,

что, видно, чешется язык у Петрова, раздувает его то, что он от потомка этого нелепого услышал, а вот ему совершенно не хотелось чужие тайны слушать, тем более что тайны-то эти были опасны. В отличие от Петрова, которому жизнь еще по жопе не хлестала, сам Семенов успел хлебнуть лиха: семью его раскулачили, аккурат в самом начале коллективизации. И все из-за деда, который неумно хотел выбиться в купцы гильдейские, для чего ему, крестьянину, надо было скопить весьма приличную сумму денег. Ради этих денег дед всю семью поставил на уши, работали Семеновы как одержимые, начиная работу раньше всех и кончая – позже. Дед еще и лавочку у себя в избе открыл и торговал всякой всячиной, благо в деревне больше лавок и лабазов не было. И потому в любое время суток в окошко стучали – и дед вскакивал продать даже и стакан семечек или полфунта леденцов с красивым названием «Ландрин».

Копеечку к копейке копил и копил, старый скопидом, а денежки прятал в известном только ему месте. Кончилось все паршиво: когда в далеком Петербурге царя свергли, так и не ставший купцом третьей гильдии старый честолобец свалился от удара, онемев и став параликом. Прожил после еще несколько лет, лежа лежа. Семья по инерции работала все так же одержимо, только времена настали странные, нелепые, и весь этот труд толку не давал. Одна радость, что в городах жили еще хуже.

А потом пришла коллективизация, и старших Семеновых сослали, а младших спрятали у себя соседи. Семенов так и не перестал удивляться тому, что одни соседи бегали, искали по деревне его с сестричками, чтобы и детей сослали к черту на рога, а другие соседи, вишь, спрятали и помогли потом перебраться к родичам, которых раскулачивание стороной обошло. На счастье Семеновых, вскоре вышла в газетах известная статья самого Сталина про головокружение от успехов, и некоторое время спустя отец с матерью из ссылки возвратились. Бабушка там осталась, в ссыльном поселении, потому как померла. Имущество, правда, соседки не отдали – а в ходе раскулачивания только часть добра колхозу пошла, всякое шмотье и обувь доброхотам-соседям достались, и некоторых из них, на мстительную радость вернувшихся Семеновых, позже тоже раскулачили.

Некоторое время пожили лишенцами, потом потихоньку все на круги своя возвратилось, а несколько лет назад в ставшей уже колхозной конюшне детишки нашли клад – сумку старого Семенова с сотенными «Катеньками», как называли взрослые царские еще, вышедшие из употребления деньги. Детишки потом долго этими деньгами играли. Устраивая магазин, где продавали друг другу всякую ерунду типа листиков лебеды, травы, кучек песка и прочей такой же фигни, что в их фантазиях было всяким вкусным, сладким и горожанским. «Старый дурень лучше б золотом копил», – в сердцах сказал про эту находку очередной предколхоза. Менялись они часто, словно в какую-то странную чехарду играли. Дела у колхоза, тем не менее, шли уже получше чем раньше, и как раз перед войной стало казаться, что еще немного – и совсем хорошо жить станет. Но вот грянуло, и о хорошей жизни теперь можно будет забыть надолго. Но то, что всегда может стать еще хуже, Семенов четко усвоил и не хотел себе неприятностей искать.

С другой стороны, взять и просто так пырнуть штыком этого свалившегося ему на голову недотепу рука просто не поднималась. Ну, как деревенского дурачка обижать. Хотя слюняем Семенова никто не назвал бы – и до армии он совершенно спокойно резал куриц, мог и поросенка уработать вплоть до разделки, а в армии стал пулеметчиком, чем втайне гордился. Другие гордились хлебными местами типа кладовщиков или там хлеборезов, а Семенов гордился именно тем, что ему доверили сложную и серьезную машину, с которой он один был по силе, как цельный взвод. Ну, может не взвод – но уж отделение точно. И в тех трех боях, где от полнокровной роты остался пшик, пулемет Семенова себя показал достойно. Не задарма рота погибла, ответно кровушки тоже пустили не хило. Просто силы с той стороны перло чудовищно много. Но одно дело – ловить в прицел фигурки злого, непривычного цвета, а другое – вот

такой вот клоун, который явно маменькин сынок, бабенькин внучок. Как он тогда на дороге от трупов-то шарахался! Опять же, Уланов зря приказ не дал бы...

– И вот зачем ты мне про внука сказал! – достаточно сердито буркнул идущий рядом Петров.

– А что? – удивился Семенов.

– Да ну... Как подумаю, что от меня такая слякоть заведется... так и неприятно. А шпундель этот – опасен. Это он с виду такой мля, а вот погоди – еще меня вспомнишь.

– Да брось... Ты вон раскиснуть боишься, родственные чувства ощущая. Нет? – ухмыльнулся Семенов.

– Ну, и это тоже – нехотя признал токарь.

Менеджер Лёха

Насморк замучил. Тем более, что поболеть должным образом, как это можно было сделать в оставшемся черт знает где будущем-прошлом, сейчас было невозможно. Ни поваляться в уютной постели под пухлым одеяльцем, не шибко страдая от хвори и одновременно тихо радуясь, что не надо вставать утром и переть на работу. Какая, к черту, постель – от ночлега на ветках в виде матраса и с шинелью вместо одеялка ломило все кости и тупо болели все мышцы. Ни чаю с лимоном, ни теплой ванны. Мама поила горячим молоком... Ну, молока-то сейчас было полно, но хоть и вкусное, и теплое – но никак толку от него не получалось. И даже нос было нечем вытереть – эх, бумажные нежные салфетки, где вы? Лёха всерьез страдал – от всего этого неудобья, от холодрыги ночью, от комаров днем, от диковинных «тухель», как иронично окрестил чоботы из шинельных рукавов ехидный солдат по фамилии Петров. А тут еще и сопли вожжой. И нос распух. Все время очень хочется жрать. Пельменей бы простых сюда хотя бы. Или доширака. Только чтоб горяченького чего, а то от молока пузо барабаном пучит-дует. Но с этим проблемы. Жратвы нет совсем. И неизвестно, когда будет. И еще вопрос, что это будет за жратва.

Трое спутников как-то переносили все это достаточно спокойно, как дикари какие-то. Даже зловещего вида мясо сожрали, которое откуда-то приволок этот дояр-колхозник. Воняло мясо падалью так, что и опухший нос учуял. А они ничего – пожарили на костерке и без соли слопали. Ну, чисто дикие люди.

Опять же, очень неприятно было то, что они все время ожидали от него, от Лёхи каких-то невиданных откровений и суперзнаний. Особенно донимал злобный Петров. Лёха четко чуял: этот его невзлюбил сразу. Сталинист, наверное, да еще и коммунист упертый, вероятно. То-то он так разволновался, когда Лёха спроста рассказал то, что слышал о распаде СССР. Зря, наверное. Особенно про репрессии и про Берию с школьницами. Про это – точно зря. Не подумал. Хотел-то как лучше, тем более еще в школе учителя толковали, что Сталина все ненавидели, все были репрессированы, СССР развалился потому, что никто из его граждан не хотел, чтобы это уродливое образование существовало дальше, все хотели свободы и благополучия с демократией.

Наоборот, думал порадовать ребят – ведь злодеяния прошлого оценены в будущем по заслугам. Теперь явно себе врага нажил. Еще хорошо, что догадался на их попреки спросить: а будь они на его месте и попади они сами лет на 70 назад – чем бы они там были полезны? Остыли эмоции, да.

Но сам-то Лёха понимал, что ему сказать нечего. Попытался было этому Петрову рассказать про телевизоры и компьютеры. Не получилось. Не потому, что тот не понял рассказанного – понять-то понял, да взъелся на то, что Лёха не может внятно объяснить, как они делаются, эти новые девайсы. Вот прямо начиная с теории и с сырья. Силициум, Кремниевая долина – пустой звук... Лёха неплохо разбирался в компах, вполне мог и программу поставить, и узел заменить – ну, не совсем лопух. Но как вся эта байда работает? Сам Лёха думал, что знает. А вот рассказать оказалось невозможно. Про космос и спутники тоже не заладилось – как только Петров стал выпрашивать, на каком топливе вся эта лабуда взлетает. И про мобилы вяло вышло. Пес его знает, как эта вся роуминговая система работает. А про фаст-фуды и бомж-пакеты Лёха и сам понял, что не надо.

Теперь сам себе он задавал вопрос: а что он вообще может рассказать? Ведь ясно было сказано: его должны доставить к вышестоящему субъекту, чтоб тот разобрался. И с чем тот будет разбираться? Ну, расскажет Лёха, что автомат Шпагина стал легендарным оружием. Так они это и сами знают. Или что винтовка Мосина всю войну прошла. И что в этом полезного? Про тот же Сталинград Лёха помнил, что там немцы конкретно попали, но было это в 1942

или 1943 году – ни за что не смог бы сказать точно. Опять же – что проку? Никакого проку, как в прогнозах Павла Глобы. Виденное в кино тоже никак не годилось. Ну, расскажет он, что готовили в НКВД детей-камикадзе. И что с того? Или что немцы насиловали всех. Это никого сейчас не парит, до тех немцев еще тыщи километров. Не, к тому же в кино, бывало, казали такой лютый бред, вроде танков под парусами и бомбардировок дырявыми ложками, что даже и инет не надо было читать, чтобы усомниться. Доводилось читать несколько книжек «про-войну», но они тоже никак не годятся. Ну, там написано было, что все красноармейцы хотели сдаться немцам в плен и сдавались, как только подворачивалась возможность – а эти трое, да и их командир, сдаваться всяко не собирались, хотя немцы, конечно, оказали бы раненому помощь, и он, возможно, выжил бы. Непонятно – вроде же обычная солдатня, пехота. Были бы там пограничники – еще куда ни шло.

Эх, попал бы Лёха в мир Варкрафта – он себя куда как проявил бы! Скрафтить что или там подкачаться – у него вполне получилось бы, он даже одно время подрабатывал тем, что качал персов на продажу. И фармил он удачно. И на аукне барыжил ловко и уверенно. Но тут мир вовсе не тот. Куда более жуткий, простой и свирепый. Штычком-то в спину... Неприятно. Колл оф Дюти? Вот там есть полезное – амеры в Нормандии высадились. А когда? Трава зеленая была, листья. Лето, наверное. Или во Франции зима тоже без снега? Черт, не ясно. И с годом тоже. Там писали наверху экрана даты, но Лёха, как нормальный юзер, на это внимания не обращал. Тоска, в общем. Разве что про автомат Калашникова рассказать? Вопрос: а что рассказать? Лёха его в руках не держал, а уж там чертеж начертить или принцип разъяснить... Не, как мог, он попробовал – Петров сразу отрезал, заявив, что отвод пороховых газов как принцип действия автоматики вот как раз был в Дегтяре этого самого дояра Семенова. И в винтовках Токарева, что были в их взводе. И в чем гениальность? Пес его знает, в чем.

Одна радость, что пронырливый дояр нашел небольшую деревушку, где немцев не было. Деревушка произвела на менеджера тягостное впечатление: полтора десятка народу, куча босых детей. Одеты, как с помойки. Заплаты на одежде! И не стильные, дизайнерски разработанные, как на модных трендах, а как попало. Вонь, даже сквозь насморк. Лапти! Самые настоящие лапти на ногах у деревенских! А вечером вместо электричества – лучину жгли! Накололи тонких длинных щепок – и палили вместо ламп или хотя бы свечей. Африка какая-то! Хотя в Африке жарко и вроде в лаптях не ходят. Но что хорошо, радушные хозяева оказались: накормили от души, выставили совершенно чужим солдаперам и самогонки мутной, и картошки вареной, и хлеба, и даже квашеная капуста нашлась заодно с луком, чесноком и огурцами. Петров намекнул насчет сала – так и сало нашлось. Все это Лёху сильно удивило, чтоб так посторонних угощать. И на вкус все это было вполне съедобно. Надо же, гости дорогие... В его жизни таких гостей пустили бы в пешее эротическое путешествие, а тут вон – кормят, и спать уложили на сеновале. Сено густо и одуряюще пахло, кололось, и мыши попискивали в нем, но зато наконец-то стало тепло, и Лёха впервые выспался по-человечески. А на завтрак дали яичницу. Впервые подумалось, что в прошлом тоже жить можно. Хреново, но можно. А еще обещали баньку истопить.

Его спутники уже корячились во дворе: Жанаев, как заведенный, пилил дрова на пару со стариком, а Петров с дояром и парой мужиков гремели какой-то странноватой ржавой железкой – издали выглядело так, что они ее чинят. Детвора вертелась тут же, и как только Лёха появился из ворот сеновала, так сразу же окружили его и принялись глазеть, выдерживая безопасную дистанцию. Лёха хмыкнул про себя – сейчас-то он выглядел вполне себе: вчера ему притащили откуда-то гимнастерку, брюки навывпуск и ботинки. Все было почему-то мокрым, но подсохло и стало вполне впору. Теперь пришелец из будущего смотрелся вполне себе пристойно – не то что вначале. Вначале-то он бы этим деревенским устроил незабываемое зрелище. Правда, ботинки ноги намяли, и ходить в них теперь было больно, но Лёха терпел,

надеясь, что разносится обувка. Чуни были в разы хуже, и в них как-то невозможно было себя уважать. А так – даже с распухшим носом – все же вид был почти бравый.

Боец Семенов

Все получилось, как нельзя лучше, даже удивительно. Начать с того, что еще на подступах к деревушке встретился толковый пацаненок, потому как, хоть и говорил тот не совсем по-русски, а все было понятно в разговоре. Так и оказалось: немцев в деревушке нет, и вряд ли приедут – мостик через топкий ручеек кто-то недавно разобрал, а за деревней дальше лес – тупичок тут, в общем, и нечего тут немцам делать. Старший из пятерых мужчин, что тут жили, опять же, очень удачно оказался сам бывшим воякой – осел тут еще во время Империалистической, женился, да так и жил, и часть жителей была теперь его прямой родней. Так что общий язык нашли быстро. Поторговались, конечно, не без этого, но и сапоги, и корову Семенов пристроил весьма удачно. Получили и хлеба, и картошки, и сала.

Еще и вечерять посадили как званых гостей, с почетом. Народу набилось – вся деревня, считай, благо, что маленькая. Ну, Семенов с Петровым знали, что такое манеры, держались как подобает – церемонно, сдержанно, Жанаев тоже не подкачал, а вот потомок подкачал: лопал, как свинья, и стаканчик держал неправильно – без оттопыренного мизинца, некультурно. А ему как раз стакан дали, стеклянный, настоящий городской. Остальные-то пили из разномастной посуды, а потомка уважили, потому как были на нем летная диагоналевая гимнастерка с голубыми петличками и старшинской «пилой» из четырех рубиново-красных треугольничков, хорошие хромовые ботинки и брюки полушерстяные, что для крестьян сразу показывало: он тут в группе самый старший. Красавец, как на картинке. Зато потомок, пока лопал, помалкивал, и Семенова это вполне устраивало.

Поддерживать беседу пришлось, таким образом, самому Семенову, что он аккуратно и делал, стараясь больше слушать. Хозяин, назвавшийся Евграфом Филипповичем, после третьей чарки сам разговорился, благо нашел свежих слушателей, а вот остальные поскущнели физиомордиями – видно, слышали это от деда не в первый раз.

Дед оказался бравым, георгиевский крест получившим за захват германского броневика, и по рассказу судя – да, ловко у него получилось: и пулю в смотровую щель водителю загнать, и по люку грохнуть прикладом, и рывкнуть «Ком хераус!» так, что и впрямь бронекатчики пошли делать хераус, заодно отстрелив деду два пальца на руке, а он их в ответ прикладом зашиб. Дед горделиво показывал искалеченную клешню, потом поведал, что попал сюда, в эту местность, на излечение, а тут и войне конец, и началась рррреволюционная катавасия, от которой голова кругом пошла. Но он решил в это не впутываться. Повоевал уже – хватит, и потому по возможности не ввязывался в разборки тех и этих, а бегало тут много всяких – не только белых и красных. Вот и остался жив и здоров, а кто драться лез – тут их по лесам и болотам много лежит.

Семенов вежливо слушал, кивал и соображал, что как-то уж очень намекающе речь старика звучит. Не, ну тут понятно: время уборки на носу, сено, опять же, убирать надо, работы сейчас полно, потому в деревушке лишние руки не были бы обузой. Это-то ясно. Опять же, вон молодайка на потомка смотрит зазывно – ясно дело, не прочь бы охмурить и замуж выйти, за летчика-то любая рада, вон он какой сидит пышный и даже «курица» на рукаве золотом вышита... С красным носом, правда, кавалер. Но женщине-то это не помеха – еще и полечит, и поухаживает. Нет, точно глаз положила: как человек опытный и бывалый – как-никак женат уже три года и дети есть, – Семенов был совершенно уверен, что томные взгляды молодухи он совершенно правильно оценил.

Вот Жанаев спокойно сидел и чинно, не торопясь, ел, и на него таращились только детишки, возможно, впервые увидев такого диковинного азиатского человека. Там, где сидел Петров, как раз стало шумно – токарь, накатив на грудь, распустил пышный павлиний хвост, расписывая свои героические подвиги, и вот его внимательно слушали. В общем, застолье шло,

как подобает, достойно и приятно. Наконец, и потомок набил брюхо и стал не так выделяться своим поведением. Семенов успокоился, только посматривал на деда – мало ли, вдруг затеет старый хрыч послать кого для того, чтобы новую власть известить, что тут-де окруженцы есть... Оно, конечно, вряд ли. Но бдительность терять не следует. Потому пил Семенов аккуратно.

Надо заметить, что он правильно оценил поведение своих товарищей. Жанаев действительно чувствовал себя отлично. Его накормили, и никто не трогал. Но вот чего не представлял себе наблюдательный Семенов, так это то, что Жанаеву было хорошо, только хотелось ему обратно воевать. Не потому что он любил воевать – просто он знал, что пока война не кончится, он не поедет к своей Сэсэг. А кончиться война может, если они победят. А для этого ему, Жанаеву, надо идти и воевать. Потому ему было хорошо, но хотелось поскорее вернуться на войну. Чтобы вернуться домой.

И Евграф Филиппович, ветеран империалистической, тоже думал не вполне так, как предполагал молодой еще Семенов. Не любил Евграф Филиппович Советскую власть, хотя и не сказать, чтобы сильно от нее потерпел. Однако мыслей, чтоб не пустить или сдать германцам вояк, и в голову не пришло. Да и как это сдать – германцам! Это ж дело такое, что красные али белые – это одно, а германцы – они всегда германцы! Свои, бывало, зверствовали и почище, да все одно те – германцы... И все тут!

Потому мысли у Евграфа Филипповича были совсем другие: как бы уговорить этих крепких молодых мужиков не искать ходу до своих, а остаться тут. И работа, и защита, да и бабы, опять же, вон как смотрят... В этом Семенов – как крестьянин – угадал верно. Но и тут старик глядел немного иначе. Семенов ожидал подсознательно, что дед обратится к нему. Но для старика Семенов был не той фигурой – в знаках различия старый солдат разбирался неплохо, и потому сразу решил для себя, что старший здесь – летчик. С ним говорить и надо. Но напрямую Евграф сказать все не решался – вон, старшой-то их, из этих, что на еропланах летают – сидит себе молча, ни слова не говорит. Умный, значит, командир, хоть и молодой.

А с умным торопиться не след.

Да и помнил Евграф Филиппович насчет воинского долга и прочего – вспоминать не любил, да и не забудешь, что с иными за отказ воевать было. Потому решил отложить это на потом. Пока решил послушать, что заливают тут солдатик с городскими ухватками. И слушал.

Семенов тоже слушал и немного удивлялся тому, что его городской приятель, в общем-то, даже и не привирает. Что особенно удивило – в общем, простецкие ситуации в изложении языкатого черта Петрова становились красочнее и впечатлительнее, что ли. И первый налет ревущих дурниной самолетов, и бесконечное окапывание, и трупы на дорогах, и вонь горячей техники, и первый бой – все это становилось не просто обыденной жизнью сотни мужиков, а прямо кино каким-то. Тем более, что сам Семенов мог бы вспомнить особенно тяжелые моменты только какими-то кусками, словно смотрел в трубку. А Петров – гляди-ка – засек такие детали и нюансы, какие и Семенов не увидел. Вроде на одно смотрели, а видели разное. Да и рассказать бы все это так цветасто, как токарь, Семенов точно не смог бы. А если бы и изложил – получилось бы очень сухо и сдержанно. Да и не стал бы многое рассказывать – ни к чему.

Ну вот, например, зачем говорить посторонним людям, что когда серо-синий немецкий танк остановился совсем близко и стал разворачивать башенку в сторону ячейки, где в этот момент Семенов судорожно пытался заменить пулеметный диск, который заело, и никак не получалось оторвать тяжеленный стальной блин, жизнь перед глазами не проносилась. А тоска свинцовая одолела, в пору выть было от злости, когда коротенький ствол танковой пушки неудержимо накатывался черной дыркой прямо в живую душу пулеметчику. И Семенов оплошал, испугался и не нашел ничего лучшего, как присесть в своей тесной вертикальной ячейке, которая в тот момент показалась вертикальной могилкой. И даже на молитвы не хватило вре-

мени, когда над головой тошно и оглушающее жажнуло и по спине тяжело ударило, прерывая дыхание. Кому это важно и интересно? Только себя позорить.

Семенов с неудовольствием вспомнил, как не мог разогнуться, и страшно стало, что так и будет медленно умирать на дне своей ячейки. Скрюченным, бессильным, нюхая до последнего момента оставшейся жизни кислую вонь сгоревшего пороха из наваленных на дне стреляных гильз. Не сразу понял, что это не позвоночник перебило, а просто свалился сверху сбитый взрывом покоренный пулемет. И кому это интересно? Да никому, и рассказывать такое стыдно и не нужно. Надо же – опытный обученный красноармеец, а не сообразил пулемет с собой захватить в ячейку, на бруствере бросил. У Петрова же все получалось картинно и героически, но при том не вызвало скуки, как высокопарные газетные статьи про героизм.

– Тут Габайдуллин нагреб гранат из ящика, свернул из них связку: четыре ручки в одну сторону, пятая – в другую, потом вторую такую же проводом обмотал и, как уж прямо, скользнул в траву. Смотрю, а он уже около этого танка, рукой махнул – полетела связка. Да неудачно. Железяка эта довернула – и на него. А его, видать, взрывом уже повредило, смотрю – возится, да слабо так. Когда почти наехала – он так рукой еле – еле пошевелил, да вторую связку и сунул прямо под гусеницу. Как долбануло! Габайдуллина отшвырнуло метров на пять, а гусеницу порвало, аж траки в разные стороны полетели, причем здоровенное колесо ведущее в щепки разнесло! Колесо в половину человеческого роста, огромное – а вдрызг снесло. Напрочь! Танк перекосило, стрелять перестал, а наш взводный это увидел и орет: «Раз назад нам нельзя – а ну все вперед, кто меня слышит! За мной!» Ну, и кто живой был – поднялись и за ним...

– Страсти-то какие, – ужаснулась соседка Лёхи, зазывно на него поглядывая.

– Не могли гранаты так железное колесо разнести, – твердо и уверенно сказал Евграф Филиппович. Не то чтобы осадить говоруна-рассказчика захотел, а скорее для порядку. Чтобы не очень заливал тут бабенкам. Танк с деревянными колесами, как же. Тут хотя и деревня, а про танки наслышаны.

Петров осекся на полуслове. Семенов, с одной стороны, порадовался, что вот опять горожанина в лужу посадили. С другой стороны, нехорошо получалось: все-таки токарь – сослуживец и товарищ, а его раз – и срезали. Тем более что Семенов не видел сам-то как Габайдуллин танк подбил, но когда этот самый Петров выдернул его за шкуру из ячейки и поволок в атаку, то и порванный труп Габайдуллина, и перекосившийся танк – без переднего здоровенного колеса, кстати, – сам своими глазами Семенов видел. Но вот разлетелось ли колесо в щепки – этого он сказать не мог.

Совершенно неожиданно на выручку токарю пришел потомок, решительно допивший самогон из стакана и, косясь на глядящую обожающим взглядом соседку, твердым, хотя и немного гнусавым голосом отчеканил:

– Если это был французский танк Рено ФТ-17 или, как его называли немцы, Pz.Kpfw.18R 730(f), то вполне возможно, что ведущее колесо разлетелось в щепки – на ряде машин оно было из дерева с обтяжкой железом. Несмотря на противопульную броню, танк превосходил ряд образцов немецких панцерваффе и потому использовался в количестве нескольких сотен штук.

– Кхм! – внятно сказал Семенов. Потомок уловил намек и заткнулся. Он, честно говоря, и сам не понял, что это вдруг его понесло вспоминать случайно прочитанное на форуме игры «Ворлд оф танкс». Не иначе, самогон, да еще упругое круглое бедро соседки, которым она то и дело, словно случайно, касалась его ноги.

– Вот он как раз и был, – с места в карьер продолжил свое повествование Петров. А Евграф Филиппович неожиданно спросил:

– А вы, значит, в том бою не вместе бились?

– Откуда! Мы же пехота – царица полей, а он – залетный, – несколько с намеком ляпнул Петров.

– Понятно, понятно, – успокоился Евграф Филиппович. Для него это было как раз хорошо: раз артель сбродная, значит, уговорить их остаться будет проще.

– А як так вышло, что танк французский, а за немцев? – по-прежнему зазывно поглядывая на образованного соседа, волнуящим голосом спросила прижавшаяся бедром к Лехиной ноге женщина.

– Это-то понятно, – отозвался Евграф Филиппович – Франции сейчас нет, а все ее добро германцам в наследство досталось. Да и от других стран тоже добра мусить перепало немало. Европа ж!

Петров кивнул и продолжил заливаться, как они по лощинке выскочили прямо на нескольких немцев и свалили их стрельбой в упор и штыками, а потом их героический взводный сунулся лицом в траву, и его пришлось тащить с собой, тяжелораненого. Но вот – сумели оторваться. И теперь они тут.

Другая из сидевших за столом женщин, пожилая, спросила – и Семенов понял, хотя язык и не был привычным русским – куда делся взводный, а после разъяснений взгрустнула и предложила выпить за упокой души всех павших. После этого уже Семенова сильно разморило, и он кивнул своим товарищам, что пора бы и честь знать. Застолье закончилось, поблагодарили радушных хозяев и отправились на боковую – на сеновал.

И даже не караулили этой ночью, расслабились.

Менеджер Лёха

Все-таки жизнь прекрасна – подумал Лёха, когда после парилки приходил в себя, сидя в предбаннике маленькой баньки. И позавтракали по-человечески, и пообедали добротнo – нельзя сказать, чтобы изысканно, но плотно и вполне человеческой пищей – каша со шкварками вполне по душе пришлась. И даже злобный этот Петров после вчерашнего уже не так глядел. Уже не злобно, скорее – озадаченно. Сам Лёха не мог внятно себе ответить, с чего вдруг отверз уста свои и изрек важное, выручая злобного токаря. А хорошо получилось. Всего-то вспомнил, что на форуме ВоТ прочел. А как здорово получилось!

Ну, и немножко еще то помогло, что в помянутой игре у него этот несуразный танк был одним из любимчиков. Хитрый Лёха прокачал по максимуму экипаж, поставил на танк самую лучшую пушку, оснастил всякими прибабасами – и потому, играя в «песочнице», где обычно возились именно такие слабосильные машинки и новички – рвал противника свирепо своим экипажем мастеров. Кто б мог подумать, что пригодится! А – пригодилось. Значит, не все потеряно, может оказаться, что знания окажутся важными не только для этих трех пехотинцев. На всякий случай Лёха стал вспоминать тактико-технические данные других танков из игры и неожиданно убедился, что помнит довольно много. Беда только в том, что не сможет отличить те машины, которые в войне участвовали, от экспериментальных, типа Мышонка пресловутого. Но все равно – не так уж все и плохо.

Тут его опять позвали в парную, и, чтобы не упасть лицом в грязь, Лёха гордо пошел в самую жару. В такой жаре, наверное, сталь варят. Зато в парной нос стал дышать, и вообще легче стало, простуда отступила. Напарившись до звона, выбрались на свежий воздух. Собрались было идти на сеновал, ан местные не дали – как дорогих гостей разобрали по домам, чтоб не обижались холодным приемом. Семенов стал было возражать, но Евграф Филиппович уверил его, что мостик предусмотрительно разобрали, потому дорога не проезжая в деревушку, собаки чужих задолго услышат, даже если кто сюда попрется, а к тому же он и его соседи ночью сами покараулят, чтобы воины отдохнули по-людски. Возразить вроде как было нечего, и потому группа распалась.

Лёха даже не очень удивился, когда оказалось, что его приветила та самая вчерашняя соседка. И, надо сказать, что и дальше он уже не очень сильно удивлялся тому, что ночью оказались они вместе с хозяйкой – она ловко скользнула к нему на печку – здоровенную, занимавшую половину небольшой избы. И вот там, на лежанке, близко к потолку, она и прижалась к нему всем телом – тоже пахнувшим свежестью, баней и чем-то таким, отчего Лёха возбудился, как подросток.

– Прямо духи с феромонами, – еще успел подумать он.

А дальше думать уже не заладилось. Потому что огрызки мыслей типа: «Девайс интуитивно понятен, опция доступна... дурь какая в голову лезет... а сиськи у нее класс, и без силикона, а такие... чего это за ересь, еще никак подумай ябывдул» никак не тянули на плод мыслительного процесса. Женщина оказалась стройной (это было особенно заметно по контрасту с тем, какой она была в хоть и праздничной, но мешковатой одежде), страстной и, что особенно удивило Лёху, – явно не без опыта, так что виданные им не раз порноактрисы в подметки ей не годились, потому как были словно неживые. А эта была живая, и именно сейчас Лёха ясно убедился, что настоящая женщина – это замечательно и ни с чем не сравнимо. Разумеется, если она Настоящая Женщина. Эта была именно таковой. И мягкой, и крепкой, и нежной, и податливой, и понимающей, и очень смелой, и в то же время послушной...

Боец Семенов

Расставание получилось тяжелым. Не кривя душой – самому было очень трудно уходить из гостеприимной деревушки. Единственный, кто остался спокойным – это Жанаев, на его широкой физиономии никаких чувств не отражалось, а вот остальные трое брели с дурным настроением. Не заходить в деревеньку было нельзя, а зашли – тоже вон что вышло. То, что Петров влюбился по уши, Семенова не удивило: его сослуживец моментально влюблялся не реже одного раза в месяц, причем влюблялся истово и самозабвенно. И совершенно искренне. До следующего раза. Ну и тут, разумеется, так и вышло – так что не удивительно. Потомок тоже утром от шальной вдовушки вышел с глазами на пол-лица и широченной глуповатой улыбкой. Тоже, значит, любовь у них завертелась. Понятно, бабенка была хороша: белозубая, ладная, гибкая и улыбчивая. Все при всем, картинка. Чем-то она напомнила Семенову его собственную жену, потому, наверное, настроение и испортилось. Сразу по многим причинам. И потому что его жена тоже может стать такой же вдовушкой, голодной до мужской ласки и что сейчас она там, а он тут и потому, что если он останется здесь, то прикипит сердцем и получится так, что бросит и жену и дочку. Такого у них в роду делать было не принято.

А в том и беда, что уходить уже и не хотелось. Оно, конечно, и раньше место, где удалось поспать и пожить безопасно, сразу становилось очень симпатичным – даже кусок окопа почти дом родной, если в нем пожил, а тут ведь не окоп – вполне приятная и до мелочей знакомая деревня. И люди душевные, понятные, а что говор странноватый – так не удивительно – костромичи не так говорят, как ярославцы, масквачи – тем более, ну а уж про вяцких и говорить не стоит. И ничего, не мешает. Привык бы, делов-то. И помощь им пригодилась бы очень – самое время сейчас для крестьянской работы, а мужиков и без войны нехватка. Двое в город подались, двоих в армию забрали, потому бабёнкам пришлось и за мужиков работать.

И все это клубилось в душе, и радости никакой от этого не было.

Потому, когда утром уже собравшийся Жанаев явился к Семенову, решать пришлось и для себя самого. И непросто было решать. В общем, все же позавтракали, попрощались и двинули дальше. Женщины всплакнули, потомок с Петровым тоже, в общем, почти совсем до того же дошли – глаза на мокром месте были, но все же выдвинулись из деревни. Еще ело то, что на прощание Евграф Филиппович притащил старую, но ухоженную винтовку, той еще, царской выделки – с граненым казенником – и попросил обменять ее на улановский карабин.

– Вы ж нас бросаете, а германец – враг серьезный. Понадобится если мосинка, то лучше бы покороше – прятать такую легче.

Жанаев согласился безоговорочно. Но старый винтарь все же проверил. Нормально все работало. Дед, впрочем, тоже карабинчик сноровисто проверил. Даже затвор разобрал-собрал, проверил пружину в магазине, отсечка-отражатель, точно повторив все, что делал Жанаев. Но не для того, чтобы как-то ущемить, а просто потому, что так положено у грамотных людей. Оставили ему еще четыре обоймы с темно-медными патронами. Петров выклянчил у строгого Семенова половину парашюта – тоже подарили. И пошли. И старались не оборачиваться. А в голове у Семенова вертелось негромко сказанные перед прощанием слова Евграфа Филипповича:

– Вы если фронт не догоните – возвращайтесь. Мы вам рады будем. А тебе, парень – особенно.

Может быть, еще и поэтому Семенов старался уйти подальше – от соблазна. Шли достаточно быстро, даже потомок втянулся и пер по лесу, башмаки обмялись по ноге и не терли.

Марш – он мозги от мыслей чистит, втягиваешься и идешь, как механизм. День прошли спокойно – места были глуховаты, немцев и не слышно было; правда, на нескольких дорогах, что перескакивали с опаской, видны были свежие следы шин. Переночевали спокойно, плотно

перед этим поужинав и пообедав заодно уж свежими харчами, что деревенские с собой надавали довольно щедро: курица вареная, яйца вкрутую, лук, чеснок, хлеб свежий, огурцы. И на следующий день шли ходко, пока не услышали далекую пальбу. Теперь Семенов пошел уже осторожно, периодически останавливаясь и давая знак остальным, чтобы дали послушать, что вокруг творится. И ведь сработало: услышал негромкий звяк сбоку. Сначала подумал обойти стороной, но тут Петров подкрался поближе и прошептал:

– Кто-то гаечным ключом что-то делает. Зуб даю! Наверное, наши.

Семенов поморщился. Впервые, это Петров считал, что он подкрался, на самом-то деле треску от него было, как от трактора. Во-вторых, с гаечным ключом вполне так же могли работать и немцы. Правда, пока они там бренчат и лязгают, можно легко подобраться поближе и посмотреть. Кивнув Петрову и приказав не лезть, пока он не разберется, что к чему, Семенов сторожко двинул на звук, присматриваясь и прислушиваясь еще старательнее. Те, кто чинят технику – если не совсем уж дурные, – должны охрану поставить. И не факт, что просто часового, вполне могут и секрет выдвинуть. А нарываться на секрет никак не охота.

Действительность оказалась куда проще. Тихо прокравшись и аккуратно высунувшись из кустов – так, чтобы самому видеть, но быть скрытым листвой, – Семенов оглядел небольшую полянку. На ней стоял маленький плавающий разведтанк, а на нем как раз и бренчали чем-то железным двое. Точнее, даже не на нем, а в нем, в танковом брюхе.

– С мотором у них что-то не в порядке, – догадался Семенов. Танк явно был наш, те двое, судя по форме и по характерной для делающих тяжелую грязную работу речи, – тоже. Форма, правда, была не совсем правильная – на одном был синий грязный комбез, второй щеголял когда-то белой майкой и галифе. Оба без головных уборов, зато перемазаны в машинном масле от души, даже физиономии. Работа отнимала все внимание ремонтников, потому Семенов пригляделся как следует. Немного удивился, заметив щегольской серый танкистский костюм, аккуратно висящий на вешалке, зацепленной за ветку дерева. Когда ветерок пошевелил и повернул одежду, удивился еще больше: под кителем была белая рубашка и даже галстук виден. Полный парад. Значит, танкистский командир. Уже хорошо. Потом заметил кусок брезента – тоже в пятнах, оттого и не увидел его сразу, – который висел так, что, видно, служил шалашом для этих двоих. Тряпки на полянке. Мятое ведро. Ну, это понятно: где техника ремонтируется – там всегда сразу срач возникает. На МТС тоже такое было. И трактористы тоже чумазные ходили. Что же – раз это свои, можно выходить. Только аккуратно, а то и стрелнут сгоряча. Что б такое сказать, чтобы не погорячились? Вроде как «Бог в помощь» не годится, тем более, если один из них – красный командир. «Слава труду»? Тоже как-то не то. Вроде как насмешка тут выйдет. Наконец, Семенов решился.

– Здравия желаю, товарищи! – негромко произнес он, сложив руки раструбом у рта.

Оба перемазанных в мазуте тут же сиганули с танка, как ветром сдуло. Спрятались по ту сторону машины.

– Кто идет? – строго, но опять же негромко послышалось из-за танка. Семенов огорчился, потому как если б это было на своей территории, то рывкнуто было бы от души. А раз тишком – значит, и немцы рядом. И не передовая это. Такие же, значит, окруженцы.

– Свои. Красноармейцы.

– Старший ко мне, остальные на месте! – хорошо поставленным командирским голосом, но опять же негромко, откликнулись из-за танка.

– Иду, не стреляйте! – и Семенов, не слишком поспешая, вышел из кустов, закинув винтовку на плечо. Двое высунулись из-за танка, что было для них несложно, благо был этот танк крошечным и низеньким. Тот, что в майке, держал наперевес танкового Дегтяря, второй – в комбезе – сжимал в руке наган. Смотрели настороженно, но видно было, что успокаиваются.

– Красноармеец Семенов, – отрекомендовался Семенов.

– Младший лейтенант Логинов, – представился комбинезон.

– Старший сержант Спесивцев, – сказал тот, что был в майке.

Посмотрели друг на друга, потом старший сержант положил глухо брякнувший пулемет на броню, привычно поправил тыльной стороной ладони висячие унылые усы и спросил:

– Какая часть, боец?

Семенов, не чинясь, назвал дивизию, полк, батальон и роту. Танкисты переглянулись и тоже как-то приуныли. Не так, чтобы очень, но заметно. Спросил, в свою очередь, откуда они. Успокоившийся уже младший лейтенант засунул наган в кобуру и пробурчал, что из разведбата той же дивизии.

– Ясенько – подумал Семенов. Они уже губу раскатали, что, может, это на них свои вышли с внешней стороны, а тут опять окруженцы. Ну, так и он тоже огорчился, когда понял, что нет, до своих еще топать и топать. Симметричное получилось огорчение – вспомнил Семенов ученое слово. А дивизию немцы раскатали вдрызг, одни огрызки остались по лесам.

– Понятно, – протянул старший сержант. По его худой физиономии было видно, что схожие мысли его тоже посетили.

– Голоден? – спросил младший лейтенант. Он-то как раз, в отличие от тощего сержанта, был упитанный, с круглой физиономией, и глядя на него, Семенов прекрасно видел, что покушать лейтенант любит. И даже неурядицы последнего времени эту охоту у танкиста не отбили.

– Не откажусь, – дипломатично выразился красноармеец. Когда угощают – отказываться не следует, поголодать всегда успеешь.

– Ну, тогда возьми себе консерву из ящика и давай рассказывай, что да где видал. А нам недосуг сидеть, работы много. Ты тут один? – уточнил лейтенант.

– Никак нет, четверо нас.

– Поступаете в наше распоряжение? – вопросительно заявил младший лейтенант.

– Никак нет, сопровождаем летчика, обязаны доставить его к нашим, приказ такой: охранять и доставить. Потому – извиняйте, – парировал Семенов.

Он, в общем, понимал, что нарушает Устав, но не велик чин что у одного, что у другого из разведбата. Младший лейтенант или, как таких называли уничижительно, «мамлей» – считай, то же, что и старшина. На чин старше. Не впечатляло. А случись что, если до угроз дело дойдет – у них три винтаря, а у танкистов – пулемет, явно снятый с этого танка – вон, в цилиндрической башенке дырка зияет. Да наган. Не, не впечатляет никак. Лейтенант мрачно посмотрел на строптивного красноармейца, прикидывая, что следует делать, потом махнул рукой. Он тоже понимал, что в таком виде не производит серьезного впечатления, да и, говоря откровенно, предложить ему пока нечего.

– А с танком что? – поинтересовался вежливо Семенов.

– Это не танк, это «Дочь Антилопы Гну», – ехидно покосился на усатого сержанта мамлей.

– Карбюратор барахлит – с грузовика бензин слили, а он не подходит, дерьмовый у немцев бензин – отозвался усатый, пропустив мимо ушей иронию товарища.

– Не факт, что карбюратор. Мы ж его разобрали. Вроде в порядке. Слушай, боец, у вас в артели есть, кто в движках разбирается? Ты ж говоришь, летчик у вас? Давай его сюда! А мы вас за это консервами покормим, не едали вы такого, точно говорю, – сказал напористо мамлей.

– Вы же вроде сами танкисты? – удивился Семенов.

– Я – командир мотоциклетного фельдъегерского отделения связи разведбата, а товарищ старший сержант – башнер с бронеавтомобиля. А до того кавалеристом был. Так что с моторами у нас – швах – честно признался младший лейтенант.

– Тогда я своих веду – может, что и скумекаем, – не слишком воодушевленно ответил Семенов и нырнул в кустарник.

Менеджер Лёха

После ночной забавы в голове колесом крутились какие-то радужные мысли, и потому по лесу Лёха шел чисто автоматически. Очень хотелось плюнуть на все и вернуться назад, но хмурый дояр внятно пояснил, что теперь в деревне пришлось бы работать, не все кувыркатся, не для того – как он сказал – приманивали. Теперь, сидя в лесочке и слушая далекое позвякивание инструмента, Лёха пытался разобраться в своих ощущениях, но как-то это не получалось.

Дояр вынырнул совершенно неожиданно – умел он тихо ходить, не отнимешь, прямо ниндзя какой-то.

– Наши. Танк и двое в экипаже. Танк у них поломатый, не едет.

– Во, я ж говорил, что чинят что-то. Мотор засбоил? – сказал злобный Петров с удовольствием.

– Сказали, что крабюратор, – с трудом выговорил незнакомое слово Семенов.

– Понятно – протянул Петров, но Лёха отчетливо понял, что ни черта тому не понятно, просто токарь фасон городской держит.

– Сейчас пойдем к ним, обещали консервов дать. Петров, думай, чем помочь можем. Ты в моторах что понимаешь? – посмотрел Семенов на Лёху.

– Понимаю! – ответил неожиданно для себя Лёха. И в душе даже удивился немного тому, как уверенно это прозвучало. И, чтоб не зарываться слишком уж глубоко, пояснил:

– Только моторы у нас сильно отличаются. У нас же все на электронике. Так что именно в этом – возможно, и не разберусь.

– Тогда, значит, смотришь, но язык держи за зубами. Ты – летчик, а что да как – помалкивай. Это ясно?

– Ну, ясно. Только летчик – это дело такое. Я ж должен разбираться, где мы сейчас находимся, карту там иметь, все такое. Они ж спросят, что да как. Штурман там или что – вспомнил Лёха авиасимулятор Ил-2.

Дояр задумался.

– А ты начфином станешь, – хмыкнул ехидно Петров.

– Все начфины – со шпалами, – непонятно сказал в ответ Семенов.

– А этот – ВРИО, – еще более непонятно парировал Петров.

– Пожалуй. Я-то им сказал, что мы не можем присоединиться к ним, приказ у нас летчика к своим доставить. А толку-то с начфина никакого, – пояснил Семенов.

– Толку от них много. И вообще, первым попавшимся – хоть и своим, а все рассказывать не след. Вот, к примеру, если мы шифровальщика ведем, или секретчика, или он вообще особист – что мы, везде об этом кричать будем? Сам посуди, голова садовая. Так что начфин годится. Он все деньги в лесу закопал, вот мы его и сопровождаем – чтоб рассказал, где клад, – горделиво обосновал свое предложение токарь.

– Ладно, сгодится. В конце концов, есть такое слово «военная тайна». В общем, держим языки за зубами, – велел дояр. Потом подумал немного и покачал головой:

– А начфины все-таки старшинами не бывают!

– Далось же тебе, – досадливо сощурился Петров – Нехай он будет писарем при финчasti! Старший писарь – делопроизводитель.

– Годится – одобрил Семенов.

А Лёха решил про себя, что черт с ними, пусть он будет писарем. Во всяком случае, не придется выкручиваться, придумывая, почему он моторы не знает, не в курсе, где они сейчас находятся и так далее. Вообще – надо хранить важный вид. Как ни странно, в этот момент и сам Лёха поверил, что где-то в лесу им собственноручно зарыты мешки с деньгами. Как-то отчетливо это почуял и даже зауважал сам себя.

Танк на полянке поразил Лёху в самое сердце. Несколько секунд Лёха оторопело вертел головой, разыскивая танк. Только потом до него дошло, что низенькая маленькая коробочка зеленого цвета – это танк и есть. Размером этот, с позволения сказать, агрегат был с Жигуль-классику, только еще и пониже, пожалуй, нескладный, неказистый и – тут отлично подошло слышанное когда-то слово – плюгавый. Петров, видно, целиком разделял те же чувства, потому как негромко – так, чтобы танкисты не услышали, – пробурчал себе под нос: «Портсигар на гусеничках».

Экипаж был тоже странноватый: один танкист – кругломордый и явно ехидный, как Петров, другой – сухопарый, худощавый, с пышными висячими усами и настороженным колючим взглядом, что делало его похожим одновременно на школьного учителя и на встревоженного рака, оба перемазанные в чем-то черно-коричневом. Представились, обменялись рукопожатиями, только вместо ладоней танкисты протянули сжатые кулаки, причем Петров привычно пожал им запястья, а за Петровым то же и остальные сделали. До Лёхи дошло, что, видно, так здороваются те, кто в тавоте всяком руки замарал.

– А что, крылатый винт, поможешь разобраться с мотором? – нетерпеливо спросил тот, что был в синем комбезе.

– Ну, попробую, – пробурчал Лёха. Собственно, в моторах он ни черта не смыслил, но помнил, что в них могут «засратся свечи» и что-то еще может засраться. А еще в моторе есть уровень масла. А еще надо попинать колеса, судя по анекдотам. Но тут не прокатит – на гусеницах танчик.

– Может, перекур сделаем? – предложил Петров, которому вид техники явно не понравился, и потому он решил оттянуть решающий момент.

– Не получится – курить у нас нечего, – сожалеюще заметил худощавый танкист и пригладил усы.

– Это исправимо, мы тут недавно разжились. Семенов, может, и перекусим заодно? Товарищи танкисты, говоришь, консервов обещали? – задорно спросил Петров.

– Обещали – с достоинством, как подобает солидному человеку, кивнул Семенов.

– Да берите, – мотнул головой синий комбез.

Лёха тут же залез в деревянный ящик, вытянул обычную консервную банку и немного ошалел – на банке написано было не пойми по-каковски «СНАТКА» и нарисован какой-то жутковатый паукообразный зверь, почему-то красного цвета.

– Что это? – удивился он. Подняв взгляд, он убедился, что и остальные его спутники тоже вытаращили глаза.

– Крабы, – лаконично ответил усатый.

– Цельный ящик крабов? – еще больше удивился Лёха.

– Уже не целый, – ухмыльнулся кругломордый.

– Это что такое – крабы? – недоумевающее спросил Петров. Жанаев и Семенов промолчали, но видно было, что вопрос этот и у них возник.

– То же, что раки, только в океане живут, – еще больше становясь похожим на школьного учителя пояснил усатый.

– А почему написано «СНАТКА»? – спросил Лёха, читая на банке всякое разное странное вроде Главрыба и Наркомат пищевой промышленности.

– Чего не знаю, того не знаю. Мы эти консервы пятый день едим и, как видите, живы пока. Действительно, на раков похоже, сладковатее только. Хлеба бы еще к ним – размечтался усатый.

– И пива! И горчицы, – заржал тот, что в синем комбезе.

– Горчица-то зачем? – искренне не понял Семенов. Пиво у него возражений не вызвало. Сочетание «Пиво-раки» – это ему было хорошо знакомо, видал в городе вывески – значит, не только в деревне так лакомились, что сразу боец и сказал.

– Так все равно же нету ни того, ни другого, ни третьего, – ответил синий комбинезон. Потом прищурился и спросил:

– А что, у вас хлебушек есть? Может, махнемся? Патроны нужны?

– Давайте тогда и перекурим, и перекусим – решил Семенов.

– Я консерву эдихэ не буду – проворчал Жанаев.

– Тогда покарауль пока – вон в тех кустах засядь. А поешь потом, я тебя подменю.

– Лабтай! – согласился тот и обосновался в кустах.

Остальные поглядели ему вслед и стали накрывать на стол – то есть рядом с танком расстелили кусок относительно чистого брезента, расселись вокруг, и танкисты выставили несколько банок, а пехота, не торопясь и с достоинством, выложила на самобранку и хлеб, и вареную картошку, и огурцы с луком и чесноком. Сало, правда, Семенов зажал – не то что из жадности, а просто самый ценный это был продукт – компактный, легкий и нажористый, что было понятно даже одетому в летнюю форму потомку, а вот вареные яйца по штуке на брата зажимать не стал.

Лёха тут же вскрыл ближайшую к нему банку. Крабов он пробовал дважды, остальное время пробавляясь крабовыми палочками, которые стоили не в пример дешевле и его кошельку были доступнее. Под крышкой оказался плотный пергамент, а уж под ним, упакованное в бумагу, нашлось и бело-красное крабовое мясо. И на вкус оно оказалось куда лучше, чем сделанные из безвкусного минтая крабовые палки. Не зря это кушанье считается деликатесом! К его удивлению, остальные к крабам отнеслись куда прохладнее. С танкистами оно понятно: если лопать любой деликатес несколько дней, так приесться, но вот Семенов, вскрыв банку, жевал спокойно, Петров – даже с некоторой опаской. Лёха подумал было объяснить этим примитивам, что крабы – мировой деликатес, денег стоят немерено, и вообще они дураки, что не понимают свалившейся им удачи, но решил, что лучше помолчать.

Вряд ли такое выступление ободрило бы его сотрапезников. Особенно обоих танкистов, которые наворачивали огурцы с таким хрустом, что треск стоял. Да и остальному, что вывалили на стол пехота, они оказывали полное уважение. Видно было, что соскучились по нормальной человеческой еде. Сам Лёха не терялся и уплел две банки – свою и Жанаева. Тоже пожалев при этом, что нет пива, а так был бы полный праздник. Попутно он слушал, о чем говорили за едой остальные. Тот, что в синем комбинезоне, младший лейтенант Логинов, оказывается, был мобилизован в первые дни войны, причем прибыл к месту службы со своим мотоциклом известной марки «Вандерер». Так и попал в мотоциклисты.

Тот, что уса́тый, все время подшучивал над рассказчиком, почему-то называя его «кустарем-одиночкой с мотором», что почему-то понимал Петров, а Семенов только глазами хлопал. «Вандерер» этот был так отремонтирован, что признавал только хозяина, а в чужих руках отказывался работать напрочь. Но, тем не менее, Логинов на нем носился достаточно лихо, выполняя свою таинственную фельдъегерскую работу, пока мотоцикл не пал смертью храбрых во время очередного воздушного налета.

Бывший кавалерист Спесивцев встретился со своим нынешним напарником после того, как его бронеавтомобиль тоже приказал долго жить – придали несколько машин пехотному батальону, командир которого понятия не имел о том, как пользоваться эту технику, и погнал броневики вперед своей пехоты в атаку, словно это были танки. По заболоченной низинке, где в редком, но очень неприятном (для этих, хоть и бронированных, но все-таки всего лишь колесных автомашин) лесочке их и перещелкали немецкие противотанковые пушечки. Пошло в атаку шесть броневи́ков, а вернулся только один. Да из экипажей сгоревших машин выбралось всего семеро, причем двое раненых, а четверо с ожогами.

Спесивцев печально погладил усы и продолжил. Обидно, конечно, получилось: командиру броневи́чков надо было все же упереться, а не выполнять это приказание так слепо. Но тут дело такое: молодой лейтенант, только что из училища, а приказ отдал цельный майор.

Фигура! Вот и погорели ни за понюх табаку в прямом смысле слова. Уцелевшие выбрались к расположению штаба разведбата аккуратно под очередную бомбежку, раздelaвшую блиндажи со штабом и стоявшую рядом технику под орех.

Туда же и Логинов, на свою беду, прикатил в самый неподходящий момент. От любовно перебранного своими руками «Вандерера» нашел он после того, как «лаптежники» улетели, только переднее колесо, болтавшееся вместе с какими-то тряпками высоко на ветках побитой осколками березы. Так вот Логинов опешел. А дальше двое безлошадных встретились и стали пробираться к своим – сначала с группой таких же, потому как стало ясно: дивизия разгромлена, фронт укатил дальше. Потом часть публики рассосалась – кто в деревне, где пристроили раненых, остались примачами, кто просто слинял не пойми куда. То, что немцы явно прочесывали места боев, и пришлось несколько раз ввязываться в перестрелки, тоже поспособствовало.

– А крабами где разжились? – спросил Лёха.

– А в грузовике немецком, – ответил просто Спесивцев.

– Мы по серьезным дорогам старались не шляться – там гансы прут валом, колонна за колонной, а тут, на лесной дорожке, слышим – брякает что-то, – пояснил в свою очередь Логинов.

– Провели пешую разведку, в результате которой обнаружили противника в количестве одного ефрейтора и одного грузовика марки «Опель-блиц» – серьезно подтвердил усатый.

– Говоря проще, там вот эта кракозябра стояла брошенная, – кивнул круглолицый на стоящий за его спиной «с позволения сказать, танк с гордым именем Дочь Антилопы».

– А ганс в ней рылся. Видно, ехал порожняком и решил по дороге трофеями разжиться. Хотя какие с нее трофеи? Разве что винт открутить.

– Какой винт? – удивился Петров.

– Она же плавающая. Вот у нее для плаванья в зад у винт вставлен. Как на пароходе, – пояснил Логинов.

Недоверчивый Петров и впрямь оторвался от трапезы, встал и сходил удостовериться. Вернулся задумчивым – действительно, винт у танка этого имелся. И именно на корме. Трехлопастной такой.

– Что, пристрелили ефрейтора-то? – невозмутимо спросил Семенов, посыпая солью половинку огурца.

– Нет. Стрелять опасно было. Спесивцев его ножом пырнул.

Усатый почему-то сконфузился и забурчал, что он не хулиган какой-то – вот была бы пашка, тогда по-другому бы вышло, не зря же его знаком нагрудным «За рубку» награждали. Тут уж любой, а не только Лёха, догадался бы, что не заладилось у бывшего кавалериста с ножиком-то, облажался он.

– Ну да, видно, в лопатку попал, пришлось мне еще кувалдометром рихтовать, пока они по земле в обнимку катались, – ехидно улыбнулся Логинов, подталкивая товарища локтем.

Кавалерист неожиданно густо покраснел. Очень это было неожиданно для его суровой усатой физиономии.

– А кувалдометр – это что за инструмент? – уточнил с интересом Семенов.

– Специальная танковая кувалда – вон она на броне в держалках, – крайне серьезным тоном заявил мамлей.

– А, кувалда. Ну, понятно, – не купился Семенов.

– Потом, значит, посмотрели, что в машине – а там тряпки всякие, одежда женская, бельишко – все новое, с ярлыками – видно, какой-то магазинчик шоферу по дороге попался. Из полезного вот только ящик с консервами. Мы думали, что толковое, а это пауки-переростки. У нас в гарнизонном магазинчике эти крабы стояли пирамидой – не покупал никто, а этот, видишь, позарился. В общем, никакого толку. Представь, даже винтовки у этого ефрейтора не оказалось. Как на каникулы приехал покататься. Вот мы ему ума и вставили. Пораскинул

мозгами. Зато стали танк этот осматривать – а он, оказывается, просто без бензина. И совершенно исправен. Даже пулемет боеготовым стоит и патронов до черта – и в дисках, и два цинка нетронутых.

– И стали вы думать, на чем ехать дальше, пехотой-то для вас, барчуков механизированных, неуместно, – тонко ухмыльнулся Петров.

– Разумеется, – немного свысока ответил мамлей.

– Не бросать же технику исправную. И так ее эти сволочи бросили. Не уподобляться же им, – немного непонятно отозвался и усатый.

– Это ты про кого? – уточнил Лёха.

– Про сбежавший экипаж. Какой-никакой – а это танк. И если немцам попадет как трофей, а не куча металлолома, они его против нас же и применят. Если уж оставляешь врагу технику – так надо ее вывести из строя. Навсегда. Чтобы не пользовались, – опять став похожим на школьного учителя, разъяснил Спесивцев. В этот момент ему для полноты образа только очков на носу не хватало, чтобы он строго посмотрел поверх них.

– Это – танк, извините за выражение? – картинно поднял бровь Петров. Но его тут же осек Семенов, напомнивший бывшее совсем недавно – когда такая же ерунда бронированная задала им жару. С гранатами и винтовкой не очень-то и с такой даже железякой повоюешь. Петров, видно, вспомнил Габайдуллина и заткнулся.

– Вот мы, значит, подумали, на чем дальше ехать – и решили все-таки на танке. Грузовик-то только по дорогам и мостам может, а на мостах, ясное дело, охрана, на дорогах – патрули и комендантская служба с регулировщиками. Раз повезет, другой, а потом и присмотрятся. И все – отъездились гуси лапчатые. Не годится. Перелили по-быстрому бензин из грузовика в танк, благо у ганса там шланг и ведро были, и ударили автопробегом по бездорожью и разгильдяйству.

– Танкопробегом – поправил Спесивцев.

– Ну да. Для начала спихнули танком грузовик с дороги в кусты, чтобы больше он тут не ездил...

– Хорошо трещал, пока пихали. Переднее колесо вывернуло совсем. И двигатель потом еще покалечили, как могли. Кувалдометр и тут сгодился, – с удовольствием добавил кавалерист.

– Вот-вот. И поехали потихоньку. Командором пробега, разумеется, я, а старший сержант выступал в роли Козлевича, потому как все время мечтал о бочке бензина. В общем, гладко вышло ехать. А кое-где и плавать пришлось. Сейчас вот что-то засбоила машинка – на холостых оборотах все в порядке, а как трогаться – словно гусеницы к земле приклеены. А у вас что да как? – спросил младший лейтенант у Лёхи.

– У нас – по-всякому – уклончиво вывернулся Лёха. И добавил, чтобы не обострять:

– Товарищи из пехоты. А я из финчасти. Писарь. Старший писарь.

И вдруг чуть не заржал, вспомнив известное: «Бонд. Джеймс Бонд».

– А, ну это серьезно! – уважительно до неприкрытой иронии заявил мамлей. – Вот Спесивцев – тоже старший. Самый старший сержант. Мне-то рядом с вами и сидеть страшно, я-то наоборот – самый младший лейтенант, куда уж тут.

– В общем, когда встретился с товарищами из пехоты, их командир приказал им меня сопровождать до наших. Вот и двигаем соответственно, – не стал обращать внимания на подколлки Логинова Лёха. В конце концов, лучше пусть Петров рассказывает, что с ними было. А ему, как попавшему не в свою тарелку, лучше помалкивать.

Токарь намек понял правильно и тут же влез в разговор. Нельзя сказать, что Петров был великим сказителем, но говорил толково и складно, за словом в карман не лез, и Лёха сам заслушался тем, как роту, в которой служили его спутники, сначала клевали стервятники на марше, потом – только-только успели окопаться – навалились танки с осатанелой пехотой, тут

рота была крещена минометами и артобстрелами, но позицию удержала-таки, хотя и ополовинилась за один только день. Немцы все же пробили дыру где-то правее, рота – точнее, все, что от нее осталось, – отошла, опять стала окапываться, но теперь ее не трогали – грохотало сбоку, а потом и сзади.

Пушки, которые до этого роту прикрывали, куда-то делись – впрочем, видно было, что дивизия агонизирует, пропала связь и что толком делать, было неясно. На позицию роты вылетели только какие-то шальные немецкие мотоциклисты, получили по каскам и улепетнули, оставив пробитый пулями передовой мотоцикл и пару трупов. Красиво, надо заметить, улепетнули: четко, слаженно, забрав тех своих подраненных, кто был подбит пулями. Штаб батальона куда-то делся, посланный связным Семенов нашел только кучи брошенного добра, затарившись там разными подходящими для самокруток бумажками, выбирая при этом, чтобы без печатей были и надписей ДСП и «секретно».

Остатки роты попались на глаза какому-то незнакомому подполковнику, и тот велел им удерживать перекресток лесных дорог, зачем – непонятно, потому как мост в паре километров был сожжен. И причем велел: ни шагу назад! А на следующий день немцы каким-то чудом мост починили, и по нему прямо на роту выперлись грузовики с каким-то барахлом. Петров – как самый нахальный – успел прошариться по кузовам остановленных грузовиков, но толком так и не понял, что там была за фигня – какие-то банки и канистры с чем-то несъедобным. И вроде как не медицина – крестики зеленые были, а не красные.

Шоферня была сильно удивлена, когда напоролась на засаду. Рота была удивлена, как быстро немцы наладили переправу. А дальше через несколько часов притащились два этих самых сине-зеленых танчика с деревянными ведущими колесами, подошла какая-то унылая пехота. Семенов, тоже вслух, заметил, что у тех, кто атаковал их в первый раз, и вид был молодецкостей, и автоматов побольше, и действовали они нагло и бодро, бегали быстро и сноровисто, а эти какие-то унылые были, медлительные и сплошняком с винтовками. Но и унылые достаточно умело обложили остатки роты и основную расправу учинили как раз нелепые танчики, беспрепятственно расстреливая сослуживцев Семенова с безопасного расстояния. Вот тогда-то Уланов и вывел остатки взвода, рванув вперед, раз назад запрещено. Ну, а потом вот нашли в лесу летуна, и после беседы с взводным летуна приказано доставить к своим. Взводный помер. Собственно, и все.

Пока Петров пел соловьем, Семенов вытащил мешок, который называл кисетом, и предложил табачку. Жанаев и старший сержант бодро оторвали от пущенного по кругу листка с надписью «расходная ведомость» по квадратику бумажки, аккуратно высыпали на него пару щепоток самосада, аккуратно посплюнили краешек и ловко, по-цирковому, словно фокус показали, свернули цыгарки. Семенов и Петров сделали то же, но без лихости.

Лёха отказался, так как в его время курили, в основном, девушки, и для него это было не вполне мужским занятием, а мамлей горестно вздохнул и попросил своего напарника, чтоб тот и ему цыгарку свернул. Спесивцев привычно ухмыльнулся, отпустил шпильку, что надо было быть проще, а не курить городские сигаретки, словно пижон какой-то, но свою самокрутку отдал, а себе так же ловко свернул другую. Пару минут сосредоточенно дымили, причем Лёха отметил, что запах дыма был не такой паскудный, как от современных ему сигарет, вполне нюхать можно без отвращения.

– Понятно, – наконец, сказал мамлей.

– Что понятно? – переспросил Петров.

– То, что сидим мы в немецком тылу. И они этот тыл, как и положено по уставам, чистят. Ясно, что служба охраны тыла не такая боевитая, как ударные части, ну, да и мы тоже не те, что в начале были. Вот и вам вполне старья хватило. И нам, не ровен час, если напоремся – тоже хватит с походом. Даже такого хлама, как «Рено». У него, как ни верти, броня пулю держит, и наш пулемет ему только для шумового беспокойства. А у него – пушечка. И всех делов.

Как дуэль на мясорубках: любое попадание – смертельно. Ладно, пока живы – не помрем. А помрем, так живы не будем. Вопрос остается тот же: что у нас с танком такое, что оно, извините за выражение, (тут мамлей подмигнул Петрову) ехать не хочет?

– Свечки могли засрать, – выдал свою версию некурящий Лёха.

– Нет, свечки мы проверили и прожгли. Думаешь, с чего мы такие поросята? – возразил младший лейтенант.

– Все равно что-то засралось, – уперся Лёха. Он понимал, что ни черта не смыслит в этом дурацком танке, но слово было подходящим, раз танк сначала ехал, а потом перестал.

– Может, вывести его из строя окончательно, да и вместе с нами пеше? – предложил Семенов, поднимаясь со своего места, чтобы подменить Жанаева. Все равно в технике Семенов ни черта не понимал, а как от караульщика могла быть большая польза. Это уже и Лёха понимал.

– Жалко! – с сожалением отозвался Спесивцев. – Это ж машина все-таки. Сорок лошадиных сил, три тонны брони. Если попадутся немцы без артиллерии – мы им колбасы наварим в свою очередь. Не везде же у них танки!

– Фигасе! – удивился про себя Лёха. Сорок лошадок! Как у Дэу-Матиз! Ну, действительно танк, извините за выражение. Как же это он ездит? Да еще и плавает??? Но вслух ничего не сказал.

Вообще этот танк был какой-то не то что несуразный... Старомодный – вот точно. Для глаза Лёхи это чудо армейской техники было очень непривычно. Вот Т-34 – те нормально смотрелись на своих постаментах. А это... И смешные узенькие гусеницы, и странные тележки со словно игрушечными колесиками по бортам, и башня цилиндром. И особенно – покрашенные зеленым досочки над гусеницами. Деревянные, к слову. Ну, бронетехника – у одних колеса деревянные, у других – вон, скамеечки.

Усатый поймал его взгляд, понял его правильно и усмехнулся кривовато:

– Ну, что есть, то есть. Логинов, вон, тоже все время страдает, потому как влюбился с первого взгляда в какой-то мифический танк. А приходится ездить на том, что нашлось – прямо на дороге валялось.

Логинов покосился, потом буркнул:

– Вот видел я ворошиловский танк – вот это моща! Огромный, башня с баньку размером, пушка еще больше – такая, наверное, как в корпусном полку. И броня, наверное, толстая. Вот это – мощь! А эта плюшка – немошь.

– Ты тише говори, а то машинка услышит и обидится, – опять грустно усмехнулся Спесивцев.

– «Клим Ворошилов» танк называется. КВ сокращенно. Две модификации: КВ-1 и КВ-2. Башня здоровенная? Кубиком? Пушка толстая и короткая? – спросил Лёха.

Логинов кивнул удивленно.

– Тогда это КВ-2. У него гаубица в 152 миллиметра калибром. Не получилось бы у вас с КВ-2 – заявил уверенно Лёха. И пояснил, чтоб остальным понятно было:

– Там экипаж – аж шесть человек. И тяжеленный он, не по всякому мосту пройдет. 52 тонны как-никак. Доворот башни медленный, и сведение долгое. А сам танк здоровенный по силуэту, по нему как раз вклеить не сложно.

– И все равно не сравнить! Не трогайте мою светлую мечту своими грязными лапами, – уперся Логинов.

Лёха пожал плечами. В той самой компьютерной игре про танки был у него и КВ-2. Не шибко-то понравился. А вот этого Т-38 в игре и в помине не было – там такие пулеметные танкетки отсутствовали вообще. Понятно, что даже лйхттрактор не вспотел бы, с парой таких танкеток разобравшись.

– Интересно, товарищ старший писарь финчасти, откуда у вас такие знания о наших танках? – тонко усмехнулся Спесивцев, прищулив глаза. Петров подобрался, напрягся.

– Это как раз понятно, – остановил его подозрения младший лейтенант, покосившись на Петрова.

– Да ну? – уперся башнер.

– Лапти гну. Ясно, что летунам информацию про новую технику сразу дают – чтоб по своим не вlepили, если что. А штабники всегда в курсе всего и всегда. Это вот нам все секретно, будь оно неладно трижды. И все равно танк хорош был! – заявил мамлей.

– Его сделали специально для линии Маннергейма, – опять блеснул знаниями Лёха.

– А здесь он с какой стати оказался? – удивился Петров.

– Линию Маннергейма доломали раньше. Ну, а танки эти сюда, куда еще-то? – ответил Лёха.

– Ладно, пока мечтай о КВ, а я вот прикинул, что наш летательный товарищ где-то прав. Мы с тобой, например, топливный фильтр не проверяли, – уверенно заявил бывший кавалерист, со смаком досасывая цыгарку до конца – так, что уже и пальцы жгло.

– А что, это мысль. Пошли, глянем, – ответил младший лейтенант, и они направились к танчику. Подошедший к столу на траве Жанаев глянул им вслед и перед тем, как начать обедать, сначала закурил. Вот такой вот заядлый курильщик.

– Интересное кино, – удивленно протянул Петров, странно поглядывая на Лёху.

– Ты о чем? – не очень любезно отозвался Лёха.

– Да вот про эти КВ знаешь. Я уж думал, что ты вообще ни при чем и ни о чем. Говоришь – не подарок машина?

– Ну да. Их потом и не делали. Они вообще доты ломать предназначались. Ну, а до дотов дело не дошло, – пояснил холодно Лёха.

– А что так мамлей к КВ не ровно дышит? – не обратил внимания на тон токарь.

Лёха пожал плечами. Сам-то он тоже радостно хапнул этот громадный танк, но быстро разочаровался в нем. Потому и подумал вслух:

– Наверное, видел на картинках. Или вживую. И понравилось. Сам танк громадный, пуха – ну, то есть пушка – здоровенная. На чужом лице всегда нос толще. Как-то так. Ты ж слышал – он не танкист. Так что только видел. Или слышал от кого.

Петров хихикнул и выдал из своего репертуара на два голоса:

– Ах, как сладки гусиные лапки!

– А ты их едал?

– Не, наш барин едал, а мой дядя видал и мне передал.

Лёха неопределенно хмыкнул в ответ и, чтобы не оставаться в одной компании с разрезвившимся Петровым, пошел к танку. Не очень понимая, что, собственно, делают танкисты-любители, смотрел за их работой. Они, вполголоса переругиваясь, копались в моторном отсеке. Наконец, старший сержант удовлетворенно показал напарнику что-то, похожее на бабушкино чайное ситечко, только сильно грязное, и тот удивленно присвистнул.

– Да, это похлеще, чем вокзальный сортир в Жмеринке. Откуда столько взялось?

– Черт его знает, чем татайку до нас заправляли. Но густо село. Видно, мы, когда в спешке заправляли, всю муть со дна бака и подняли. А может, и у немца в баке это было – мы ж его насухо выдоили. Давай прочистим и попробуем, как работать будет.

Жанаев как раз закончил кушать, когда впахнувшийся в тесную коробку танка Логинов завел машину – и на этот раз танкетка довольно шустро пропыхтела по полянке метров десять, напугав привыкших к тишине пехотинцев победным ревом моторчика.

– Вот! – немногословно отметил триумф человеческой мысли над грязным фильтром Спесивцев.

– А то ж! Воля и труд человека дивные дива творят! – согласился с ним и довольный Логинов, вытирая лицо и руки тряпкой.

– И что, прямо сейчас и поедете? – спросил Лёха заинтересованно.

– Ну, сначала надо еще повозиться – гусеницы подтянуть, подрегулировать того-сего. А что, решили с нами двигать? – спросил кавалерист.

– У вас же топлива почти нет, – ответил Лёха.

– Если повезет – разживемся опять. А то – поехали? Как на таксо! Только медленно.

– Слушайте, – тут Лёха замялся, но потом все-таки закончил: – А не покажете, как она управляется? Эта машинка, в смысле.

– Почему нет, – пожал плечами Спесивцев и аккуратно разгладил усы.

– Что-нибудь водили? Из техники? – заинтересовался высунувшийся с водительского места Логинов.

– Мне давали поводить, – начал Лёха, тоскливо понимая, что его сейчас пошлют наф. Да еще и посмеются. Да, в общем, и поделом, потому как водить ему давали только скутер да старый Жигуль, который было совсем не жалко. Свои таланты в плане вождения Лёха оценивал трезво.

– Отлично! – почему-то воодушевился экипаж недотанка. Логинов довольно шустро вылез из тесной утробы Т-38 и сделал широкий приглашающий жест:

– Можете сделать залезантий! Только аккуратно, танк не поломайте!

Опасливо глянув в проем узкого люка, Лёха неловко, вперед ногами, стал забираться в танк. Больно ушибся задницей, как оказалось – о складную спинку водительского сидения, потом пришлось покорячиться, ставя ее на место – схлопнулась она от веса Лёхи, и пришлось ее выковыривать из-под себя. Наконец, сел, чувствуя себя шпротой в банке – жутко тесно и вокруг все в масле.

– Ну вот, значится, гляди, – стал тыкать пальцем из люка мамлей – вот это стекло – триплекс наблюдения, смотришь сюда глазами. Чтoб не задавить кого, когда поедешь. Или не уехать, куда не надо. Это – ключ зажигания. Ручку пока не дергай, коробка переключения скоростей это. Смотри дальше...

Триплекс представлял собой узкую стеклянную полосочку в металлической рамке. Стекло было мутновато, но определенно толстое. Как в него смотреть и что при этом увидишь – неясно. Тут же висел ящичек с несколькими циферблатами, которые все отличались по внешнему виду и производили впечатление кустарно прилипанных на металлическую плату, справа – ручка с какими-то смешными рычажками с черными шариками на концах и пара педалей под ногами. В этой теснотище все выглядело каким-то невсамделишным, стимпанковым: какие-то механизмы, занимавшие почти все пространство внутри, здоровенный шланг слева – там, где стояло старое мотоциклетное треугольное сидение, видимо, служившее насестом для стрелка-башнера. Непонятная железяка черного блестящего вида, к которой была приделана рукоять, вроде как годная для оружия, потому как рядом с нею был недвусмысленный спусковой крючок, но что это за железяка, Лёха понятия не имел. Странные стойки с черноблестящими цилиндрами. В общем, такого Лёха в жизни не видал. Никогда. И выглядело это так, что в кошмарном сне не представишь. Логинов, не обращая внимания на то, что ученик как-то затих, продолжал бодрым учительским голосом растолковывать предназначение тысячи и одной штуковины, окружавшей Лёху.

– А аптечка и огнетушитель тут есть? – невпопад спросил Лёха, чтобы хоть как-то уменьшить поток сыпавшихся на него сокровенных знаний.

– Это у вас, у летунов, такое все цивильное, а тут это не предусмотрено. Огнетушитель вроде должен быть, но тут дело такое – как считаешь, сможешь тут напаялить на себя противогаз? – спросил Логинов.

– Зачем противогаз-то? – жалобно протянул ученик, слабо себе представлявший, как этот противогаз надевать и вообще. Не, в игрушке «Метро» там такое было, и его персонаж в противогазах бегал постоянно. Но сама процедура там была никак не показана: рраз – и на морде у тебя резиновая маска, и глядишь в два стеклышка.

– Так, значит, очень все просто, – менторски заявил профессор в чине младшего лейтенанта. – Тушащий реагент в огнетушителях – тетрахлорид углерода, а при его попадании на горячие поверхности, что неминуемо при любом пожаре, происходит химическая реакция окисления с образованием фосгена. А фосген у нас что? (И сам себе ответил, окончательно войдя в роль преподавателя). А фосген у нас – сильнодействующее отравляющее вещество удушающего действия.

– Ничего себе у вас огнетушители – пробормотал ошарашенный Лёха.

– Какие есть. Понятно, вам, в авиацию, что получше, ну а нам что осталось – кивнул головой Логинов. И тут же бодро продолжил лекцию о свойствах этого чертова танка.

Боец Семенов

Сменив Жанаева, боец уютно устроился в кустах и задумался, внимательно при том оглядывая окрестности. Опять был выбор: идти самостоятельно или все же пристроиться к танкистам. Они ведь тоже к своим двигаются и вполне уверенно. К тому же у них техника, а ко всякой технике Семенов испытывал самое настоящее уважение с капелькой суеверного страха. Все, что нельзя было сделать в деревенской кузне, его всерьез впечатляло своей мощью и невиданными для деревни возможностями. Конечно, злило, что все девки на деревне млели перед теми же шоферами и трактористами, а о легчиках и мечтать не могли, хотя мечтали. Вон как на потомка, к примеру, тарасились. А всего-то городская одежда и летная курица на рукаве.

Сам Семенов и представить себе не мог, чтобы вести машину или трактор – это казалось ему совсем нечеловеческим умением. Правда, в армии, разобравшись, наконец, с тем, как работает его пулемет, и поняв смысл хитрой механики, боец себя зауважал и подумал, что вообще-то, может, и он смог бы потом как-нибудь научиться и проехать хотя бы на велосипеде. Но все равно было страшновато как-то. Вот с лошадьми Семенов знал все досконально, что надо делать, а с машинами – робел. То, как опасно относились к корове Зорьке Петров и потомок, Семенова забавляло. Оно бы, конечно, поучиться бы еще, все-таки пять классов – это для деревни много, а городские, вишь, куда как учение.

Вон, в последнем призыве – у половины было даже семь классов и они важничали поэтому. Умственность, одно слово. Впрочем, дальше учиться не получится – жена, дочка, их кормить надо. А когда учишься, самому бы прокормиться. Не, вряд ли выйдет.

От этих мыслей отвлек Петров, припершийся не то поболтать, не то сменить. Токаря озаботило то, что потомок залез в танк, и эти двое ухарей взялись делать из него танкиста.

– Танк-то они что, починили? – спросил Семенов.

– Вроде да. Слышал – мотор рычал? – ответил Петров.

– Слышал. Что дальше делать будем? Сам ты как думаешь? – спросил Семенов.

– Горючки у них мало. Совсем. И взять можно только у немцев. Значит, они опять поедут немецкий грузовик ловить. А там бабка надвое сказала. Мы им, конечно, помочь можем, только толку от нас маловато будет. Говоришь, гансы колоннами прут? – уточнил Петров.

– Не все. Мотоциклисты и поодиночке сигают. Но в основном – колонны, да. Длиннющие.

– Сам суди: колонну мы сможем одолеть? – задал риторический вопрос токарь.

– Нет. Не те силы. Получается, нет смысла с ними. А с нами они не хотят. Им, видишь, танк жалко бросать. Ну, значит, как встретились, так и разойдемся. Пулемет бы нам пригодился, да вряд ли отдадут.

– Крабы эти ничего, годные в пищу. Нам бы тожегодились. И патроны нужны, а они толковали, что у них много, – напомнил токарь.

– Нам им взамен дать нечего.

– У них часов нет, – отметил Петров.

– Ага, сейчас. Перетопчутся они без часов.

– Может, им лётную шапку подарить? Все меньше башкой об свои железяки биться будут. Парашют-то им точно без надобности, – быстро произвел инвентаризацию вещей в обменном фонде токарь.

– Вот это да, можно. Опять же, нам эта шапка без надобности, в общем. Ладно, ты пока покарауль, а я пойду, поговорю.

Разговаривать получилось не сразу – проехавший все же по полянке Лёха ухитрился разуть танкетку, и ближайшие полчаса ушло на то, чтобы старательно всей компанией слетевшую гусеницу поставить на место. Потомок старался больше всех и имел при этом виноватый вид.

– Бывает, – утешил его Логинов. – Резко поворачивать нельзя. Лёха старательно закивал головой и покраснел.

– Ездит. И это – хорошо – весело заявил усатый и, вытирая руки, спросил у Семенова, глядя прямо в глаза: – Ну, так как, поехали с нами?

– И далеко уедем? – осведомился в ответ Семенов.

– Бензин раздобудем – так далеко.

– А не раздобудем? – уловил нить разговора Петров, которого тоже позвали гусеницу натягивать.

– Тогда пойдем пешком, – невозмутимо ответил кавалерист.

– Нам надо летуна целым доставить. А бензин мы ведь без боя не добудем? – уточнил Семенов.

– Вероятно, но может и повезти.

– А не повезет?

– Не повезет – так не повезет, – решительно заявил Логинов.

– Тогда не годится. Были бы мы сами по себе – пошли бы вместе. Гурьбой и батьку бить веселее. А так – приказ есть приказ, – подвел итог боец.

По лужайке холодком подуло. Мужики стояли и смотрели друг на друга. Кавалерист задумчиво гладил усы, Логинов покраснел и имел злой вид, Лёха виновато вертел головой.

– Патронов дадите? – спросил, нарушая молчание, Петров.

– С чего бы вдруг? – картинно удивился мамлей, подняв брови домиком.

– Да ладно, насильно мил не будешь. А патронов у нас и так с походом – образумил его башнер.

– А, черт с вами – берите цинкач – плюнул в сторону Логинов и махнул рукой.

– А консервов? – продолжил Петров.

– Ну, ты и нахал! Может, тебе еще и пулемет завернуть? – оторопел Логинов.

– Пулемет бы, конечно, пригодился. Слушайте, бросайте вы это железо, пошли вместе? Так точно надежнее выйдет, – примирительно сказал Семенов.

– Нет, ребята, пулемета я вам не дам. Консервов – могу. В обмен на ваши харчи.

– Ну, смотрите... А то бы, а?

– Нет, танк мы не бросим. Нам с ним везло. Да и привыкли мы к антилопе этой уже, хоть и капризная она, зараза, – сказал Логинов и похлопал рукой по зеленой башенке, на которой была нарисована мелом не то корова, не то коза.

– Это вы, значит, как раз ее и нарисовали? – спросил Петров.

– Ну да – старшой рисовал, он умеет, а я видел, как антилопа Гну выглядит, советовал и поправлял. В журнале «Вокруг света» было, – не без гордости признался младший лейтенант, а Спесивцев хмыкнул в усы.

– Да и воевать как-никак надо – война все-таки. А то так и проколобродим по лесам до конца войны. Не дело, – сказал он.

– Мы тоже не в деревне на печи лежим, – пробурчал Петров.

– Да ладно, не сепети, – хмуро сказал Логинов, доставая из танка тускло-серый металлический ящичек. Продолговатый, небольшой, но тяжелый.

– Бери и помни нашу доброту, – проворчал мамлей, передавая ящик Петрову.

– Спасибо! – довольно искренне ответил тот.

– Ты спасибо не говори, давай харчи доставай, – отрезал мрачный младший лейтенант, поворачиваясь к сослуживцу токаря.

Семенов беспрекословно взялся за сидор, стал выкладывать на брезентовую скатерть-самобранку харчи. Сначала поделил было пополам, но Спесивцев выразительно поцокал языком и потряс, наклонившись, ящик с консервами. Тогда, вздохнув, Семенов добавил огурцов, лука и потом все же достал и отчекрыжил кусок сала.

– Вас всего двое, а нас все-таки больше, – пояснил он свою скупость.

– Ладно, куркуль. Забирай консервы.

И старший сержант, в свою очередь, накидал из глухо брякавших друг об друга банок небольшую кучку. В общем, получилось вполне равноценно. Жанаев тем временем специальным ключом вскрыл другую консервную жестянку – не с крабами, а с патронами – и стал вынимать оттуда картонные пачки. Петров тут же стал сдирать упаковки и раскладывать сияющие, словно золотые, патроны по пустым подсумкам. Семенов, укладывая консервные баночки в мешок, усмехнулся, глядя, как Лёха цапнул удивленно пачку с патронами и зачарованно стал перебирать сверкающие блестящие патрончики. То, что не поместилось в подсумки, загрузил себе в сидор Жанаев.

Танкисты держали форс, больше не предлагали остаться. А младший лейтенант не стал этого приказывать. Руки, впрочем, пожали и на прощание пожелали удачи. Семенов все же вручил Логинову шлемофон, бормотнув: «За учебу». На том и разошлись, и пехотинцы гуськом двинули дальше в лес. Танкисты остались стоять рядом с маленьким и таким несерьезным танком, носящим нелепое имя «Дочь Антилопы».

А на душе у Семенова опять было тяжело. Только порадовался, что вышли к своим – и вот, пожалуйста, обломились. Только порадовался, глядя на танкистский парадный мундир, что наконец-то нашел командира и может сплавить с глаз долой этого самого потомка – ан командир оказался настолько несерьезным, что и тут обломился. Да еще очень настораживала пальба, которая несколько раз вспыхивала – хоть вроде и далеко, а все-таки в пределах слышимости.

Это было очень плохо: выстрелы слышны за три – пять километров. Значит, кроме своих, тут же неподалеку и германцы шляются. Нет, конечно, на звук влияет многое: и погода, и природа, и даже время года, но все-таки в среднем – где-то так выходит. Зимой слышнее, в лесу – глуше, но сырая погода звук дает дальше, а вот дождь – наоборот, глушит. Пока Семенов повел своих в том направлении, где пальбы точно не было, хотя это получалось и не совсем строго на восток. Но лезть туда, где работает автоматическое оружие, не хотелось. Хорошо еще, патронов добыли, с патронами жить веселее и даже где-то, по большому счету, приятнее.

Менеджер Лёха

Спутники шли быстро, приходилось подстраиваться под такой темп ходьбы. В кармане брюк тихо побрякивали патроны – Лёха не удержался и пяток словно бы позолоченных боевых патронов сунул себе в карман. Для чего – и сам не смог бы объяснить, но, во-первых, впервые в руках такие красивенькие вещицы держал, во-вторых, очень уж симпатичные они оказались, а в-третьих – это настоящие боевые патроны, такая консервированная смерть, и то, что он держит их при себе, словно бы как-то возвышало в собственных глазах. Спутники шли мрачные, даже невозмутимый Жанаев что-то хмурился, а у Лёхи настроение, наоборот, поднялось. Вроде пустяк: проехал на агрегате дурачком, а приятно.

Здорово получилось. Не совсем к месту вспомнилось, что генеральный хвастался, как за немереные бабки рулил настоящим танком. Интересно, как бы генеральный на такой машине-шке рассекал? И не так чтобы очень уж сложно оказалось. Ну, то есть понятно, что он и полсотни метров не прокатился, а уже гуслю потерял, но ведь ехал сам, и по рукам никто не бил. Очень непривычное ощущение, когда по твоей воле вдруг начинает перемещаться тяжеленная штукавина. Вообще-то, будь Лёхина воля, он бы скорее остался с танкистами. Но спорить с Семеновым, а тем более злобным Петровым совсем не хотелось.

Лёха сунул руку в карман, поперебирал гладенькие, словно шлифованные патроны и усмехнулся. У этого младшего лейтенанта на торжественно повешенном парадном мундире в петличках были забавные латунные мотоциклы на фоне шестерни. И костюм непривычный, хоть и с галстуком (скажи кто раньше, что в это время галстуки носили – Лёха бы ни за что не поверил) и мотоциклетные войска – тоже необычно.

Шли, между тем, довольно долго, потом под ногами начало хлюпать, а вскоре стало откровенно мокро, и Лёха набрал воды в левый ботинок. Холодной, надо заметить, воды.

– Черт, болотина тут. Ладно, разуваемся. Портки снимаем и постараемся проскочить, – сказал Семенов.

Разделись, но только зря запачкались и померзли: болотина была большой, глубокой, и брода в ней не было.

– Придется краем обходить, – серьезно сказал персонально Лёхе озабоченный дояр, – а потому кончай патронами бренчать. Тихо надо идти – не получилось у меня обойти всю эту заваруху. Вроде как стрельба стихла, а немцы ночью не воют. Попробуем проскочить.

Пошли почти впритирку к болотине, по-прежнему босиком. Лёха с огорчением ждал, когда опять насморк одолеет, но почему-то нос дышал нормально, хотя и замерзли ноги сильно.

Семенов рыскал впереди, выбирая дорогу, остальные шли следом. Почти совсем стемнело, потому Семенов, подумав, отвел спутников на сухое место, на мшистый взгорбок, и там, по возможности тихо, устроились на ночлег, под себя постелив плащ-палатку, а сверху накрывшись шинелью и противоипритной накидкой. Перекусили на сон грядущий огурцами с хлебом, действуя практически на ощупь. Караулить первым остался Петров, остальные по возможности тесно прижались друг к другу и моментально уснули. Лёха по совету дояра снял ботинки и на ночь натянул свои чуни из шинельных рукавов.

Было сначала холодно, потом Лёха угрелся и даже не проснулся, когда озябший Петров залез на место Жанаева и когда Жанаев растолкал на рассвете Семенова. Тот негромко поругал оддежурившего две смены азиата, но тихо, без старания, просто для порядка. У Жанаева же было свое соображение: в лесу лучшим проводником был как раз Семенов, и стоило дать ему как следует отдохнуть, потому как от его глаз, ушей и сообразительности сейчас зависели напрямую все жизни в этой группке. Уж чего-чего, а помирать Жанаев не собирался ни за что. Тихо собрались, разбудили Лёху, позавтракали, чем бог послал, и, прислушиваясь, двинулись

дальше в обход широко разлившегося болота. Пальба началась попозже и вроде как была в стороне и сзади.

Трещало там достаточно сильно, хотя и явно на пределе слышимости, как в кино. Просто пару раз бабахнуло особенно серьезно, потому и обратили внимание. Там еще трещали пулеметы. «От них шума больше, чем от простого винтаря, – негромко пояснил Семенов, – а что грохнуло так сильно – кто ж знает». Постукивали очереди минут пятнадцать, как предположил менеджер. Хорошо, что, по прикидкам дояра, пальба была не у тех, кто с танчиком остался, и почему-то это порадовало Лёху.

Через час, наверное, монотонной ходьбы по жидковатому леску дояр-следопыт обратил внимание на что-то в болотине (они так и хлюпали по сырости – видимо, тут было идти безопаснее). Лёха перевел дух, пригляделся. Недалеко от них в воде торчал кузов и квадратная кабина небольшого грузовичка размерами с «Газель». Неугомонный Петров тут же глянул вопросительно на дояра и спросил:

– Я гляну, что там – может, что полезное?

Семенов кивнул, и его сослуживец стал шустро раздеваться. Залез голышом в воду, захватив с собой только штык от винтовки, пошипел от холода и очень скоро уже открывал не без натуги дверцу кабины. Повозился там, вылез недовольный.

– Пусто!

И полез, кряхтя, в кузов. Судя по плеску, в кузове вода тоже имелась в избытке.

– Ну, что там? – тихо и нетерпеливо спросил Семенов.

– Чемоданы какие-то, ящики. О, канистры! Тяжелые. А на чемоданах мастичные печати.

– Вот уж нам совсем это ни к чему, – пробурчал под нос дояр.

– погоди, сейчас я его, – отозвался из кузова токарь и затрещал там, ломая чем-то что-то. Выпрямился, держа в руках промокшую насквозь картонную папку с уныло обвисшими ботиночными завязками. С папки струйкой лилась вода.

– Эй, кончай! – сердито велел Семенов.

– Да брось, никто не узнает! – легкомысленно отозвался Петров, раскрывая папку и растопыривая промокшие листы.

– А что там? – заинтересованно спросил Лёха. Ему на миг представилось, что в этом грузовичке какие-то страшные тайны и секреты – не зря же его загнали так далеко в лес и почти утопили в болоте.

– «Слушали – постановили» трехлетней давности. Протоколы заседаний каких-то. Ерунда, короче говоря, архив чей-то, – разочарованно проворчал токарь и выкинул папку в воду.

Листы бумаги с размытой фиолетовой писаниной расплылись по поверхности воды, словно листья осенью. Так же проворно орудуя штыком, повзламывал токарь еще несколько ящиков и чемоданов. Везде были все те же мокрые бумажки, набитые в тугие папки. Правда, в самом последнем чемодане воды не оказалось, и токарь показал пачку сухих исписанных бумажонок.

– Во! Тонкая бумага, хорошая. И для курить, и для оправиться – прекрасно подойдет. Надоело уже лопухами-то, если можно по-человечески.

С этими словами он поднатужился и швырнул чемодан к ногам стоящих сослуживцев.

– Да куда нам столько, – Семенов опасливо посмотрел на папки и бумажки в раскрывшем от удара свое хайло чемодане.

– Мое дело – сторона. Но к культуре я вас приобщать должен – назидательно проговорил Петров и залязгал чем-то. Потом поднял голову и сообщил:

– А в канистрах-то бензин! И этих канистр тут – раз, два, три, четыре... Семь штук.

Жанаев присвистнул тихонько.

– Гм, – вырвалось у Семенова.

Тем временем Петров лихо повышвыривал из кузова все канистры, глухо брякавшиеся оземь после полета над болотной водой. Жанаев их подбирал и оттаскивал подальше от воды, где ставил рядком. Три совсем новенькие, в блестящей зеленой краске, две тоже зеленые, но сильно обшарпанные, одна – мятая серая и одна почему-то красная. Семь штук, все залиты топливом под завязку, как сообщил постукивающий зубами и потому судорожно одевающийся Петров.

– Ну, и что дальше делать будем? – неприязненно глядя на канистры, спросил дояр.

– Это как чего? – удивился токарь – ребятам отнесем и дальше на танке поедем, как белые люди.

– И намного им этого хватит? – усомнился Семенов. Возвращаться назад ему совершенно очевидно не хотелось.

– У них бак на 120 литров – заметил образованный Лёха, вспомнив, что толковал вчера Логинов. – Это 250 километров по шоссе.

– А по такому вот лесу как поедет? – хмуро глянул на знатока дояр.

– Да проедет, раз даже полуторка проехала, – легкомысленно заявил токарь, ставящий штык на место.

– Шума от танка много, – возразил Семенов.

– Зато, если что – за ним и укрыться можно. И если артиллерии не будет, то всякую там пехоту даже такой танк на мелкий форшмак порубит, – парировал Петров.

– Не нравится мне возвращаться, – мрачно пояснил дояр.

– Мы ж дорогу уже разведали и никого не встретили. Живым духом туда и сразу же оттуда. Хорошие же ребята, свои. Ну, не упирайся, сам ведь понимаешь что я прав. Тем более, потомок, видишь, тоже водить научился. Жанаев, ты как, хочешь на танке покататься? Опять же, если к своим выйдем с боевой техникой, то к нам отношение другое будет, точно говорю. По медали отхватим. Хочешь с медалью в деревню вернуться, а?

Лёха видел, что Семенова все эти разговоры не переубедили. Не хотелось ему идти обратно. Хоть тресни. Но когда Петров воззвал к его совести и к чувству товарищества – ведь там, у танка, свои остались, дояр обреченно махнул рукой. Поглядел на Жанаева.

Азиат равнодушно пожал плечами, но, судя по выражению глаз, ехать на танке ему нравилось больше, чем тащиться пеше, да и от медали он бы не отказался. Шустрый Петров тут же схватил пару канистр – тех, что новенькие, выглядевший удрученным, мрачный Семенов взял те, что стояли ближе к нему, точно так же поступил Жанаев, и все трое усталились на Лёху. Он удивленно посмотрел на них в ответ.

– Чего ждешь? Хватай канистру – и за нами в темпе вальса! – нетерпеливо приказал токарь.

Канистра оказалась тяжелой, словно не бензином, а свинцом налитой. Как спутники тащили сразу по две, Лёха не очень себе представлял. Впрочем, им приходилось тоже нелегко, и скоро они уже брели не так резво, как вначале. Потом устроили привал, перекурили. Семенов по-прежнему был мрачен, особенно когда им пришлось перевешивать винтовки из походного положения – с плеча при ходьбе с канистрами ремни все время сползали – за спину, наискосок. Впрочем, судя по тому, как они спокойно шли по леску, опасения поводья были чересчурными. Вот канистра чертова так оттянула руки, что Лёха не удивился бы, если б они на следующий день доставали бы до колен. Спутники шли по-прежнему настырно, но тоже пыхтели, и видно было, что и им нелегко. Все равно они ухитрялись тянуть эти чертовы резервуары словно были роботами. Лёха тоже втянулся, взмок и отупел, но волок положенную ему канистру.

Когда шедшие впереди поставили свою ношу и повалились на землю, Лёха не сразу понял, что это долгожданный привал.

– Ноги на что-нибудь повыше задери, чтоб отдохнули, – посоветовал лежащий Петров. Сам он положил свои ножищи на трухлявый ствол и слегка пошевеливал носками ботинок. Семенов сказал:

– Разлеживаться долго не будем, дух переведем – и дальше. К вечеру должны прийти, если все будет благополучно. Отдыхай, сейчас перекусим – и вперед.

Перекус был теми самыми крабами. Но тут, кроме Лёхи, особо никто удовольствия не выразил, поели – и ладно. Словно сухарей пожевали.

– Не нравится? – удивился Лёха.

– Ну, раки и раки. Ну, послаше эти. Так раков наловить – пустяк делов, у нас в речке их прорва была. Налим или окунь куда вкуснее, – отозвался Семенов.

– Опять же, без пива кто ж раков трескать будет. Разве что дачники какие, интеллигенты. Я бы вот лучше студня бы холодненького поел. С горчишкой. И чтоб картошечка разваристая с укропчиком. А ты, Семенов? – откликнулся Петров, у которого, видно, язык не уставал никогда и работал сам по себе, независимо от общего состояния организма. Лёха видел, что токарь вымотался не меньше других, но форс держит.

– Сейчас-то? – отозвался Семенов. – Сейчас вот я бы чаю попил. С ватрушками ржаными. Маленькие такие, с ладошку чтобы. Или с калитками.

– Это как ты чай с дверями пить будешь? Калитка – это же дверь в заборе, а? – подначил приятеля токарь.

– Дурак ты, – незлобливо отозвался дояр. – Калитки – это такие пирожки, открытые сверху. Как шанежки. Вку-у-усные. И чтобы сахар был. Колотый. Его надолго хватает.

Семенов мечтательно причмокнул и замолк, глядя в небо, проглядывающее через редковатую уже листву.

– А ты, Жанаев? Ты бы что, как говоришь, эдихе?

Азиат отозвался тут же:

– Бууза бы поел.

– Это что такое? – повернул к нему лицо Лёха.

– Еда вкусный. Мясо. Много – коник, свина, барашок. Рубишь, лук, то-се, потом в теста и варишь. Не вода. Пар. Вкусно, – показал обычно молчаливый Жанаев свои словесные запасы.

– Пельмени, что ли? – заинтересовался Петров.

– Нет. Пельмени вода варят. Бууза – пар.

Подумал немного и решительно резюмировал:

– Вкусно.

Лёха сильно удивился: он думал, что этот красноармеец и говорить-то не умеет, а вон сколько выдал.

Полежали, помолчали. Ноги и руки потихоньку приходили в норму. Лёха ждал, что его спросят, что бы он поел, но нет, не спросили. А что бы он поел? К его собственному удивлению, в голову сразу же пришел почему-то дурацкий Макдональдс, в который Лёха заходил всего три раза, и потом у него печенка возмущалась. Даже удивительно: с чего бы это вспомнилось? Реклама, наверно, нахальная оттопталась в мозгах всерьез. Так же решительно Лёха откrestился от быстросупов, доширака и дошиязвы. Да много бы чего поел-то, в отличие от этих простых ребят. Того же маминого борща. Или тех же щей с говядиной.

Да и, в общем, как-то так в его семье привычно стало, что в июне гвоздем стола была молодая картошка, в июле – помидоры, в августе поспевал виноград, и Лёхе больше всего нравился сладкий кишмиш. В сентябре мама обязательно готовила одуряюще пахнувшие фаршированные перцы, а в октябре в морозилке обязательно лежала куча мерзлой ароматной хурмы, которую замораживали, чтобы не вязала во рту. А в декабре всегда был незатейливый салат Оливье, который был категорически не модным. Но у Лёхи с детства отложилось, что это празд-

ничное новогоднее кушанье, и попытки заменить его всякими салатами из авокадо с цветной лапшой не прижились. И мороженое, опять же.

– А у вас мороженое продавали? – неожиданно спросил он у спутников.

– У нас – да, – гордо ответил оживший уже Петров. Жанаев и Семенов посмотрели на него. Азиат укоризненно вздохнул, а дояр фыркнул:

– Экий ты хвастун!

– А я что, если продавалось. Ящик такой на колесиках, с тентом и при нем мороженщик с черпачком. Одну круглую вафельку достанет, на нее черпачком шарик мороженого – а оно разное бывает – и другой вафелькой прикроет. Удобно в руке держать, – вздохнул печально мужественный токарь.

– Ладно, пора двигать, а то до темноты не успеем. Там отдохнем, – сказал решительно Семенов, вставая с земли.

После привала идти стало не намного легче. Удивляясь двужильности спутников, Лёха с трудом управлялся со своей проклятой канистрой. Ему с трудом удавалось держать тот же темп ходьбы, что и им. Еще и под ноги надо смотреть, по лесу идти – не так и просто. Да еще с грузом. Семенов спереди несколько раз недовольно шикал и смотрел, обернувшись, такими страшными глазами, что даже замотавшийся Лёха успевал замечать, несмотря на струйки пота, заливавшие ему глаза. Но ничего не поделаешь, шума они производили изрядно. Пару раз и Петров брякал то ли канистрой о приклад, то ли еще обо что, и пыхтели все, разумеется.

Шедшие впереди остановились так резко, что Лёха ткнулся разгоряченным лицом в тощий вещмешок шедшего впереди Жанаева.

– Ну, чего там? – спросил Лёха шепотом.

– Тсс! На дорогу вышли! – так же шепотом отозвался Петров, вертя головой во все стороны. Точно так же прислушивался стоящий впереди Семенов. Через жиденькие кусты видно было желтовато-коричневое полотно обычной лесной дорожки, не шибко-то и езженное.

– Сейчас шустро через дорогу – и в кусты на той стороне. Не отставать! – шепнул Семенов и мелкими шажками заспешил на ту сторону. За ним так же дернули Петров и Жанаев. Лёха постарался не отставать. Канистры глухо булькали на бегу, слышалось тяжелое дыхание и топот ног по убитой дороге. Вроде и не широкая дорожка, а показалось, что стометровку пробежал, благо со школы так себя больше и не мучил.

Радовало, что вроде как большую часть пути уже прошли. Наверное. Очень хотелось в это верить. А там – самое главное, можно будет избавиться от этой тяжелой канистры и идти снова налегке.

Проскочили жидкий кустарник на той стороне дорожки, дальше была вроде небольшая полянка, как мельком заметил, глянув вбок, Лёха, и тут он снова впечатался взмокшей физиономией в жесткий рюкзак Жанаева. Хотел спросить опять, с чего это встали, и тут Петров уронил обе канистры, бухнувшиеся гулко оземь, и вертко дернулся в сторону, хватаясь за висевшую за спиной винтовку. Жанаев прынул назад с такой силой, что сбил Лёху с ног, а шедший впереди с некоторым отрывом Семенов, полуприсев, поставил канистры и очень медленно стал выпрямляться.

Лёха обалдело вытаращил глаза и тут же оглох. Из ранца Петрова, который корячился с зацепившейся за что-то винтовкой, полетели какие-то клочья, показавшиеся почему-то Лёхе голубыми и красными, токарь странно изогнулся назад, словно решив с разгону встать на мостик, но вместо этого просто упал, воткнувшись головой в землю, как-то судорожно вытянулся и успокоился, распластался.

Не очень понимая, что происходит, Лёха оторопело глядел из-под навалившегося на него азиата на то, как быстро менялось все на полянке. Семенов уже стоял с высоко поднятыми руками, и рядом с ним возникли двое, выскочившие, как чертик из табакерки, в странно знакомой одежде: точно такую же пятнистую камуфляжную куртку таскал таджик-дворник, уби-

равший в подъезде, где Лёха жил. А на полянку выскакивали еще и еще люди – с десятков. Один такой, молодой с непонятным, блестящим, словно игрушечным, автоматиком в руках моментом подскочил к лежащим, ловко пнул Жанаева, негромко, но очень веско велел:

– Stehe auf! ¹

И дернул нетерпеливо стволом.

Жанаев, как зачарованный, уставился в дырочку – маленькую, черную дырочку в торце блестящего невсамделишного дырчатого кожуха автомата и стал неуклюже подниматься – сначала на четвереньки, потом во весь рост. Так же очумело встал и Лёха. Он понимал, что нарвались на немцев, и получается – попали всерьез, теперь они в плену, но как-то это все было отстраненно и страх, написанный на физиономии Жанаева, казался Лёхе неуместным, что ли. Да впрочем, все было странным. Словно во сне. Словно и не с ним. Словно можно зажмуриться – и все это исчезнет.

И Лёха зажмурился. Но и с закрытыми глазами слушал веселый галдеж немцев на полянке, а когда почувствовал болезненный толчок в бок и глаза открыл – немцы никуда не исчезли. Тот, с блестящим автоматиком, как раз и пихнул в бок Лёхи стволом. Лёха и сам не заметил, когда успел задрать обе руки, а немец определенно был не доволен тем, что кобура у Лёхи оказалась пустой. Ребята эти немцы оказались ушлыми: пока Лёха хлопал глазами, один из них уже быстро обыскал его карманы, другие тем временем сдернули с бойцов винтовки и теперь обхлопывали их карманы ладонями, потрошили вещмешки.

Без всякой брезгливости вывернули из простреленного ранца Петрова ворох бумажек, которые их явно заинтересовали. Стали шарить в простреленном ранце, один из них брезгливо принялся вытирать окровавленную руку платком. Потом сдернул лямки с плеч убитого, отчего мертвый Петров внятно и громко словно бы вздохнул.

Из вытряхнутого ранца на травку вывалился нехитрый скарб красноармейца. Немец пошурудил носком сапога в окровавленных тряпках-портянках и измазал сапог, а из всего шмотья подобрал бритву, остро сверкнувшую под солнечным лучом. Лёха отстраненно отметил, что немцы прибрали харчи у Семенова, предварительно развернув тряпицу и понюхав сало. Оживленно обсудили половинку парашюта и тоже прибрали. Ремни поясные со всем добром с бойцов снимали и бросили тут же. Азиату походя разбили нос, когда увидели, что он таскал в рюкзаке початый цинк с патронами.

Груда уже поблекших за ночь, потерявших вчерашний задорный золотой блеск, потускневших патрончиков так и осталась валяться в траве, словно бесполезный клад. Лёхины патроны тоже из кармана перекачались в траву. Себе патроны и винтовки немцы брать не стали. Навешано на них и так было много всякой всячины, и тупо смотревший на немцев попанданец ломал себе голову – что это за разные сумки и футляры. Вроде как им положены были еще такие здоровые цилиндры из гофрированного металла, но у этих такого не было.

Тем временем замаравшийся солдат опять полез любопытствовать – на этот раз поочередно открывая канистры и нюхая горловины.

– Benzin!² – определил он.

– Genau!³ – отозвался тот, что стоял рядом с Семеновым. Остальные весело загомонили, словно бы догадавшись о чем-то, словно какую-то загадку разгадали. Немец с нормальным автоматом – этим, как его – «Шмайссером» тем временем умело повынимал из всех винтовок, снятых с бойцов, затворы, передал их худому рослому парню в пилотке с орлом и с винтовкой, тот кивнул и спрятал их в какую-то торбу на боку. Остальные рассовали взятое у пленных в

---

¹ Встать! (нем.)

² Бензин! (нем.)

³ Точно! (нем.)

свои ранцы. Опять побакланили на своем языке, но тут Лёха вовсе ничего из трескучих фраз, выдаваемых с пулеметной скоростью, не понял.

Парень в пилотке, не торопясь, но споро, выдернул из ножен плоский штык и прищелкнул его к винтовке, отчего та сразу приобрела какой-то жуткий и кровожадный вид. Немец же обращался с ней привычно, и было очевидно, что он штыком пользоваться умеет.

– Nimm!⁴ – кратко приказал он, пнув для наглядности стоящую рядом с ним канистру. Канистра гулко булькнула.

– Schnell!⁵ – нетерпеливо скомандовал парень.

Первым сообразил Жанаев, схватив стоявшие рядом с ним канистры. Немец кивнул поощрительно. Семенов тоже ухватился за те канистры, что волок. Глядя на них, и Лёха поднял свою. Тут же в зад ему прилетело что-то очень болезненное, такого ощущать раньше не приходилось, аж слезы брызнули. Камуфлированные весело заржали, добротным таким лошадиным ржачем. Оглянувшись, Лёха догадался, что ему отвесил пендаля веснушчатый приземистый автоматчик. В исполнении подкованным сапогом получилось очень больно.

– Dieser Schelm aus Schlaraffia! ⁶ – смеясь, выдал тот, у которого был игрушечный автоматик. Остальные опять захохотали.

– Хотят, чтобы мы все канистры уволокли, – догадался вслух Семенов.

– Так если я еще одну возьму, все равно одна останется – жалобно возразил Лёха.

Тем временем веснушчатый поднял винтовки без затворов и свистнул, как собаке свистят. Взгляд у него был намекающий достаточно прозрачно.

– И хотят, чтобы винтовки мы тащили, – опять же, смекнул Семенов.

Хорошо, что догадался, потому как ждаты немцы совсем не собирались, и, скорее всего, пленные получили бы еще пинков и затрещин, а так винтовки повесили на спину Лёхе, Семенов содрал со своего поясного ремня подсумки и захлестнул ремешком две канистры, не без труда подняв их себе на плечо, Жанаев сделал так же, используя свой рюкзак, а Лёха получил на плечо свой ремень с теми же двумя канистрами.

– Кобуру подсунь под ремень, иначе спину надерешь, – успел подсказать боец. Себе он подсунул под ремень подхваченные с земли чуни, на которые немцы не обратили особого внимания. И пленных погнали по дороге совсем не туда, куда они шли.

От тяжести у Лёхи глаза на лоб полезли, пот полил струями, да еще и конвоиры – а их было двое: долговязый со штыком и веснушчатый с «обычным» автоматом – задали достаточно быстрый темп. Но он понимал, что ребятам, которые по очереди волокли седьмую канистру, еще тяжелее, чем ему. От натуги дороги он не видел, солнце светило вовсю и жарило по-летнему. Казалось, что вот сейчас он просто сдохнет, но ноги, хоть и подгибались, но несли его исправно, особенно когда Лёха убедился, что для пущего веселья конвоир колет штыком в задницу того, кто отстает. Оказалось, что пендаль все-таки был не таким болезненным, как постоянно повторяющиеся уколы.

– Сейчас упаду и сдохну, – обреченно думал Лёха, дергаясь вперед от очередного укола. Но недох. Потом то ли немцу надоела развлекуха, то ли он на что-то отвлекся, и они с веснушчатым довольно мирно болтали, но ожидая очередного тычка в зад, пленные старались поспешать.

Сколько пришлось так идти – Лёха бы не сказал, но, видимо, все-таки не очень долго. Совершенно внезапно конвоир рыкнул безапелляционным приказным тоном:

– Halt!⁷

---

⁴ Взять! (нем.)

⁵ Быстро! (нем.)

⁶ Этот шельма из Шлараффии! (нем.) В немецком фольклоре Шлараффия – сказочная страна изобилия для лентяев.

⁷ Стоять! (нем.)

Это было понятно всем троим, тем более что когда Лёха немного пришел в себя, сгрузив со спины канистры и немного отдышавшись, он увидел, что на обочинке дороги стоят два небольших серых грузовичка и большая легковушка, что ли. Или джип? Тоже, к слову, серый и с брезентовой крышей. Грузовички были под тентами и сильно напоминали и полуторку, и оставшиеся в прошлой жизни «Газели», только на их радиаторах были два угла остриями вверх – как у машин Ситроена, только большие. А вот на высоко стоящем вроде как джипе красовался знакомейший знак «Мерседеса». Ну, совершенно такой, как привычно. Лёха сам удивился тому, на какую ерунду уходит его внимание. Просто ему было не то что страшно – ему было жутко и, наверное, такими пустяками он старался как-то отвлечься.

Клинковый штык был совсем рядом, и он Лёху пугал почти до обморока. Вот как застрелили Петрова – не напугало совершенно, а представить, что начнут резать или колоть таким вот штыком, и теплое тело почувствует, кроме боли, еще и холод мертвого металла там, где этому металлу быть не должно... Что-то в этом было настолько неправильное, дикое, что Лёху ознобом прошибло.

Немцы тем временем переговорили с теми своими сослуживцами, что были при машинах, один из них понюхал бензин из канистр, кивнул, и в крайнюю машину по знаку конвоира пленные закинули канистры и винтовки. Встали, ожидая дальнейших приказов и чувствуя себя очень нехорошо. Но, к облегчению всех троих, конвоир кивнул на машину и сказал так же кратко:

– Los!⁸

Сесть пришлось на пол, на скамейки у выхода сели оба конвоира, и машинка резво дернула по дороге, подняв шлейф пыли.

– Вот влипли, так влипли, – шепотом сказал Лёха.

– Du! Halt die Fresse!⁹ – рявкнул тот, что со штыком.

Что это значило, менеджер не знал, но решил, что лучше сидеть тихо и не привлекать к себе внимания. Сидеть, правда, было очень неудобно, зад и так болел от могучего пинка и уколов штыком, да еще и трясло немилосердно, так что на досках кузова ему было очень неприятно. Но идти с канистрами было еще хуже.

---

⁸ Здесь: «Лезь!» (нем.)

⁹ Ты! Заткнулся! (Закрой жральник!) (нем.)

Боец Семенов

На душе было так паскудно, как давненько не бывало. Все рухнуло в момент, и от этого злоба душила. И на немцев, и на Петрова, а в первую голову – на себя самого. Не хотелось ведь идти обратно, как чуяло сердце. И когда пошли – хотел ведь взять всего пару этих самых канистр – опять же, как чуял, что не дело Петров предложил. Нельзя было такой груз хапать, не по силенкам вышло. И пока шли – не раз прикидывал, что надо нести только пару канистр, а остальные оставить и уже на танке этом приехать за ними.

Прикидывал, но понадеялся на «авось». А батя не раз говорил, что авось с небосем водились, да оба в яму свалились. Не факт, конечно, что он бы этих немцев раньше засек, если б шел впереди налегке и с одной винтовкой, не факт. Но могло и иначе выйти – и тогда бы разминувшись: фрицы не цепью шли, не облава – видно, поисковая группа или как у них там называется. Да и шумные в лесу Петров с Жанаевым, по одной канистре неся, все ж таки тише были б. А с канистрами – загремели под фанфары, как говаривал в деревне один шелапутный мужичишко. Точно, германцы издаля услышали – и удачно перехватили.

Теперь Петров валяется в лесу мертвее мертвого, бумажонки из его ранца германцы с собой забрали. Одна радость, что кровящи из пробитого пулями тела в ранец столько налилось, что не заметили немцы этой коробочки с цветными живыми окошечками, что у потомка забрали – побрезговали в нищем окровавленном солдатском имуществе рыться. И бензин чертов только немцам в радость. Сами принесли своими же ручками. Бежали-торопились. Знал бы такое дело – у той полуторки лег бы спать до следующего утра, лишь бы с этими пятнистыми разминуться. А так и часы покойного взводного забрали, и парашют, и все харчи.

Даже луковицы чертов Фриц нащупал и взял, ничего не оставил. Лучше б деревенским или даже танкистам отдал – не так досадно было бы. Так бы и врезал сам себе по морде, да только проку от этого нет совсем.

Так еще и потомок этот им же, Семеновым, доставлен вопреки приказу не к кому из наших командиров, а напрямик к германцам. Первый же допрос – и все, будет он птичкой певчей по глупости своей несмышленной выдавать все, что попало. И черт его знает, что выдаст. Это Петров считал, что ничего толкового от этого навязавшегося на шею дурня из будущего не вызнать. Считать-то считал, а когда попались – сам за винтовку схватился, хотя прекрасно видел, что ни черта не успеет – германцев и больше было, и к стрельбе уже готовы, и стояли грамотно – полукругом, стрелять они могли все и сразу, своих не цепляя. Никак не успеть было.

И не дурак был Петров – за прошедшее время он себя толковым бойцом показал, инициативным и смышленным. Была возможность у Семенова в этом наглядно убедиться. И потому казалось бойцу, что неспроста Петров так поступил, потому как если бы Жанаев не повалился с потомком вместе, а остались бы они стоять – все, что в Петрова летело, и по замыкающим пришлось бы неминуемо. Говорил же токарь до того, что надо потомка прикончить, пока хуже не вышло. Вот и постарался в последний миг германскими руками это сделать. Хитрый азиат как почуял что, больно уж упал вовремя и удачно, да еще не один, потому хоть и били по Петрову трое, а прошли все германские пули над лежащими.

И винтовки в плен попали – боевое оружие, которое терять никак было нельзя. Хотя с этим как раз не так паршиво, Петрову теперь все равно. Буряту тоже один черт – на нем ружье записано не было, а на Семенове был записан пулемет, не винтовка. Так что с этим претензий не будет, когда к своим выйдут. Вот с Лёхой этим может быть худо. Черт, так радовался Семенов, что удалось его приодеть, да еще и в летное, качественное обмундирование. Теперь германцы к нему цепляться будут – видно же, что не пехота, а воздушные силы. Одна радость, что покойник в болоте не командиром был, всего только старшиной, иначе бы точно серьезно

занялись Лёхой сразу. Но раз везут куда-то, да еще и на машине, значит, еще могут заняться. И Семенов, наклонившись к уху Лёхи тихо, но внятно прошептал:

– Ты не вздумай, сукин кот, трепаться им, что из будущего, дескать!

Потомок мрачно кивнул, стараясь, чтобы это было незаметно. Проскочило: как раз конвоиры отвлеклись на что-то, их заинтересовавшее, и, глянув туда, куда они глядели, Семенов сразу и не понял, что это такое. С его положения сидящего на полу в машине дороги было не видно, а вот троих мужчин и женщину в гражданской одежде – городской, как он успел заметить – видно было достаточно хорошо. Потому что эти четверо не стояли на дороге, а были развешены на сучьях деревьев довольно высоко. Зрелище такое было в новинку Семенову, раньше ему повешенных видеть не доводилось ни разу в жизни, и теперь ему стало еще страшнее – тем более что конвоиры весело ржали, тыча пальцами в удаляющиеся тела с одинаково свернутыми набок головами. Боец еще успел порадоваться, что из-за пыли толком лиц у мертвецов видно не было. Лёха тоже глядел на это зрелище, открыв рот от удивления, только азиат безучастно сидел, опустив глаза в пол.

Конопатый конвоир горделиво посмотрел на пленных и что-то снисходительно пояснил, улыбаясь. Семенов ничего не понял из сказанного, но вроде слово «коммунистен» проскочило.

Машинка бодро перла дальше. На душе становилось все тоскливее и тревожнее. Потому как сначала еще было как-то не вполне понятно, что произошло. То есть понятно, но все же не совсем. Не вполне отчетливо, что ли. А вот теперь дошло. Проехали километров десять, дорога стала шире, правда, трясти меньше не стало. Наконец, остановились, конопатый достал те самые петровские бумажки, ловко спрыгнул на землю и заорал кому-то – видно, своему знакомому:

– Alter! Guck mal! Was ist das? ¹⁰

Подошедший сбоку голый по пояс белобрысый парень в очках с интересом взял бумажки, пролистал их, бурча под нос что – то вроде:

– ...er hat wie einen Vogel geschrieht. Was ist das fur die Scheisse?¹¹

– Ist das interessant, Gustav?¹² – поинтересовался другой конвоир, когда парень в очках прошустрил всю тощенькую стопку листов. Парень глянул на сидящих в полумраке кузова пленных и спросил почти без акцента:

– Ваши бумаги?

Семенов тут же отозвался, привстав:

– Так точно! На самокрутки взяли, на дороге валялись. Мягкая бумага, хорошая.

– Latrinenpapier¹³, – уверенно резюмировал очкастый парень, махнув рукой в сторону.

Разочарованный конвоир тут же выверился на все еще сидящего на корточках Семенова:

– Du schaebiges Wesen! Setz dich auf dein funf Buchstaben! ¹⁴

Сказанное было непонятно совершенно, но характерный жест и злое выражение конопатой хари сомнений не оставляли, и потому Семенов послушно сел как раньше, обалдело оценивая виденное только что. А конвоир грустно сказал напарнику с винтовкой:

– Sie ist total verfickte!¹⁵

– Deines Blech wartet auf dich, Alte Hase! Mehr Mut zur Risiko!¹⁶ – пафосно, словно с трибуны, ораторским голосом заявил очкастый, лыбясь при этом во весь рот и поблескивая

¹⁰ Старина! Глянь! Что это? (нем.)

¹¹ Пишут, как курица лапой. Что за дерьмо? (нем.)

¹² Что-то интересное, Густав? (нем.)

¹³ Туалетная бумага (нем.)

¹⁴ Ты, трахнутая скотина! А ну, сел на свои пять букв! (нем.) Слово «жопа» на немецком состоит из пяти букв – arsch.

¹⁵ Тотальная невезуха! (цензурировано)

¹⁶ Твои жестянки ждут тебя, старый заяц! (сленг: «Награды ждут ветерана!») Не страшись риска! (нем.)

очками. Долговязый конвоир тоже ухмылялся. Но не так отчаянно, деликатно. Конопатый, брякнув о борт автоматом, залез обратно в кузов.

– *Nau ab!*¹⁷ – печально буркнул конопатый очкастому и рывкнул что-то в сторону кабины. Машинка тронулась и покатила дальше, а Семенов перевел дух. Одной бедой явно стало меньше, и чертовы бумаги все-таки оказались не секретными и не важными. Такой вывод позволял сделать тон, которым отозвался о бумагах этот ученый молодой человек, а также и то, что рукой он показал на странноватое, но не оставляющее сомнений сооружение рядом с дорогой. Сооружение это было из нескольких жердей и канавки, а на жердочке, словно птички, жопами к дороге как раз сидели трое голых немцев и недвусмысленно гадили в эту самую канавку. То есть бумаги этот смекающий в русском языке германец счел достойными только полевого сортира.

Вот и ладно. Боец припомнил все виденное, опять же удивился, потому как кроме сортира с голыми немцами он успел увидеть, что неподалеку там же был пруд, где голых германцев было полным-полно, причем расположились они по-хозяйски, совершенно беззаботно, словно дачники какие или как в санатории, о котором Семенов читал до войны в газете. И сам переводчик этот спокойно подошел голышом – это стало заметно, как только Семенов приподнялся на корточки, и борт кузова перестал загораживать переводчика. На нем только какие-то спортивные тапочки да очки были. Срамota какая!

Загорают они, значит. Как городские на пляже. И не стесняются совершенно – чуток подальше и в стороне от пруда, где разлеглись на своих подстилках германцы, боец успел еще заметить здоровенный танк, судя по привычной зеленой краске – наш. Так и на нем возились совершенно голые германцы. То есть совершенно никакого стыда у людей – а ведь дорога совсем рядом, мало ли кто пойдет или поедет. Дома, интересно, они тоже так себя ведут?

Нет, самому Семенову тоже доводилось купаться голышом, да и девки деревенские тоже не одетыми в речке плавали, но не так вот нагло. Совесть все-таки была, и места выбирали побезлюднее, а не прямо у дороги. Да и друг друга не стесняются германцы, вон прямо рядком лежали, один даже книжку какую-то читал в яркой обложке. Пожилой уже, седатый. А танк, видно, тот самый и есть, ворошиловский, о котором толковали с танкистами целую вечность тому назад, а на самом деле вчера еще. Хороший танк, здоровенный, и пушка мощная, сразу видно. И не битый вроде по первому взгляду, не горевший, а немцам достался. Видать, тоже бензина не было или поломалось что.

Семенову стало досадно, что такое чудо техники, повозка самобеглая, бронированная, да еще с пушкой и пулеметами из-за такого пустяка пропала. Денег-то она, наверное, стоит немерено – одного железа сколько ушло, да не просто железа, а особой дорожкой качественной стали. Сколько ж всего полезного можно было бы из нее сделать! А теперь на нем немцы разъезжать будут. И тут Семенову стало жалко, что танк не горелый и не разбитый в щепу стальную. Так оно было бы спокойнее.

Впрочем, очень скоро мнение его переменялось. Машина встала, долговязый с винтовкой не спеша вылез наружу, а конопатый нетерпеливо махнул рукой и велел:

– *Raus! Weg!*¹⁸

Затекшие от неудобного сидения ноги не очень хорошо слушались, но, в общем, под колючим взглядом автоматчика засиживаться не очень хотелось, потому все трое вылезли поспешно, как только могли. И немножко оторопели. Ветерок нес странный букет запахов – вроде как пережаренного мяса, подгоревшего до углей, и тухлятины с мертвечиной. И еще чего-то, и все вместе было отвратным донельзя. И, в общем, было понятно – откуда, потому как тут, на окраине малюсенькой деревушки в десяток домов, стояло несколько разбитых и

---

¹⁷ Отвалите! (нем.)

¹⁸ Вылезай! Пошли! (нем.)

сгоревших грузовиков и танков. Наших, похоже, потому как Семенов не шибко разбирался в технике – секретно же многое было. И прямо под ногами валялась с трудом узнаваемая канистра – будь они неладны, эти канистры, – только пухлая, вздутая изнутри взрывом, уже успевшая поржаветь и потому еще более странная.

Автоматчик из кузова протараторил что-то своему напарнику, так что боец ни слова не разобрал, тот кивнул в ответ, сказав:

– Jawohl! ¹⁹

Конопатый кивнул, перебрался из кузова в тесную кабину.

Машинка уехала, а трое пленных остались как раз перед точно таким же громадным танком, как тот – у пруда. И воняло от этого танка сладковатым, приторным и липким запахом мертвечины. А чтобы не спутать запах этот – еще и мухи тут вились роями – веселые и радостные мухи, прилетевшие на пир.

Конвоир, сохраняя на своей белесой харе непреклонность и мужественность, старался держаться невозмутимо, но вроде как побледнел с лица, и вроде как его мутило. Он встал поодаль от вонючего танка и приказал:

– Abdecke Aas! Schnell! ²⁰

И сделал несколько копающих движений, словно держал не винтовку, а лопату.

– Хочет, чтобы мы наших упокойников прибрали, – догадался вслух Семенов.

– Nimm Schaufel aus Kampfwagen! ²¹

Глянув, куда ткнул пальцем германец, боец понял, что тот имеет в виду – на боку танка в зажимах была лопата. Нормальная такая, обычная большая саперная лопата, БСЛ. Из зажимов лопата выскочила легко, на минуту у Семенова был соблазн подобраться как-нибудь к этому долговязому и приглубить его с размаху лопаткой, благо была возможность раньше убедиться, что даже малая пехотная лопатка – хищное оружие, а большая – и тем более, вполне можно бы потягаться со штыком.

Но тут Жанаев как-то присвистнул, вроде бы оценивая объем работы, и оглянувшись на него Семенов увидел рядом с крайним домиком пару велосипедов и вышедшего из избы немца, покуривающего короткую трубочку. И взгляд у Жанаева был весьма говорящий. Не один тут конвоир, еще немцы здесь есть – видно, потому и решили трупы схоронить. Надо думать, к этой деревушке интерес и на будущее у германцев есть.

Где копать, было понятно сразу: совсем неподалеку была здоровенная воронка – видно, били по этому большому танку и промазали. Мельком глянув на Лёху, который, как и конвоир, тоже был покрыт зеленоватой бледностью, Семенов передал ему лопату и велел идти углубить воронку. Потомок уцепился за черенок и живо побрел, прихрамывая, к яме.

Семенов хотел начать с большого танка, потому как увидел, что танк хоть и подбитый, но не горелый, к тому же ясно был виден ствол как минимум одного пулемета. Система у этих танковых пулеметов та же, что в его пехотном была, так что если удастся добраться до знакомой машинки – конвоир не порадует.

А по всему судя, не хочет конвоир это все нюхать, значит, если аккуратно все сделать, то получится. Опять же, пистолеты этим танкистам положены, так что только бы в танк влезть, а там все выйдет как надо!

Распахнутый верхний люк встретил таким смрадом, что Семенова передернуло, хотя неженкой он никогда не был. Танк гудел от массы мух, которые роились в вонючей темноте. Приглядевшись, боец понял, что в самой башне нет никого – видны были пустые сиденья и

---

¹⁹ Есть! (нем.)

²⁰ Убирайте падаль! Быстро! (нем.)

²¹ Лопату взять с танка! (нем.)

массивный затвор орудия. Вздохнув поглубже, Семенов спустил в люк ноги и стал сползать потихоньку в танк.

Было непривычно и тесно, и как тут умещался экипаж – Семенов так и не понял. Сдвывая сядившихся на взмокшее лицо бодрых мух, он осмотрелся, благо теперь, когда глаза пообвыклись, получалось не так темно, как показалось, когда он заглядывал сверху в люк. Свет падал и сверху, и через всякие ранее не замеченные дырки. Если б не мухи и не вонь, было бы даже и сносно.

Мертвец оказался только один – он полусидел на месте с рычагами. Наверное, был водителем. Изуродован он был страшно, словно его стая собак рвала, живого места не было. Мельком глянув на него, Семенов сразу аккуратно приступил к осмотру пулемета, торчащего рядом с пушкой. Машинка вроде была исправна, и Семенов чуть было не стал ее ворочать, когда в голову пришла мысль глянуть диск. Вот тут-то боец и удивился – диск был пустой.

Несколько штук таких же вороненых колобашек, закрепленных внутри башни, тоже были без единого патрона, да к тому же они были словно посечены меленькими осколками. Снарядов тоже не было видно ни одного. Как ни осматривался боец – ничего пригодного в дело внутри танка не нашлось. Над погибшим видна была какая-то рукоять и, судя по всему, там же был люк. Покорячившись с этой рукоятью, Семенов сумел ее повернуть и распахнуть тяжеленную крышку, хоть и с трудом. С подсветкой зрелище стало еще более неприглядным, потому как надежда на личное оружие танкиста тоже провалилась: на полу, в луже кишашей опарышами жижи, валялся наган с выбитым из него барабаном.

Несколько странно знакомых длинных щепок дали понять, что тут произошло: раз все густо посечено осколками, да еще валяются поколотые ручки от немецких колотушек, значит, отжали немцы верхний люк и накидали своих гранат. А танкист, верно, пытался отстреливаться в смотровые щели, да не заладилось. Выпихнуть покойника в одиночку было совершенно невозможно, и Семенов вылез из бесполезной бронированной громадины. Сверху было видно, что Лёха возится в воронке, неумело тыкая лопатой, а Жанаев уже тащит от горелых грузовиков обугленное тело, не похожее на человеческое – всяко меньше нормального мужского, почти детское по виду. Почему-то Семенова покорило, что азиат волочет труп, захлестнув его каким-то проводом за шею. Конвоир с любопытством наблюдал за этим, сидя в сторонке, на свежем воздухе.

– Ты б его за ногу, что ли, тянул, – проворчал негромко Семенов, подойдя к Жанаеву.

Тот хмуро глянул на него и буркнул:

– Я хотел. Нога отломила.

Точно, у сгоревшего не было второй голени. Семенов тяжело и глубоко вздохнул, благо тут не так смердело, как внутри танка, и помог тащить тело.

– У них в танке пусто. Пулеметы есть, а патронов ни единого. Лёха, у тебя по карманам ничего не осталось? Ты же припрятал вроде пяток патронов-то? – тихо спросил боец, когда они подтащили труп к воронке.

– Не, все выгребли, – растерянно ответил потомок, дико глядя на обгоревшее лицо погибшего шофера, в котором и человеческого ничего не было, и спокойной аскетичности черепа. Жутко выглядело это лицо с блестящими, оскаленными вроде как в сардонической ухмылке ровными молодыми зубами и обугленными черными ошметьями обгоревшей кожи и мышц, без губ и без глаз.

– Там в танке еще хуже, – успокоил напуганного менеджера Семенов. Глянул на остовы грузовиков и подумал, что не нравится ему эта работа.

Вытаскивать тело мехвода пришлось всем втроем, намотав найденный Жанаевым провод на жердь и, как ни тошно было, прихватив погибшего петлей за шею. Под мышки не вышло, хотя и попытался Семенов по-человечески отнестись к мертвому товарищу.

Растопыривался труп, когда его тянули, застревал руками в люке. А за шею – вытянули. Лёху тут же стошнило, что и немудрено – вид был отвратительный: развороченное лицо с открытыми и уже обсохшими бельмастыми глазами, изодранное тело, капающая из ран мерзкая жижка, пропитавшая обмундирование. И этого вполне хватило бы, а еще и сыпавшиеся личинки мух подбавляли красок в картину. Семенов даже удивился, что они с Жанаевым не блюют – вполне было бы можно и даже не стыдно, хотя глядящий на них германец-конвоир явно получил от увиденного удовольствие – вишь, даже нос горделиво задрал. Но Семенов как-то отвердел душой. Еще после первого боя почувствовал, что изменилось в нем что-то. Он тогда действительно ужаснулся всему увиденному. Всерьез. Такой жути он не видел никогда, хотя, в отличие от городских сослуживцев, и поросят колол, и кур резал, да и драться приходилось не раз. Крови он не боялся.

Но вот то, что нормальные хорошие ребята не пойми зачем превращаются в рваные, грязные комки рубленного по-дурному мяса, теряют здоровые руки и ноги, воют нечеловечески от боли, потому что их молодые крепкие тела изодраны иззубренным железом осколков и вертячками пуль – было не понятно ему. Зачем все это? Одно дело – подраться на посиделках или на праздник с зашедшими именно с такой целью парнями из соседней деревни – честно, по правилам, чтобы себя показать и дурь молодецкую потешить. И совсем другое – когда приходят вроде бы такие же люди из другой страны, чтобы убить и искалечить просто так.

Деловито, профессионально и умело, заранее подготовив самую хитроумную технику, все тщательно рассчитав и запланировав. В армии многое удивляло Семенова, и особенно – как все было правильно организовано: и трехразовое питание, и занятия, и работы. И поначалу даже казалось, что все это, в общем, зря: столько усилий и вроде как без пользы – лучше бы всю эту технику и людей на что полезное направить, хоть бы то же сено косить. Но вот когда дело дошло до боя – тогда понял, зачем нужна вся эта мощь и зачем здоровых мужиков отрывают от полезной работы, и для чего оно все. Такая страшная мощь перла, что остановить ее можно было точно такой же мощью, никак иначе.

И как-то посерьезнел после первого же боя, нутром почувствовав, что эта Беда – надолго и всерьез. И его, Семенова, на эту долгую и страшную работу должно хватить. Может, потому и держался. И когда соскребали из выгоревшего до голого железа кузова грузовика черные спекшиеся останки, по которым толком было не понять, что это, и только ослепительно-белые отломки ребер показывали, что это было раньше человеческим телом. Да еще поржавевшее уже железо токаревской самозарядки с порванным вздутым магазином подтверждало, что в кузове погиб такой же боец, как и они трое. И когда тянули к воронке трупы обгоревших танкистов, лежавших у странноватого танка с двумя башнями. И потом, когда нашли по запаху в жидких кустах двух сильно забинтованных покойников, у которых были странные дырки в груди.

И когда собирали остальных. Как окостенел Семенов, закаменело все внутри. Лёха толком ничего не выкопал – видно было, что потомок лопаты в руках не держал, пришлось самому взяться. Мертвых притащили к воронке всего одиннадцать человек, и пришлось покоряться, чтобы они туда поместились – не хотели они укладываться ровно, торчали окостеневшими руками и ногами в разные стороны, особенно те, которые обгорели. Они были словно деревянные по твердости.

– Странно. Мало их, – сказал Жанаев.

– Ну, видно другие ушли или в плен попали, – отозвался Лёха.

– Ага. И даже пулеметы не сняли. Мне-то кажется, что их тут самолеты накрыли. Только не все понятно. Грузовики все в дырках от пуль и видно, что сверху прилетело, а танкиста гранатами забросали. Не с самолета же. И с этими двумя, – кивнул Семенов в сторону двух глянцево вздутых голых, черных, словно негритянских тел, на которых, кроме ботинок, не осталось никакой одежды – не пойму. Танк не горелый, а они перед танком валялись и вон как сгорели.

– Может, зажигательной бомбой? – просто чтобы не молчать, сказал Лёха. Он как раз тянул в яму за ноги одного из найденных в кустах – у белобрысого паренька была замотана бинтами почти все верхняя половина тела, и лицо тоже было забинтовано, только вот волосья и торчали.

– Ранеты они были. Их кончили, – проворчал Жанаев.

– Думаешь?

Азиат хмуро глянул на Лёху и ткнул пальцем в дырки на забинтованной груди трупа.

– Штык вот.

Семенов молча согласился – очень было похоже, что лежавших в теньке забинтованных парней прикололи штыком. Точно таким же, клинковым, как тот, что поблескивал на винтовке их конвоира. От такого открытия стало еще тошнее на душе. Почему-то вспомнилось, что когда взводный отправлял с попуткой раненых из их роты, то отдал сержанту Овчаренко свой пистолет. Тогда помогавший загрузить своих сослуживцев Семенов не обратил на это особого внимания, но вот Овчаренко намек понял: он из десятка раненых был в лучшей форме – мог даже ходить, да и рука правая у него была в порядке, и пистолет этот он старательно припрятал в карман шаровар. Видно было, что оба они – и взводный, и раненый сержант – поняли что-то такое, что Семенов стал осознать только сейчас.

Например, то, что с оружием жить веселее. Оружия тут было в избытке – две танковые пушки, да несколько пулеметов, только вот ни в одном из трех танков, что тут стояли, не было ни одного патрона, самого завалящего. То оружие, что было в четырех грузовиках, сгорело, да и была там пара винтовок Мосина и СВТ. Наган танкистский с выбитым барабаном тоже никуда не годился. Оставались лопата и голые руки, но это было явно не то. Тем более что ослабили руки-то. Не кормили немцы пленных пока ни разу. И тут даже не сказать – хорошо ли было то, что занимались они тошной в прямом смысле работой, отбивавшей аппетит напрочь, или нет.

– Маленькие они какие, – передернувшись всем телом, сказал Лёха, заворуженно глядя на лежащих в воронке.

– Понятно, обгорели же, – буркнул в ответ Семенов.

Ему такое еще не попадалось, чтоб живой человек превращался в дурно пахнущее обгоревшее бревно. Даже не бревно, а суковатое бревнышко, становясь размером с подростка. Отмахиваясь от остервеневших мух, стали сгребать землю с краев, присыпая тела. Получилось убого, потому как земли оказалось маловато, только-только присыпать, а остальную взрыв раскидал вокруг так, что не собрать.

Потом Семенов, ради того, чтобы хоть как-то обозначить могилу, оглянулся и, подойдя к ближайшему грузовику, потянул оттуда остов сгоревшей винтовки. Конвоир, до того сидевший в расслабленной позе, вскочил как ужаленный и, вскинув угрожающе винтовку, недвусмысленно рывкнул так громко, что из домика неподалеку выскочило аж двое немцев, без кителей и фуражек, но с оружием – оба с пистолетами.

Они удивленно посмотрели на конвоира, испуганного Семенова, выронившего себе под ноги горелое железо так быстро, словно оно еще было раскалено, и вдруг слаженно захохотали. Можно бы даже сказать, что и заржали. Один из них – тот, что постарше – сунул привычным жестом пистолет в здоровенную желтую кобуру, подошел поближе, поднял остов винтовки и что-то иронично сказал напарнику. Тот так же отозвался, непонятно что сказав. Конвоир почему-то взбеленился и явно начал ругаться, на что оба выскочивших из избенки только поучительно что-то ему говорили, словно бы снисходя до его уровня – так, как с дурачком неразумным разговаривают взрослые дяди (а конвоир действительно этим двум мужикам в сыны годился).

– Зачем бинтофк? – спросил Семенова немец.

– Могила навверх, – безграмотно, как обычно говорят наши люди с иностранцами, коверкая слова, словно иностранец лучше понимать от этого станет, ответил Семенов и показал руками, как воткнул бы винтовку в землю.

– Тафай, тафай! На зторофье! – подмигнул ему германец и опять что-то пояснил своему приятелю. Тот лениво отозвался, отчего конвоир, разозлившись не на шутку, разразился длинной стрекочущей фразой. Семенов опасливо потянул винтовку к могиле, ожидая от долговязого конвоира окрика или чего-то еще подобного, но тот всерьез орал на своих соотечественников, а они только посмеивались, отчего пацан с винтовкой бесился еще больше. Все это очень не понравилось Семенову, который уже и не рад был, что затеял всю эту панихиду. Видно, что сопьяк ничего двум взрослым дядям сам сделать не может, даже в перебранке они его умыли – значит, отыграется на пленных, такие всегда после проигрыша на слабых отыгрываются. А отыграться он может сурово: перестреляет – и всех дел. Их же никто не регистрировал еще, как пленных. Так что всякое может быть с неучтенкой-то, это Семенов и по довоенной жизни знал.

Между тем германские мужики что-то углядели в петлицах потомка, и один, не спеша, пошел в избушку. Второй, не торопясь, встал между разъяренным конвоиром и старающимися усохнуть до минимального размера пленными. Опять оба закартавили, загорготали – конвоир злобно, а мужик с трубкой спокойно, снисходительно и убеждающим тоном. Между делом мужик еще что-то крикнул своему приятелю, и тот согласно отозвался из домишки.

Появился он довольно скоро, таща в руках какую-то круглую коробочку синего цвета и пару пачек папирос, тоже каких-то серо-синих. На этот раз и конвоир поугомонился и стал спокойнее, и мужики тоже сбавили ехидства. Видно было, что разговор пошел сугубо деловой, потом один из них вручил конвоиру пачки с папиросками – таких Семенов раньше не видел, да и надпись была странная – «Беломорканал».

Долговязый, правда, вроде как опасался чего-то, но недолго – видно, доводы были убедительными. Германцы дружно закурили, отчего конвоир еще больше помягчел, поговорили о чем-то, но уже спокойно, а тем временем общительный германец пожужжал и спросил у потомка, ткнув пальцем ему в петлицу:

– Замольет? Летатель?

Потомок сообразил сам, показал рукой, словно пишет и ответил:

– Писать. Бумаги. Финансы.

Германец понял, поскутнел, но его приятель пренебрежительно отмахнулся и потянулся рукой в шее потомка. Тот испуганно дернулся назад, но мужик с трубкой фыркнул что-то типа «тпру», и потомок застыл. Немец довольно шустро свинтил с голубой петлицы эмблему с крылышками и винтом, аккуратно открыл свою круглую жестяную коробочку и достал оттуда лоскут бордовой ткани, богатой на вид – вроде как бархатной, на которой были прикручены всякие незнакомые значки, среди которых были и серебряные, и позолоченные, и всякие звездочки: четырехугольные, пятиугольные и шестиугольные, какие-то орлы – один вроде как польский, – бомбы, скрещенные ружья и всякое в том же духе. Германец поместил на лоскут рядом с рубиновыми звездочкой с пилотки и треугольничком с кубарем эмблему ВВС и от удовольствия прищелкнул языком. Вот шпалы у германца тут еще не было, зато была эмблема бронетанковых войск – танчик.

Германец, не торопясь, сложил лоскут с тихо брякнувшими значками в коробочку, и оба пожилых германца с деловым видом вернулись в домик. И практически тут же вышли из него, застегивая ремни, поправляя мундиры и кепи, полностью изменившись. До того, в подтяжках и майках, вида они были такого разгильдяйского, домашнего даже, а теперь были одеты по форме, собранны и целенаправленны. Семенов не очень понял, что от них хотят, но когда немцы поманили рукой, он глянул в последний раз на могилу, воткнул в нее лопату, кивнул своим спутникам, и все вместе они подошли к раскрытым немцами вороткам сараюшки.

Там, в полутьме стояла древнего вида телега. Вышедшая из домишки тетка молча смотрела на то, как эту телегу по знаку ее постояльцев трое пленных потянули из сарая. Семенов ожидал, что тут же где-то и коняшка найдется, но тот, что с трубкой, махнул им рукой повелительно, и вместо коняшки телегу потянули пленные. Хорошо, что телега была легкой и шла без затирки, свободно. Вот только идти пришлось как-то странно, да и немцы вели себя так, словно делали что-то не слишком приличное. Во всяком случае, сторожко посматривали по сторонам и оба пожилых, и молокосос-конвоир. Тянуть телегу пришлось километра три, причем по какой-то полузаросшей стежке. Вышли к железной дороге – насыпь ее боец сразу увидел и понял, что это такое. Вдоль насыпи прошли еще сколько-то, пока не уперлись в кирпичный забор. Тут телегу велено было оставить, и все гуськом по густому бурьяну двинули вдоль забора по каким-то буеракам, скрытым в густой траве. Передний немец мусолил незажженную трубку, конвоир тихо ругался сзади, когда путался сапогами в траве.

Семенов заметил за забором крыши каких-то не то барачных, не то пакгаузов, и тут передний ловко нырнул в пролом, открывшийся в заборе. Ну, точно, склады какие-то, причем вроде бы этот немец тут не впервые. Пролезли внутрь, причем конвоир скребанул штыком о кирпичи, двое других германцев укоризненно на него уставились, и он, сконфузясь, снял штык и, не глядя, сунул его одним движением в болтавшиеся ножны. Приземистые здания грубой кирпичной кладки – точно, склады, причем сделанные так, чтобы можно было сразу грузить в кузова машин, специальные возвышения сделаны. Прошли мимо нескольких ворот, причем ведущий строго посмотрел на всех, приложил палец к губам и тихо прошепел что-то вроде «Псст!» Наконец, у ворот с надписью «18» и табличкой «Не курить» он остановился, ловко снял висячий замок, который только казался целым, а на деле был ловко сломан, и скользнул в щель между приотворенными створками.

Следом просочились все остальные. В полумраке были видны штабеля разных ящиков, немец уверенно прошел в глубину и тихо посвистел оттуда. Глаза у Семенова уже пообвыкли к полумраку, а вот шедший за ним потомок долбанулся об угол штабеля и зашипел от боли. Мужик с трубкой невозмутимо стоял у небольшого штабеля картонных коробок.

– Тафай – тафай! – сказал он и подмигнул.

Оказалось, что коробки хоть и большие, но легкие. Все взяли по одной и двинули обратно. Но у свежего пролома пожилые мужики оставили свои коробки и вернулись назад в склад, а конвоир, дотавив свою, остался у телеги. Таскать пришлось пленникам, впрочем, эта работа была куда легче, чем прошлые похороны, да и пахло из коробок душисто – хорошим табаком, отчего у Жанаева глаза возбужденно заблестели.

– Давай мала-мала? – спросил он.

– Нет. Не стоит, – возразил Семенов. Он заметил, что у бурята появилась противогазная сумка после того, как он лазил в двухбашенный танк. Судя по виду, там был не противогаз. В принципе, можно было бы по пути вскрыть одну из коробок и потянуть что-нибудь, папиросы оченьгодились бы. Но стоит германцам после погрузки снова обыскать красноармейцев – и получится тухло. К тому же конвоир маячил с одной стороны забора, а германец – тот, что значки и эмблемки собирал – с другой. Семенов решил не рисковать. Весь штабелек выволокли за пять ходок, к тому же пожилые в последнюю ходку прихватили два небольших, но тяжелых ящика. Когда телегу нагрузили с горкой и оттащили от забора в лесок, конвоир и впрямь снова обхлопал им карманы и залез в противогазную торбу.

И даже удивился, найдя там только несколько армейских ржаных сухарей, а не украденные пачки папирос. После этого он опять примкнул штык, и телегу покатали дальше. Впрочем, она не слишком потяжелела. Дотащили до деревеньки, втиснули телегу в сараюшку, закрыли дверцы.

– Карашо! – удовлетворенно сказал тот, что с трубкой, и выдал каждому пленному по папироске. Как раз в помятой пачке этого самого «Беломора» три штуки осталось. После этого

германцы потеряли к пленным всякий интерес, занявшись обсуждением насущной проблемы дележа. То, что разговор шел на немецком языке, нимало не мешало понять это.

Трое пленных сели на край придорожной канавы. Жанаев раздал каждому по сухарю, захрустели всухомятку. Задумались.

– Черт, даже спичек нет, – грустно сказал Семенов.

Жанаев просящими глазами посмотрел на него и кивнул в сторону разговаривающих немцев. Те как раз дымили, словно паровозы. Хорошо еще, дымок в сторону сносило.

– Ну, попробуй. Только аккуратно! – скрепя сердце, согласился Семенов.

В общем, все обошлось хорошо: тот, что с трубкой, дал азиату прикурить, правда, когда тот развернулся идти обратно, конвоир все же дал куряке пинка под зад, и обратно Жанаев пришел прихрамывая. Впрочем, счастья это ему не слишком умерило. Лёха сидел очумелый, уставший до крайности, а Семенову уставать было нельзя. Не у тещи на блинах, а совсем наоборот – в плену. Опыта, конечно, тут никакого, но думать надо, здесь старшины нету, чтобы присматривал. И надо обязательно водичкой разжиться. И сейчас попить. Колодец с воротом был недалеко, только ведра там не наблюдалось, а пить уже давно хотелось.

Присмотревшись, Семенов нашел неподалеку на обочине пустую бутылку и пару пустых консервных банок. Ведро нашлось на одной из сгоревших машин, закопченное и простреленное, но для того, чтобы воды набрать и попить – сгодится. В танк уже не полезешь – конвоир опять занервничает, а если с ведерком до колодца, наверное, и не возразит. Потому Семенов медленно побрел до машины, а когда снял ведро и поставил его на землю – совершенно неожиданно увидел рядом с остовом грузовика, в пыли дорожной, перочинный ножик, который не стоило оставлять тут.

Притворился, что поправляет обмотки, незаметно сунул находку за обмотку, так же добрел и подобрал пустую бутылку с роскошной этикеткой, да и банки пустые тоже. Конвоир на минутку оторвался от разговора, посмотрел, но никак больше не прореагировал. И Семенов не спеша, чтоб зря не нервировать конвой, пошел к колодцу.

Менеджер Лёха

В жизни Лёха так не уставал. Никогда раньше. Думал, что пробежка с канистрами будет полным пипцом, а оказалось, что еще хуже быть может. Ноги подгибались, руки тряслись, страшно хотелось пить, да еще и во рту было паскуднее, чем после дегустации напитка «Ягуар». Лёха как-то отупел и смяк.

Возможность сесть на край канавы была просто счастьем, и менеджер повалился чуть не со стоном, как мешок набитый... Черт его знает, чем набитый, голова была пустой и тяжелой, думать не хотелось. После того как стошнило, зубы неприятно скрипели, а ощущения передать было невозможно. А если учесть, что зубы он не чистил с того самого похмельного пробуждения, то букет ощущений тоже был совершенно новым. Азиат тем временем толкнул Лёху в бок и сунул ему в руку квадратный темно-коричневый сухарь. Совершенно механически Лёха стал его грызть, не чувствуя вкуса. Он словно выключился, хотя и смотрел, и слушал. И сухарь грыз вполне вроде нормально. Только вот чувствовал он себя как-то странно – не человеком, что ли. Не вполне мог понять, как это, но ощущал себя именно так. Не человеком. Это не то, что пугало, а как-то вымораживало все мысли.

Отстраненно, словно бы кино смотрел неинтересное, Лёха глядел, как спорят между собой немцы, как куряка Жанаев ходил прикуривать и как неугомонный Семенов начал зачем-то собирать всякий хлам с обочины дороги. То, что его спутники явно лучше него перенесли все пертурбации, немного удивляло, но не очень сильно, как совершенно неважное дело. А еще Лёха понимал, что его убьют. Это тоже было новым чувством. Особых эмоций понимание не вызывало – больно уж все было наглядным и простым. И пули, изрешетившие на его глазах токаря Петрова, и чужой штык, равнодушно колющий его, Лёхину, задницу, и эти мертвяки.

Нет, разумеется, в интернете доводилось видеть всякое, да и по телевизору показывали разное, так что сначала Лёха был совершенно уверен, что ничего в нем не дрогнет, но вот столкновение с таким реалом и всеми его реалиями с легкостью опровергло эту уверенность. Картинки на экране монитора хоть и были жуткими в подробностях, все же не пахли, с них не летели мухи и не сыпались опарыши. А самое главное – там были совершенно посторонние люди, и любому сидящему за компом было ясно: то, что на экране – это где-то очень далеко. И надо чудовищно постараться, чтобы попасть в такое место, где тебя заживо сожгут, деловито и весело, или будут с шуточками отрезать голову. И вот он не старался – а именно попал.

И сегодняшние отвратительные трупы были совсем недавно нормальными живыми людьми. А теперь они – омерзительная падаля. И самое главное – ничто не мешает и его сделать такой же подгнившей жутью. Пристрелить, заколоть штыком, сжечь. Причем тот, кто это с ним сделает, будет так же рад и спокоен, как... Да как был рад и спокоен сам Лёха, когда мочил импов, некронов, вортигонтов или зомби в компьютерных игрушках. Ему ведь по сюжету надо было их ликвидировать, и переживать по поводу очередного грохнутого хедкраба даже и в голову не приходило. Такая мысль даже как-то удивила Лёху. Оказаться в шкуре монстрика из игры, но в реале... Опять замутило.

Подошедший дояр что-то сказал, потом потряс Лёху за плечо, еще посильнее, а потом врезал мыслителю пару затрещин. Посмотрел пытливо и вдумчиво, словно художник на картину, и влепил еще подзатыльник. Не больно, но как-то отрезвляюще.

– Не раскисай! – строго велел Семенов. – Ты как – в себя пришел, или добавить?

– Пришел, – пролепетал Лёха.

– На-ко вот, водички попей – велел красноармеец и подал мятое и покрытое гарью тяжелое ведро. Из него через дырочки лились струйки, но наполовину оно было заполнено холодной водичкой. Лёха жадно присосался, чувствуя, что с каждым глотком ему становится все лучше и лучше, словно запыленные мозги протирают ласково влажной мягкой тряпочкой. Еще

ему совершенно некстати подумалось, что вот так запойно сосали свою любимую жидкость вампиры в играх и фильмах и, налакавшись досыта, он передал обратно сильно полегчавшее ведерко уже с улыбкой, посмеиваясь над собой: «Тоже вампир нашелся! Прокусил жестяное ведро и напился до отвала воды! Вампир – веган!»

Семенов приложился тоже, стараясь, чтобы капавшая вода не мочила зря обмундирование, потом протянул емкость кайфующему от папироски азиату. Пока Жанаев хлебал воду, бывший пулеметчик старательно обрабатывал консервные банки, камешком ровняя края и отогнутые крышки, чтобы зазубрин не осталось. Сходил еще раз за водой, и на этот раз, словно спохватившись, все трое помыли руки и лица, с чего вообще-то надо было начать. Потом еще попили. Немцы, видно, порешали все дела и теперь сидели и болтали в тенечке. Пользуясь перекурком, словно чувствуя, что такая благодать ненадолго, Семенов еще раз притащил воды, и теперь все трое напились впрок, про запас. А дояр еще и в бутылку воды набрал. Лёха, уже немного пришедший в себя, сильно удивился, прочитав надпись на этикетке. Взял мокрую бутылку в руки, убедился, что не ошибся, покачал головой.

– Ты чего? – тихо спросил Семенов.

– Коньяк Хеннесси, – так же негромко ответил ему Лёха. И поняв, что для крестьянина это ровным счетом ничего не значит, добавил:

– У нашего гендира любимый напиток. Ну, то есть директор наш такой коньячок пил. Сохранилась, значит, фирма.

Потом Лёха подумал, что уже много чего такого знакомого видал тут за последнее время – начиная со звезды «Мерседеса» и кончая этой бутылкой и жестяной синей коробочкой от крема «Нивея», в которую немец уложил свои затрофеенные значки и эмблемки. Практически такая же баночка стояла у Лёхи на полке шкафчика в ванной. Куда как знакома. И папиросы «Беломор», кстати, тоже знакомыми показались. Хоть картинка и другая немного, но, в общем, пачка угадывается с первого взгляда.

Семенов пожал плечами. Ему явно было безразлично, что какой-то мужчина в будущем будет пить такой коньячок. Вот то, что после обыска у них имущества совсем не осталось, и даже фляжек нет, беспокоило его куда больше – это даже Лёха видел. Глянув, как там немцы – не смотрят ли за ними, Семенов аккуратно вытянул из-за обмотки ножичек, раскрыл его и попросил Лёху сидеть смирно, не ерзать.

– Ты чего? – удивился попаданец.

– Думаю спороть с тебя эту птичку. Не стоит сильно выделяться, – ответил тот и аккуратно стал подпарывать нитки. Через минуту тканая эмблема была уже сунута Лёхой в карман гимнастерки.

Оказалось, что очень вовремя. В скором времени подкатил запыленный грузовичок – не тот, на котором их сюда привезли, а другой, побольше размерами. Шофер окликнул конвоира, тот подошел к нему, о чем-то они перемолвились, и конвоир недвусмысленно показал пленным на кузов. Ведро Семенов хотел было забрать с собой, но германец это строго воспретил, пуганув дояра штыком. Сидеть опять пришлось на полу. Толком Лёха не видел, куда их везут, только вроде как туда же, откуда они эти папиросы приволокли. Но вдруг машина тормознула, кто-то начал резко и достаточно злобно разговаривать с шофером, в светлый проем накрытого брезентом кузова вслед за этим вперся невнятный персонаж – немец в каске и со странной бляхой на груди – здоровенной, с золоченым орлом, на грубой цепи и с бросившейся в глаза надписью «Feldgendarmarie». Когда он взялся левой рукой в перчатке за борт и заглянул в кузов, на рукаве оказалась видна та же надпись, вышитая на черной ленточке, а чуть повыше Лёха обнаружил похожую на его споротую эмблему – только у немца птичка была победнее, и вроде как это был все тот же орел, что и на груди справа, только с веночком. Новый персонаж не торопясь оглядел пустой кузов и что-то иронично спросил у напрягшегося конвоира. Тот несколько испуганно отрапортовал. Выпалил он так быстро, что и разобрать ничего не удалось.

Стоящий у машины фрукт с бляхой на груди по-прежнему ехидно что-то заявил, на что конвоир рывкнул:

– Jawohl! – и вроде как облегченно перевел дух.

В ответ человек с бляхой отошел не спеша в сторону и разрешающе махнул шоферу рукой в перчатке. Машина тут же тронулась и поехала дальше.

– Хрена вам с маслицем, а не склады воровать, – тихо-тихо, на пределе слышимости, прошелестел сидевший рядом с Лёхой Жанаев. Лёха только моргнул в ответ, потому как конвоир, и до того не выглядевший добродушным, зло нахохлился и всем своим видом выражал недовольство случившимся обломом. Между тем колеса прогромыхали явно по железнодорожному переезду, пошли какие-то домишки, заборы, сады, несколько раз, кроме немецких солдат, которых стало как-то много попадаться, мелькнули и гражданские люди.

Вскоре машина остановилась, конвоир вылез из кузова и молча кивнул сидящим – дескать, выметайтесь. Пленные вылезли по возможности быстро и оказались на перекрестке не то крупной деревни, не то и села, но присматриваться было некогда, потому что конвоир повелительно рыкнул и показал глазами, куда двигать. У одноэтажного домика на земле сидело человек сорок – пятьдесят в обмундировании РККА. Семенов сообразил первым и потрусил к ним, за дояром поспешил и Лёха с азиатом. Мельком оглянувшись, Лёха убедился, что конвоир остался у машины, а за всей этой кучкой пленных вроде как и не наблюдает никто, благо немецких солдат и офицеров сновало по улицам много – можно сказать, что они тут кишмя кишели.

Пленные сидели плотно, и Семенов почему-то, не раздумывая особо, уселся с краю. Жанаев и Лёха плюхнулись рядом с ним. Завертели головами.

– Дешево отделались, – сказал Лёха своим соседям.

– С чего бы? – отозвался Семенов.

– Я думал, нас этот сукин сын обязательно или пнет, или еще что выдумает. А обошлось.

– Болит задница-то? – невесело усмехнулся дояр.

– Угу, – признался Лёха. Сидеть было неудобно, штык все-таки не майская роза, и пара уколов была не просто царапинами, как ощущал попаданец.

– Ну, так у нас все впереди, – оптимистично заверил Семенов. И как в воду глядел. Только сейчас Лёха обнаружил, что их и здесь охраняют: слева под деревом, метрах в десяти, незамеченные сразу, сидели на стульях трое фрицев, а перед ними на обычном столе стоял ручной пулемет.

Вот один из этих троих поднялся неспешно, подошел к новоприбывшим, внимательно осмотрел их. Семенов и Жанаев для него привлекательными не показались, а Лёхой он с чего-то заинтересовался серьезно, даже на корточки присел, с интересом разглядывая ботинки. Лёхе очень захотелось поджать ноги под себя, но немец остановил это поползновение строгим цыканием, потом удовлетворенно кивнул головой, поднялся и, поискав глазами кого-то, поманил пальцем. Неподалеку поднялся такой же пленный, суетливо подбежал к немцу и старательно вытянулся в струнку. Немец коротко распорядился, и красноармеец с изрядной долей подобострастия сообщил, что пану офицеру понравились ботинки – давай, стягай.

– А как я-то без ботинок ходить буду? – искренне удивился Лёха.

– Та босиком, як жеж иначе? – удивился переводчик.

– Лучше снимай, – посоветовал сидящий рядом с Семеновым паренек с перевязанной правой рукой.

– А иначе что? – тревожно глядя на проявляющего признаки нетерпения немца, спросил растерявшийся Лёха.

– В лучшем случае – набьют морду. Сильно. В худшем – этот холуй с тебя дохлого снимет, – вразумительно и четко расставил все точки над «i» солдат.

Не очень понимая, что он делает, Лёха стал неловко развязывать шнурки, стянул ботинки, и их тут же перехватил переводчик. Смахнул с них пыль рукавом гимнастерки и чуть ли не с поклоном вручил немцу. Тот спокойно забрал еще теплую обувь и так же, не торопясь, вернулся обратно за стол с пулеметом.

Переводчик, радостно и лучисто поулыбавшись в спину уходящему гансу, вернулся на свое место, а Лёха растерянно уставился на свои разутые ноги.

– Прямо гоп-стоп какой-то, – убитым голосом сказал Лёха.

– Право победителя, – хмыкнул в ответ красноармеец с перевязанной рукой.

– А давно вы здесь? – спросил Лёха.

– В плен вчера попал, а сюда сегодня привели. Тут вроде как сборный пункт, то и дело еще подгоняют.

– Кормили? – задал вопрос и Семенов.

– Вчера какие-то обеды давали. Но там другие немцы были. Те, что нас в плен забрали. А тут с рук сдали – и все.

– В списки вносили, допрашивали? – не отступался Семенов.

– Нет. Этого не было, никаких записей. Вон, гляди, еще гонят, – показал взглядом раненый. Лёха глянул в том направлении и увидел двух тяжело бегущих по середине улицы красноармейцев. Расхристанных, взмокших, без пилоток и ремней, а сзади за ними ехал мотоциклист и покрикивал на бегущих, периодически поддавая газку, отчего мотоцикл свирепо взрыкивал, а красноармейцы пытались бежать быстрее.

Семенов поморщился. Находившиеся на улице немцы что-то весело советовали мотоциклисту, а он явно работал на публику, чаще ревел мотором и что-то горланил в ответ, отчего веселье нарастало и катилось по улице, сопровождая бегущих. Из дома напротив выскочили на шум еще несколько немцев, живо напомнивших Лёхе тех – с трубочками, которые со склада папиросы сперли. Видно, так принято было ходить вне строя: сапоги, портки и нижняя рубашка с подтяжками. Про себя Лёха отметил, что у немцев подтяжки носили многие, а вот у наших видеть не доводилось.

Перед кучей сидящих на земле пленных мотоцикл взревел совсем уж лихо, и оба бегуна, видимо, совсем потеряв от усталости и страха головы ломанулись в гущу прямо по сидящим. Моментом вспыхнула брань и вроде даже короткая драка, но тут же все и закончилось: бегунов сбили с ног, и они затерялись в общей массе раньше, чем немец за столом схватился за пулемет. Мотоциклист подкатил к столу, что-то кратенько сказал, получил такой же краткий ответ и умчал прочь, подняв пыль.

– Не зря ташил, как сердцем чуял, – проворчал Семенов и сунул попаданцу те самые нелепые чуни из шинельных рукавов. Лёха, вздохнув, напялил их на свои ноги и, наконец, получил возможность осмотреться. Жизнь кипела в этой деревне, тихо и уныло было только в этом углу, где сбились в кучу взятые в плен. Победители же радовались жизни на всю катушку, причем не обращая никакого внимания на красноармейцев. Обзор у Лёхи был отличный, и потому он мог видеть довольно далеко. Непонятно с чего, но первое, на что он обратил внимание, были сапоги дрыхнувших прямо под стенкой избы неподалеку нескольких фрицев. Может, из-за того, что после гоп-стопа обувь привлекала его внимание, то ли из-за сверкания чего-то на подметках сапог. Тихо спросил у Семенова, что это такое. Сверкало что-то рядами на подметках, прямо сияло на солнышке. Боец так же негромко отозвался:

– Шипы у них такие, гвозди специальные. Это шляпки сверкают. А весь каблук подкова берет, малость поменьше, чем лошадиная. Чтобы износу не было обуви. Мы уже дивились, когда первые германцы рядом с нами валяться остались. Может, оно и верно, только ходить тяжело, да шуму много, если не по траве, а по брусчатке идти. Баловство, в общем. Ладно, ты пока сиди тихо, мне кое-что узнать надо.

И Семенов аккуратно стал перемещаться дальше среди сидящих, спрашивая то одного, то другого о чем-то. Жанаев сидел молча, тоже посматривал по сторонам. Да и раненый сосед не шибко рвался болтать, потому Лёха мог наблюдать за тем, что творилось вокруг, без помех. Сразу удивило то, что немцы были какие-то сбродные: вроде как в одной армии служат, а наряжены кто как. Правда, пятнистых таких, как те, что убили Петрова, тут не было, и никого вообще в камуфле, зато были и в сером, и темно-зеленом, двое прошли вообще в каких-то белых полотняных портках. То же и с фуражками: Лёха помнил, что у всех немцев фуражки были со стоячей такой тульей, горделиво задранной, а тут вон у того, что за столом сидит слева – фуражка как кепка мягая, блином на башке. А у его соседа – кепи с козырьком. А третий с краю – в пилотке. Даже странно: по кино судя, все немцы одевались в одну форму, а тут как на ярмарке какой-то.

И даже эсэсовец вон в черном прошел. Лёха проводил взглядом невысокого парня, на пилотке которого поблескивали старомодные мотоциклетные очки. При этом сам парень выглядел немного комично, потому как был нагружен под завязку: тащил две полные канистры (тут Лёху немного передернуло от воспоминаний), а в зубах держал здоровенный бутерброд, отчего походил на озабоченную собаку, добывшую зачетную кость. То, что это эсэсовец, Лёха понял сразу – настолько-то уж он в Третьем Рейхе разбирался, чтобы понять: если на фрице черный комбинезон и черепа в петличках, то это точно эсэсовец. Стильно смотрелась форма, признал про себя Лёха, не зря Хуго Босс делал – классный дизайн, и даже розовая окантовка на пилотке и петличках впечатление не портит, хотя цвета девчачьи.

Тут менеджер немного опомнился и грустно улыбнулся: вот больше не о чем думать, как о дизайне. Жрать хотелось, а многие из тех арийцев, кого он сейчас видел, как раз либо жрали, либо готовились пожрать. Опять же, странное впечатление разброда получалось, потому что слева, чуть подалее по улице, несколько человек стояли в очереди к явно самодеятельному котлу, стоящему на обычном костре, а вот справа – тут Лёха был уверен – стояла нормальная походная кухня, но там никто не копошился, зато куча солдат неподалеку от этой кухни сидела и активно ощипывала кур – перышки так и несло ветерком по улице. Хотя видно было, что немцы перья явно собирают, но при таком объеме работы поневоле за всем не уследишь.

Мимо пленных деловито, скорым шагом прошло несколько немцев, тащивших капустные кочаны, но они явно шли не в ту сторону, где щипали кур. Лёха проглотил набежавшую слюну и попытался отвлечься от представления хрусткого свежего капустного листа во рту. Мама часто готовила из капусты и морковки «витаминные салаты» и Лёха с детства прибегал на кухню за отдельным листом. Традиция уж такая была: листик схрумтеть и потом кочерыжку сточить. Нет, надо кончать думать о жратве. И Лёха постарался отвлечься.

Помогло и то, что не только жратвой фрицы занимались – несколько девчонок из местных явно были окружены льстившим им вниманием зольдатов и кокетничали вовсю, вон ту уже зольдат так по-хозяйски полапывает, а она и не против, только похихикивает, судя по всему. Лёха усмехнулся: ну, в общем, что в ночном клубе, что тут, только наряд другой, а так те же песни. Немцы вон не только с девчонками тусуются, что-то делают еще, причем вроде как железом брякали. Приглядевшись, понял – разложили на дощатом столе разобранное оружие и вроде как что-то показывают нескольким пацанам из своих же. Вроде как такой же пулемет, что на Лёху сейчас смотрит.

В отличие от оживленных немцев, куча пленнх выглядела неподвижной, тусклой мятой массой. А немцы с чего-то стали еще оживленнее, начали собираться на улице, звать друг друга, словно цирк какой-то едет, и даже те, что куриц ощипывали, бросили свою работу. И да, действительно, скоро под дружный смех зольдатов появился и цирк – роскошный легковой автомобиль – Лёха уже и не удивился знакомой сверкающей звезде на радиаторе Мерседеса, – только вот этот кабриолет волокла весьма убогого вида пара лошадок, и в целом зрелище

было комичное. Никак неказистая колхозная, коротконогая и пузатая скотинка не сочеталась с шедевром германского автопрома.

Впрочем, седоки кабриолета, хоть и выглядели явно начальством, потому как на погонах у них что-то серебряное было, но держались очень демократично, словно понимали комизм ситуации и сами вовсе не против были поучаствовать в общем веселии. Кучер-шофер шутовски раскланялся перед собравшимися, его наградили аплодисментами и одобрительными выкриками. За спинами собравшихся вокруг автомобиля происходящее было видно не самым лучшим образом, тем более – сидя на земле, но вскоре до Лёхи дошло: то ли словечко «пропаганда» несколько раз услышал, то ли увидел на вылезших из авто посверкивавшие на солнце фотоаппараты, то ли еще как, но ясно стало, что это корреспонденты тогдашних СМИ были.

В воздухе прямо чувствовалось, что зольдаты чуточку презрительно относятся к этим корреспондентам, чуточку опасаются и явно хотят запечатлеться в истории. Даже хлипкий и сутулый зольдат в весьма обтерханном обмундировании, стоявший неподалеку, горделиво выпятил тощую грудь, как только оказался рядом с автомобилем. Прибывшие тут же стали распоряжаться, но не так, как им полагалось по чину, не по-офицерски, а как-то очень домашнему, по-свойски, называя окружающих «камерадами».

Тем не менее, публика живо засуетилась, к поломавшейся машине тут же нагрянуло несколько эсэсовцев в уже знакомой черной форме с розовыми кантами, вместе с ними оказалось и несколько в обычной серой. Они живо открыли капот и завозились уверенно в брюхе заболевшей кабриолетины, лошадей выпрягли и убрали с глаз долой и Начали что-то городить на противоположной от пленных стороне. Те, кто дрыхли у стены, живо построились в очередь перед вынесенным из дома стулом, рядом поставили что-то странное, на треноге, но как будто знакомое.

Корреспондент повыбирал место, откуда снимать будет, потом появился явно какой-то чин, потому что на нем форма сидела очень ладно, и много было всяких фиговин на погонах и мундире. Он первым из очереди сел на стул, и тут Лёха понял, что это походная стоматологическая установка, а вон и аккумулятор стоит, электрическое питание, значит. Жужжала бормашина, пациент старательно растягивал пасть, стоматолог уверенно работал, стоявшие вокруг отпускали шуточки – все, кроме тех, кто стоял в очереди. Второй из кабриолета тем временем сделал несколько общих снимков, потом подошел к почтительно вставшим перед ним конвоирам за столиком с пулеметом.

Пулеметчик остался на месте, остальные подошли к пленным и стали осматривать сидящих. Выбрали несколько человек, на вкус Лёхи – совершенно нефотогеничных: каких-то плюгавых, корявых и кривоногих, а треть из них была еще впридачу азиатами. Мордами они тоже не вышли. Честно признаться, корявые у них были морды. Словно гоблины какие-то, могли бы у Толкина в кино без грима сниматься. Пока их фотографировали, конвоир в фуражке блином поднял другую группу – эти выглядели совсем иначе: в полной форме, с шинелями, котелками и флягами. Совершенно нормальные люди, ни у одного нет никаких бинтов, все целые и здоровые.

Тут же немцы приволокли пару армейских термосов – ребристых, здоровенных, литров на двадцать каждый – и выстроившимся в очередь чистеньким пленным аккуратно надевший на себя белый поварской фартук немец половником стал разливать довольно густой суп, что корреспондент и запечатлел для истории. Смысл таких действий Лёха не понял, но корреспондент действовал уверенно, явно точно зная, что ему надо. Потом затрещал забор у домика слева, и оттуда, валя фруктовые деревья, выехал малюсенький танк, в котором опытный глаз геймера сразу опознал Pz.Kpfw.II. На буксире танчик волок советский БТ – не горелый, но сильно битый, пробоины были видны даже на расстоянии.

Сначала корреспонденту пришлось немного поорать, чтобы стоявшие рядом зольдаты отошли подале. Потом на фоне битого БТ гордо несколько раз проехала двоечка, вытащившая БТ на буксире откуда-то с задворков – и с закрытыми люками, и потом с открытым, откуда воинственно торчал командир двойки. Подождали, пока уляжется пыль, поднятая гусеницами, потом оба корреспондента, что-то обсудив, вытащили из кучи пленных испуганного паренька в танкистском шлеме и горелом в нескольких местах замасленном комбесе, что-то ему втолковали через услужливого переводчика из пленных, и танкист неохотно полез в танк БТ, где и встал в башенном люке, задрал руки. Но выглядел при этом как-то, на вкус Лёхи, неестественно. Немцы пришли к тому же выводу, потому один из эсэсовцев в черном комбесе по приказу фотографа лихо вспрыгнул на броню БТ и дал нашему танкисту подзатыльник. Парень в шлеме испугался еще больше, но такой вид фотографа устроил, и он сделал несколько снимков, сняв заодно и пару как бы берущих в плен этого дурня эсэсовцев.

Попасть в объектив хотели многие, и потому не слишком чинясь, оба корреспондента щелкали своими фотоаппаратами, не жалея кадров. Зольдаты остановили куда-то неторопливо трюхавшего на лошадке кавалериста, которого как раз сфотографировали на фоне танка БТ корреспонденты и тот, ухмыляясь, помог нескольким из толпы залезть на свою кобылку и их тоже сфотографировали корреспонденты. Насколько успел заметить Лёха, конник сделал на этом небольшой бизнес – во всяком случае, двое из снявшихся вполне открыто отдалились – один сигареты дав кавалеристу, другой сунул бумажку, очень похожую на купюру. Ну, точно, как в праздники в парке детей на лошадке так же фотографировали.

Боец Семенов

Пленные были даже на первый взгляд совершенно разными – сразу же выделялась группка человек из пяти-шести – чистеньких, веселых и даже, пожалуй, довольных происшедшим. Опять же, все было при них – от туго набитых «сидоров» и шинелей до фляг, котелков и прочего снаряжения, положенного красноармейцу по уставу. Не похоже было, что их схватили и обезоружили прямо в кипении боя. Несколько человек, наоборот, были совершенно обалдевшими, ободранными, со свежими ссадинами и кровью на одежде – вот этих явно взяли с бою. Остальные по виду были где-то посередке между кучкой благостных, как их окрестил для себя Семенов, и тех, что были после недавней драки.

Агонизировавшая дивизия, огрызки и обломки других частей, добываемые германцами в этом районе, были представлены и в пестром сборище военнопленных. Больше всего было пехотинцев, но и танкисты сидели – их отличали комбинезоны да танкошлемы; артиллеристы налицествовали, была пара явных техников, даже из ВВС один был – а Семенов думал, что, кроме Лёхи, тут никого из воздушной братии не окажется. Половина сидевших были ранены, забинтованы чем попало и на скорую руку, но видно, что все – легкие, ходячие. Ни одного тяжелого тут не было. И Логинова со Спесивцевым тут не оказалось, чему Семенов сначала порадовался, а потом вспомнил, что и Петрова тут нет. Так что ничего хорошего – нечему тут радоваться.

Охрана, сидящая с пулеметом под деревом, не препятствовала пленным перемещаться с места на место, и то один, то другой боец по каким-то своим делам перебирались, не пересекая невидимую черту, ограничивающую это скопище людей. Вялое такое копошение получалось – тем более, что кроме группки сытых и благополучных остальные выглядели и уставшими до чертиков и голодными.

Пользуясь этой возможностью, Семенов аккуратно подсаживался то к одному, то к другому, разыскивая земляков и интересуясь важными вопросами: кормят ли тут, есть ли водичка и что вообще слышно. Раньше в плену быть не доводилось, потому надо было понять, что и как будет, что и как надо делать самим.

У них в деревне был дядька Евстафий Егорыч, он в империалистическую оказался в немецком окружении, где в плен и попал. Первым делом его отбучкали сапогами и прикладами, потом записали, кто он и откуда, и сидел он за колючей проволокой лагеря для военнопленных до конца войны. Видеть потом колючую проволоку не мог – до судорог дело доходило, причем всерьез, без шуточек. Но вот жить в плену оказалось можно: кормили три раза в день, лечили, когда заболел – в общем, нормально, по-людски относились, хоть и врагами были. Голодно, конечно, было в конце войны, ну так и германцам самим жрать было нечего, дети у них из-за блокады без ногтей рождались. Но если пленный помирал – то давали хоронить его как положено, на кладбище, с отпеванием и попом, в гробу, что по тем временам, когда в России прогрохотала гражданская война, казалось даже и роскошью.

А офицерам российским императорской армии даже разрешалось вне лагеря жить, как частным лицам. Под честное офицерское слово, что не попытается офицер удрать из такого плена. Потом вот Тухачевский слово нарушил и удрал, и всех офицеров тогда в лагерь обратно загребли, как простых солдат. Дескать, за это Тухачевскому потом и отомстили офицера, когда он уже маршалом стал. В общем, дядя Евстафий Егорыч о германцах отзывался уважительно: порядочные, дескать, люди были, толковые и в механизмах разбирались – не чета нашим. В итоге многие односельчане – погодки Евстафия Егорыча – вернулись с войны беспомощными калеками, многие и вообще не вернулись, погибли где-то далеко на той громадной и жуткой войне, а он вернулся целый, здоровый.

Безногий пьянчужка Лямоныч не раз матерно и грязно Евстафия хаял: дескать, отсиделся бугай за чужими спинами. Дядька на это старался внимания не обращать, но видно было, что вопли деревенского дурачка-юродивого ему неприятны сильно. Но, тем не менее, призванный двумя годами позже Евстафия Лямоныч вернулся бестолковым обрубком и рассказывал всем и каждому, кто соглашался его слушать (а уж тем более – угощал вояку самогонкой), как ему ноженьки порвало как раз гранатой-лямонкой, и пришлось ползти подрантому солдату по грязище осенней две версты, волоча за собой то, что раньше было крепкими белыми ножками. А когда в конце концов в полубеспамятстве дополз он до своих, то в госпитале лекаря отрезали уже помершие ноги напрочь. И стал бравый и бойкий рядовой драгунского полка беспомощным огрызком. А сукин кот и блядий гад Евстафий Егорыч вернулся с войны на своих двоих ногах, целехоньких, что сильно отличает тех, кто с ногами, от тех, кто таковых не имеет. И не только потому, что в крестьянском хозяйстве безногому мужику места нет, а еще и потому, что и с девками не попляшешь, и замуж за такого никто не пойдет. Сильно другая жизнь у безногого в деревне выходит.

Как и положено сметливому крестьянину, Семенов это отлично помнил, и потому надо было решать, что делать дальше. Черт, знал бы, что такое случится – повыспрашивал бы все до мельчайших деталей у дядьки, что да как было. Но тогда это казалось совершенно бесполезным занятием – кто ж знал, что вот так оно выйдет. С одной стороны, прикладами и сапогами не отбुцкали. Это хорошо. С другой – не кормят и не переписывают. А вот это уже плохо и как-то настораживает. Неправильно такое. Значит, кормить не будут. Потому как пока не знаешь, сколько у тебя голодных ртов – не поймешь, сколько продуктов в котел класть. Простая арифметика.

А дядька не раз говорил, что у германцев каждый грамм на учете, и тошные они в своем скупердяйстве до зеленой тоски. Вот чего у германцев нет – так это широты, все пытаются высчитать до мелочи ненужной, совершенно уже пустяковой. А в итоге со своим счетоводством таким по мелочи все делают правильно, а в больших делах проваливают все с треском. Вот и войну ту мировую проиграли капитуляцией, хотя сами же ее и начали, и рассчитали все вроде бы дотошно.

И что выходит? А выходит, что не пересчитали даже по головам. Списков не составляют, хотя возможностей для того было много. Ну, положим, они с Жанаевым и Лёхой в плену недавно, но сидящий рядом парнишка-артиллерист с перевязанной рукой уже сутки в плену. И не передовая тут, тыл уже глубокий – фронта не слышать, не грохочет. Значит, горячки нет. А списков не пишут. Хотя дело это проще пареной репы, и если самим лень заниматься – вон тому шустрому переводчику дали бы карандаш и лист бумаги, он бы со старанием великим всех переписал.

Интересно, что все-таки эти благодатные такие довольные сидят, посмеиваются, и вид у них – словно они у тещи на блинах? К слову, и шустрый переводчик был из их компашки. Потому, не добившись проку у хмурого танкиста, из-за неряшливой рыжей щетины словно бы заржавевшего, и у обалдевшего низкорослого пехотинца с непокрытой башкой, густо измазанной запекшейся кровью, Семенов присел, без труда найдя свободное место у компашки этих самых, одетых по Уставу. Те как раз что-то жевали и крайний – коренастый плотный мужик средних лет покосился на присевшего рядом бойца.

– Хлеб да соль! – поздоровался Семенов для начала разговора.

– Ем да свой, а ты рядом постой! – неприветливо отозвался известным присловьем коренастый и неприязненно спросил:

– Чего надо, колхозный? Мы не подаем убогим.

– А я и не прошу. Просто хотел узнать – как оно тут, в плену; вы вроде не сегодня попались? – ответил невозмутимо Семенов, хотя в душе очень хотелось плюнуть да и уйти от этой публики.

– Как оно? Это смотря кому, – рассудительно ответил коренастый уже не так неприязненно. Сидевший рядом с ним квадратномордый мужик усмехнулся. Остальные, включая переводчика, явно обрадовались развлечению – сидели они плотно, давно и, видимо, скучали.

– К примеру, вот вам. Вы как попались? – спросил Семенов.

– А мы, мил человек, не попались, – засмеялся весело квадратномордый. Смех, впрочем, его никак не украсил. Такой уж физиомордий бог человека наградил – злобной и упертой.

– То есть это как? – не понял боец.

– А вот так. Мы сами сдались. Как положено русским людям, – охотно пояснил коренастый.

– Что, колхозный, опять не понял? Экая ты тупая животинка, неразумная, – подъелдырнул Семенова квадратномордый.

Впрочем, если он рассчитывал на ругань и скандал, это было без толку. Семенов умел держать себя в руках – пройденные драки к тому приучали неплохо. Кто петушится да задирается – тот на ногах стоит некрепко. Для сопляков это годное – петушиться. Потому мордатому невдомек было, что дойди дело до кулаков, колхозник этот успел бы опилюлить, не вставая, и его самого, и его коренастого соседа без особой натуги. Умел Семенов так бить, что валился противник как бык на бойне, молча и сразу. И удар был хорош, соседские деревни это знали и Семенова опасались как кулачного бойца. Впрочем, и колом он мог приголубить качественно, а раз было – и скамейкой наволохал пришедшим на танцульки-посиделки парням из соседней деревни, как только они стали безобразничать и фулюганить. Вот задираться Семенов не любил. Не бойца это дело. Потому и сейчас сидел спокойно, бровью не повел. Спросил только:

– А как сдались? Не опасались, что постреляют, не разобравшись?

– Читать надо уметь! Немцы же все разъяснили, культурные же люди! – покровительственно и немного свысока ответил коренастый, вытягивая из кармана пачку бумажек:

– Грамоте разумеешь?

Семенов кивнул.

– Так вот, смотри! – сказал собеседник и дал в руки пачку листов разного размера. Такие Семенову уже попадались, просто сразу столько и так много разных не было. Видно, коренастый и его компания постарались, собирая все листовки, которыми немцы посыпали советские войска. Лежащая сверху и впрямь инструктировала просто и доходчиво, как надо сдаваться в германский плен: надо только громко крикнуть «Штык в землю», «Сталин капут» и с поднятыми руками выйти к германским военнослужащим. Одна такая листовка была пропуском для любого числа сдающихся. Хоть целым полком иди. Обещалось хорошее обращение со всеми пленными и особенно хорошее для тех, кто сдастся добровольно и без сопротивления. Таким обещались – письменно – работа по специальности, усиленное кормление и много всякого хорошего.

– Ты читай, читай, просвещайся, колхозный. Авось, и поумнеешь. Немцы – культурные, цивилизованные люди, арийцы. Они если пообещали, то выполняют все до копейки; люди чести, не коммунаки сраные, – торжественно и громко сказал квадратномордый. Окружающие группку пленные отреагировали по-разному. Кто и не повернулся даже, а сидевший поодаль сержант-танкист в прогоревшем дырами комбезе негромко, но зло сказал, как плюнул:

– Громче старайся, глядишь – и дадут тебе немецкий башмак поцеловать, гнида. Жопу свою лизать не дадут, конечно, – рожей ты не вышел, но башмак, может, и позволят почеломкать. Будет тебе праздник на всю жизнь! Детям будешь хвастать. И внукам. Если доживешь.

– Ну, ты наглый, как колымский пидорас! – вскипел моментально квадратномордый, порываясь встать, но как-то не слишком настойчиво.

– Тебе виднее, я с пидорасами не общался, – еще более зло, но так же внятно сказал танкист.

– Сядь и заткнись! – одернул соседа коренастый, словно бы испугавшийся его порыва. К удивлению Семенова, кипевший праведной яростью хам тут же утих. Коренастый запоминающе поглядел на танкиста, тот ответил тем же. Тогда коренастый сказал уверенно:

– Это мы еще посмотрим, кто немецкие башмаки целовать будет. А мы жидовскую власть и жидов защищать не намерены, пусть жидовня дураков в другом месте ищет. И потому нам немецкие солдаты руки пожали как равным. А вот таким, кто на Сталина с жидами надышаться не может – тем немцы скоро устроят праздник.

– Ишь как, даже поручкались – не побрезговали, значит? – оскалил зубы сержант-танкист.

– Ты зубы-то спрячь, не люблю я, когда зубы скалят, – огрызнулся коренастый. И, видя, что многие пленные смотрят на их перепалку, сказал погромче:

– Да, когда мы сдавались в плен, немецкие военнослужащие нам пожали руки! Как равным! Это большевики рукопожатия отменяли. А наши освободители нас за людей держат и понимают! Они настоящие мужчины! Не этой жидовне чета! Я себя давно человеком не чувствовал под гнетом большевиков, а теперь я – Широпаев – человек! Настоящий русский человек Свободной Руси!

– Король свободной Руси Широпаев Первый! Кланяйтесь, пока не поздно, а то завтра погонят нас, как скотину, не успеете порадоваться. Тебя-то, небось, сразу в Москву, короновать, а? – иронично заметил танкист.

– Москва? Жидотатарский город, к черту ее снести надо! Ничего русского там нету. Один вред от Москвы всем русским! Исконная Русь – это Новгород Великий, а вся остальная Рассея – это азиатчина, – уверенно ответил коренастый.

Спорщик-танкист очень сильно удивился. Сидел, удивленно покачивал головой. Семенов тоже не вполне понял, о чем речь. С чего это Кострома, Ярославль или, к примеру, Вятка – жидовская татарщина?

– Чушь! Киев – мать городов русских. Там – Русь! А все остальное – это нерусь! – так же убежденно заявил квадратномордый и надулся от гордости. Тотчас отозвался сидящий рядом с ним кривоногий мужичок, заявивший, что Киев – самое жидовское гнездо и есть. А если уж смотреть, где Русь – так это там, где мы, казаки – на югах! И если б не жида с Троцким, то корню казацкому перевода не случилось бы.

– Ты ж говорил, что казаки – не русские? – удивился коренастый.

– А что, хохлы – русские, что ли? – ответно изумился кривоногий.

Тут возмутился тот, с квадратной мордой. Спор, возможно, и продолжился бы, но на шум обратил внимание немец, сидящий за пулеметом, и ему это не понравилось. Он негромко, но увесисто прикрикнул:

– Ruhe!²²

Что он сказал, было непонятно, но сейчас же все спорщики притихли. Только неугомонный танкист негромко, но ядовито припечатал: – Ишь, судьбы страны уже порешали, свободные люди, а стоило немецкому ефрейтору прикрикнуть – сразу языки в жопы засунули, храбрецы освобожденные!

Семенов для себя решил, что делать ему тут нечего, только неприятности будут, да и не понравились ему эти благополучные с виду люди: странные они какие-то и говорят не пойми что. Оно, конечно, в показанных ими листовках каждое второе слово, считай, было про жидов, но это его не очень волновало: так уж получилось, что евреев в деревне как-то не было, и потому весь накал пропаганды германской мимо Семенова пролетел. Но вот то, что в каждой листовке с пропуском было четко прописано, что обещают хороший уход и питание всем, а сдавшимся – так и особенно хороший уход, это боец цепко запомнил.

---

²² Тихо! (нем.)

– А вас кормили уже? – спросил он коренастого, злобно ворчавшего в адрес танкиста заковыристые ругательства.

Тот сердито посмотрел на спрашивающего, видимо, решив, что его пытаются подначить, но взгляд Семенова был чист и невинен, и потому коренастый нехотя ответил:

– Как взяли в плен, кормили супом. Он у них в кухне оставался. Потом не кормили.

И тут же, словно оправдываясь, добавил:

– Но у нас и с собой есть, и слишком много пленных. Не рассчитывали они, что столько пленных будет. Просто немцы еще не разобрались – больно уж много нас сдалось, никто не хочет на большевиков пахать. Ну, кроме нескольких поджидков, – и он указал взглядом на сержанта в прогоревшем комбезе.

Семенов кивнул и двинулся дальше. Многократное повторение – практически в каждой листовке – о том, что все беды из-за жидов, и что теперь без жидов будет рай на земле, его не интересовали. Рая на земле по-любому не будет – не бывает такого, чтоб рай был на земле, это ему с детства ясно стало, потому и рассказам городских пропагандистов он тоже не очень верил, а вот то, что листовки обещают хорошее обращение и кормежку – он запомнил. И дополнительно отметил, что особо хорошим обращение не назовешь, да и кормежки не видать.

Земляков своих ему найти не удалось, узнать что толковое тоже не получилось – никто ничего не знал, разве что пленные тут были сборные – самые давние уже три дня в плену были. Но они были какие-то заморенные и говорить не рвались.

Вернулся Семенов к Жанаеву и Лёхе как раз тогда, когда приехавшие на влекомой лошадаками машине корреспонденты уже всю занимались фотографированием всякого разного. На вопросительные взгляды пожал плечами и сел рядом с ними, глядя на германские развлечения. Отметил про себя, что «бравший советского танкиста в плен» паренек не удосужился вставить в свой автомат рожок, и никто его не поправил – тот так и угрожал свирепо незаряженным автоматом. Потом удивился, глядя на немцев, проехавших несколько раз по улице, позируя фотографу.

– Развели цирк, недоумки, – презрительно процедил сквозь зубы сидящий рядом парень с перевязанной рукой. Семенов внутренне с ним не согласился: то, что два человека взгромоздились на плечи водителю мотоцикла, а он при этом вел тархтелку и улыбался, бойцу как раз понравилось. Вот то, что немцы что-то разыгрывали у стоящего поодаль сортира, откуда неслись взрывы хохота – это Семенову показалось неприличным.

Фотографы еще запечатлели многое: и то, как торжественно какой-то германец с нашивками приколотил какую-то таблицу к двери здания на площади, а остальные поаплодировали; и то, как два десятка солдат, очень шустро собравшись в несколько шеренг, что-то бодрое спели; и как таскали привязанных к шесту общипанных куриц, и даже как специально притащили на площадь пару приличных габаритов свиней и тут же их застрелили из пистолетов. Одного свина даже привезли в люльке мотоцикла, что тоже вызвало оживление.

– Неаккуратно работают, так один другому руку когда-нибудь прострелит, – сказал паренек с раненой рукой.

– А пели они что? – просто чтобы спросить, произнес Лёха. Паренек усмехнулся и довольно похоже, уловив ритм и мелодию, пропел:

Jetzt тебя ждала я.
Warum ты не пришел?
Я не такая frau,
Чтоб ждать по drei часов²³.

---

²³ Нынче... почему... женщина... три (нем.)

– Про любовь, значит? – немного удивился Семенов. Потому как вот германцы, а тоже у них песни про любовь. Как у нормальных людей, в общем.

– Про нее. Дескать, будем встречаться под фонарем у ворот, Лиля.

– А ты по-немецки разумеешь? – удивился Семенов.

– Разумею. К слову, моя фамилия Середа.

Семенов представился, за ним следом и остальные. Познакомились. Семенов рассказал, как их взяли в плен, не слишком поминая про чертовы канистры, чтобы избежать ненужных вопросов о стоящем в лесу танке. Артиллерист в ответ поведал, как тащили они по лесной дороге оставшуюся последней от всей батареи пушку с парой снарядов, да и наскочили на немцев. Трех здоровых пушкарей в плен забрали, одного, замкового, почему-то застрелили, да двое раненых в расчете было, которые идти не могли – их тоже прибили там же. Доставили сами, своими руками, немцам орудие с упряжкой, хотя и не полной: лошадок-то на батарее тоже выкосило, пока позиции держали, там огня с железом было – мама не горюй! А потом вот так вот вляпались, проболтавшись вполне благополучно по этим лесным дорогам несколько дней. Не героично как-то все получилось. Не такого ожидали.

Помолчали. Совершенно неожиданно для Семенова германцы притащили пару термосов и покормили ту самую группу благополучных пленных. Это заставило бойца задуматься: так все-таки, получается, кормят они добровольно сдавшихся? Он уж совсем было решил, что листовки врут, – а вот, стучат ложками эти охламоны, и от запаха вкусной пищи скулы сводит.

Пока они ели, их фотографировал один из корреспондентов. Потом он чего-то нетерпеливо ждал. Наконец, несколько местных бабенок на себе прикатали телегу, в которой лежало трое-четверо наших, но ясно, что шибко раненых. Не ходячих. Их фотокорреспондент тоже сфотографировал, потом кого-то повывикали, и одетый по полной форме германец в каске и с подвешенным к поясу штык-ножом выбрал из сидящих красноармейца с окровавленной головой, поставил его перед собой и умело и споро забинтовал ему голову.

Семенов обратил внимание на три вещи: германский санитар с краснокрестной повязкой на рукаве все время стоял так, чтоб лицом к камере, а к пленному он и не поворачивался толком; второе – как только фотоаппарат отщелкал свое, и корреспондент убрал его в футляр, санитар потерял всякий интерес к перевязываемому и бросил конец бинта просто так, не закрепив; а в-третьих, пока он бинтовал, на рукаве посверкивал серебром шеврон, какие Семенов уже видел раньше.

Почему-то стало интересно, что это за шеврон такой.

Лимузин корреспондентов тем временем зафырчал и под одобрительные крики и аплодисменты сделал круг по площади. Чинившие его технари вытирали тряпками попачканные грязные руки и не без гордости поглядывали на своих сослуживцев. Но перед тем как уехать, пассажиры лимузина дождались, чтобы пленных подняли на ноги и построили в колонну на площади. Строили непривычно – по трое, и это немного путало. В итоге прикладами конвой навел порядок, и зеленая пыльная колонна двинула мимо сияющего лимузина, откуда пленных еще раз сфотографировали.

Идти пришлось недолго – до окраины деревни, где пленных загнали в древнего вида сарай с прохудившейся крышей. Когда последний вошел в пыльную вонючую темень, ворота закрыли и чем-то подперли. Вечерело, света сквозь прорехи попадало маловато, но, в общем, места хватило всем, чтобы лечь.

– Если интересно, посмотрел я, что там за табличку на дом повесили, – сказал артиллерист Середа, который – как-то так получилось – и шел в колонне рядом, и тут рядом оказался.

– И что? – спросил Семенов для поддержания разговора. Человек, умеющий разговаривать по-немецки, мог быть очень полезным в будущем. А артиллерист этот производил приятное впечатление.

– Ну, общий смысл странноватый: колхоз «Новый Путь» принадлежит Великогерманским вооруженным силам и производит продукцию для вермахта.

– И что это значит? – осторожно спросил Лёха.

– То и значит, что колхозы германцы не распускают. То есть никакой земли в свои руки колхозники не получают. Была государственная земля – государственной и осталась. Только, вишь, государство тут теперь другое, – вслух, но тихо высказался Семенов.

– Земля, водички у вас нету, а? – шелестящим шепотом спросил у Семенова кто-то невидимый в темноте.

– А что, потерпеть до завтра не можешь? – строго спросил Семенов. Не любил он людей, которые о себе позаботиться не могут.

– Третий день не пил. Трясет всего.

– Что ж ты так себя доводишь?

– Да не я – как в плен попали, так и не попить было. Не давали, – откликнулся тихо сосед.

– Что, вообще воды не давали? – уточнил Семенов.

– Да другие могли попить, когда у речки ихние танки пропускали, а я на себе свояка тащил – не поспеть было, – виновато сказал невидимый сосед.

– Какого свояка? – не понял Лёха. Семенов дал ему незаметного в темноте тычка, и потомок заткнулся.

– Своего свояка. Нас обоих призвали на эти чертовы сборы, служили вместе, а тут ему ногу прострелило, ходить не может сам. Не бросать же, – шелестящим сухим голосом пояснил невидимый сосед.

– Ясно. Вас переписали, допрашивали? Кормили за эти три дня? – задал интересовавшие его вопросы Семенов.

– Нет, – коротко прошелестел невидимый.

– Ладно. Если что нам полезное скажешь – отдам воду, – решил боец.

– Да чего я полезного знаю-то. Я ж рядовой, – пригорюнился голос.

– Зато вы в плену уже третий день.

Некоторое время невидимый думал, молчал. Семенов ощутил сопение над ухом, въедливый запах табачища – это Жанаев присунулся поближе, тоже заинтересовался, значит.

– Ну, что могу сказать... – прошелестел голос. – Тех, кто идти не может, германцы добивают прямо на дороге. Если упал и встать не смог – кончают. Мы ж сзади были, видел свояк своими глазами.

– Стреляют?

– И стреляют. А еще в конвоирах был такой молокосос – вот тот штыком порол. Нравилось ему.

– Он сейчас в конвое, этот сопляк? – почему-то заинтересовался артиллерист Середа.

– Не. Конвой уже дважды менялся. Но все равно: упал и не встал – значит, конец.

– Понятно, в голову колонны вставать лучше. Тогда сам темп задашь, как идти, – прикинул Семенов.

– Оно конечно. Только вот заматня была позавчера: один конвойный два пальца показал, когда строились мы после ночевки, а другой – баяли, кто видел – три. Наши и замешкались – по двое строиться или по трое. А германцы вроде как рассердились на такую непонятливость – и из автоматов. Да прямо по живым людям. Смеялись потом. Они вообще веселые. Понятно, верх-то ихний.

Тут шепот прервался чем-то непонятным у закрытых ворот амбара. Вроде как кто-то из пленных начал в них стучать, а кто-то тут же настучал ему по зубам и прекратил стук. Шум, во всяком случае, показался Семенову именно таким.

– А, вот еще запомятовал: такой же олух в первую ночь – мы тоже в сарае каком-то заперты были на ночь, – так вот, городской какой-то телигент стал до ветру проситься, в дверку

стучать, чтоб выпустили опорожниться. Дескать, не может он так не по-человечески гадить, где люди спят.

– И что потом? – уже предполагая ответ, все же спросил Семенов.

– А стрельнули через дверь – и всех делов. Ему в живот, да еще пару человек зацепили.

Сходил до ветра.

– Ясно. Ну, держи воду, – великодушно сказал Семенов.

Картина, в общем, стала ясной. И потому особенно жуткой. Послушал, как рядом невидимый сосед жадно забулькал из бутылки. Шепнул в ухо сопевшему Жанаеву:

– Что скажешь?

– Бечь нада, пока в силе. А то хана, – отозвался так же тихо тот. Семенов согласно кивнул, сообразив тут же, что его жест никто не углядит. В вонючей темноте амбара темно было, словно у негра в желудке, как деликатно говаривал покойный взводный.

Менеджер Лёха

Проснулся Лёха оттого, что кто-то на него наступил, прямо на руку. Вскинулся, продрал глаза. Сначала не понял, где находится. Потом вспомнил и чуть не застонал от досады – кошмар наяву продолжался. Ворота были раскрыты, что-то рывками оттуда снаружи нетерпеливые немецкие голоса, а пленная публика поспешно выкатывалась из загаженного помещения. Семенов был рядом – вместе с азиатом они помогали худощавому мужичку взгромоздить на спину такого же неказистого красноармейца с пухло обмотанной тряпками ступней. Из тряпок неестественно торчали отекавшие синие пальцы с кровавыми потеками, и Лёха почувствовал приступ дурноты.

Раненый тихонько, деликатно постанывал, пока его кантовали. Видно было, что ему очень больно, но он изо всех сил сдерживается. Потом навьюченный мужичишко прохрипел: «Спасибо, братцы!» и тяжело пошагал на выход. Поспешил и Семенов, подгоняя своих спутников. Но вышли все-таки не последними, быстро пристроились в строившуюся колонну – и Лёха, и Жанаев, и вчерашний артиллерист, предпочитавший держаться теперь вместе с ними.

Конвоиры покрикивали, ругались, наконец, из амбара, поторапливаясь, вышли последние военнопленные, и туда шагнул, заранее морща нос, немец в каске. Грохнула пара выстрелов, и фриц тоже поспешно вышел, закидывая автомат на плечо. Слева от Лёхи оказался незнакомый долговязый парень, одетый в гражданскую одежду и почему-то босой, справа встал Семенов, Жанаев и Серeda оказались в задней шеренге. Постояли недолго и тронулись.

Идти в самопальных опорках оказалось не слишком тяжело, и потому первые километры отшагались незаметно. За вчерашний день Лёха вымотался, но то, что поспал, позволило восстановиться, только бока побаливали от спанья на голой земле. Колонна шла медленно, и потому Лёха вертел головой, глядя на то, что было вокруг. А вокруг было на что посмотреть – видимо, эта дорога была стратегически важной, и потому, в отличие от тех дорожек, где ходил попаданец до сегодняшнего дня, следов боев на ней хватало. Да еще каких следов!

То колонна пленных шла довольно долго вдоль стоящих на обочине наших тракторов с тяжелыми пушками на прицепе. Почему эту технику бросили так, в исправном виде, оставалось только гадать. А через пару километров потянуло гарью, и Лёха увидел разломанную, перевернутую и частью сгоревшую немецкую технику, в гуще которой малозаметно стоял учинивший все это безобразие советский Т-26 с открытыми люками. Около раздолбанного гробовидного полугусеничного бронетранспортера «Ганоман» возились несколько немцев, откровенно снимавших с него передние – резиновые – колеса. Вид у них при этом был какой-то вороватый, словно во дворе с чужого авто диски тырят.

Лёха усмехнулся этой своей мысли, глядя на сброшенную в кювет длинноствольную противотанковую пушку, сильно помятую весом прошедшего по ней танка, на полусгоревший щеголеватый штабной автомобиль – спереди уже ржавый, а сзади совсем целый, причем на слегка запыленном никелированном бампере остро сверкал солнечный лучик. Под ногами шелестели какие-то рваные бумаги, хрустело что-то непонятно. А пахло опять тем же мерзким сладковатым запахом, хотя в поле видны были аккуратные березовые кресты с немецкими касками на них. «Наших, видно, не похоронили», – подумал Лёха. Прошли это побоище – и тут же в поле увидел ткнувшийся в землю немецкий самолет, сгоревший до состояния люминевой мятой фольги – и опять же могилку. Украшенную как-то затейливо. Пока шаркали ногами мимо, Лёха понял: в качестве оградки использовали ленты от крупнокалиберного пулемета. Потом на другой стороне заметил вроде как наших похоронку – свежую земляную насыпь, в которую было воткнуто с десятков наших винтовок, и на них висели уже советские каски. И дальше – какое-то чудовищное немецкое орудие на разбитом, скособочившемся гусеничном транспортере. И опять могилы неподалеку.

– Видно, то самое ахт-кома-ахт – уважительно прикинул Лёха.

И совсем не удивился, увидев вскоре на поле стоящие недвижимо зеленые советские танки. Они даже до дороги не доехали. Как шли рядом по полю, так и встали навсегда. Нет, пара доехала: с другой стороны стояли. И опять могилы, могилы. Могилы. И просто трупы – и беженцев, и наших военнослужащих. И опять битая техника – и наша, и немецкая, и опять могилы. Скоро Лёха перестал даже смотреть – усталость брала свое. Разве что еще хватило сил обратить внимание на уделанный просто вдрызг немецкий танк, вокруг которого было щедро накидано отвалившегося от него металлического хлама, и особенно на то, что весь экипаж был аккуратно похоронен рядом, за оригинальной оградкой из сбитой гусеницы. И опять трупы в разных позах, техника битая и почти целая.

Колонна еле волочилась по дороге, один из конвойных даже взял палку и попытался подгонять уставших пленных, что-то при этом покрикивая. Но остальные конвоиры это не поддерживали – видно, им было влом делать лишние движения. Потом и весельчак плюнул на свою забаву. Тем более, что и дрын его поломался об спину какого-то бедолаги. Да и конвоира чуть не сбил встречный грузовик, когда забавник шагнул назад для хорошего замаха, так что еле разминулись, и шофер так знакомо облял неуклюжего пешехода, а тот так же узнаваемо ответил – разве что на чужом языке брань была.

Вообще к фронту перли и перли немцы – и танки, и грузовики, и мотоциклисты, и даже куча велосипедистов попалась, чему Лёха сильно удивился: вид у этих байкеров был какой-то нелепый. А вообще то, что ехало к фронту, было настолько разнообразным и удивительным, что не будь Лёха в таком уставшем состоянии – только бы и щелкал языком. Очень много было самой разной малокалиберной артиллерии – такое впечатление, что немцы ставили крупнокалиберные пулеметы и мелкие пушки на все подряд. Особенно удивил автомобиль в виде корытца – у него, к слову, сзади тоже был винт. Как у покинутого Т-38. И даже в этом корытце стояла зенитка.

Посреди всякой разношерстной техники, тем не менее, было до черта гужевого транспорта: и мощные здоровенные лошадищи, которых Лёха видал в передаче про рыцарей – першероны вроде, – и явно взятые у здешнего населения местные кобылешки. И пешие немецкие колонны попадались, причем не только марширующие, но и сидящие, например, на обочине, составив свои винтовки в козлы и явно наслаждаясь отдыхом.

Впрочем, чем дольше шла колонна, тем больше было Лёхе наплевать на все эти виды и агрегаты. И ноги уже гудели, и устал он сильно. А горелым железом и трупниной пахло так часто, что и внимание обращать прекратил. Потому он не сразу понял, что его толкают его в бок, а удивленно глянув на дояра, Лёха совсем не врубился в сказанное вполголоса Семеновым:

– Вишь, дорвался этот, как его, Козлевич, до своей мечты.

Посмотрел туда, куда глядел его спутник, и тут дошло. Сдвинутый, даже скорее оттащенный с дороги на обочину, к подступившему тут вплотную лесу (потому как остались борозды от колес на земле), стоял маленький танк. И не то коза, не то корова на башне была видна. На изрешеченной вдрызг башне. Даже в корове этой, которая символизировала собой некую антилопу Гну, и то зияла дыра диаметром в пару сантиметров. И в воздухе густо висел тяжелый запах – бензиновая вонь, гарь, смрад смерти и еще что-то паскудное. И тут же, совсем рядом с погибшим плавающим танком, было густо намешено по обочинам чего-то странного. Косматый от черной сажи громадный цилиндр, в который этот танчик мог бы вполне спрятаться, что-то еще знакомое, но изуродованное до непонятности, вздутые лошадиные трупы, кучи обгоревших тряпок и еще чего-то. И что странно – под ногами стала чвакать грязь, словно дорога была мокрой.

До Лёхи, наконец, доперло, что этот странный жбан – цистерна и, наверное, от бензоаппаратчика, распоротая взрывом по швам. И кругляки металлические с неряшливо намотанной на них тонкой проволокой – это колеса без сгоревших начисто покрышек. Мотор, выброшен-

ный в сторону. И корявая железяка – сплюснутая кабина. И там – еще одна, но смятая иначе и потому не узнаваемая сразу. И с другой стороны – тоже явно грузовик, как раз за задранными в небо врасстыр лошадиными ногами. И бочки вздутые вокруг валяются. И ошметья от кожаной упряжи. И еще какой-то хлам, который не очень-то и поймешь. Россыпь хрустящих под ногами аккуратных коричневых коробочек, из которых высыпался устлавший дорогу белый порошок.

– Жалко пацанов! – подавленно отозвался Лёха.

– Это каких пацанов? – удивился дояр.

– Ну, этого, Козлевича и второго, – пояснил, озираясь на этой свежесделанной помойке, потомок.

– Какие же они пацаны? Нормальные мужики. Вполне матерые. Ты себя пожалей лучше, недотепа. Решил, наверное, что сидят они оба, дырявые, в своей барабайке? – ехидно спросил Семенов. Сзади, услышав разговор, вплотную приблизились Жанаев с Середой, стараясь идти так, чтобы не наступать Лёхе на просторные чуни.

– А то ж! Живого места нет – не уцелеть им было! – уверенно и печально сказал Лёха. Ему действительно было неприятно видеть этот хоть и нелепый, но все-таки ставший своим танчик. И пацаны там были клевые, чего уж. А сейчас их нет больше, осталась вместо хороших людей смердящая трупнина.

– Городской! – с нескрываемым презрением выговорил дояр.

– Че городской-то? – ошетинился Лёха. Вот еще не хватало, чтобы его деревенщина презирала – и так тошно.

– Пулмет угы! – негромко подсказал сзади Жанаев.

– Точно! – согласился Семенов с подсказкой и добавил: – И люки дырявые.

– Ну и что? Он весь дырявый, как решето! – возразил потомок.

– То-то и оно, – кивнул боец и потом снизошел: – Смотреть вроде как человек смотришь, а ни черта не видишь. Пулемета в башне нет. Люки открыты и прострелены густо. Что получается?

– Слушай, Шерлок Холмс, ты давай, говори уже! – возмутился, но тихо Лёха.

– Раз люки раскрыты до того, как танк расстреляли – значит, оттуда кто-то успел вылезти. И пулемет при этом снять. Вот и догадайся – кто б это был?

– Ну, могли и немцы, – отозвался мрачно Лёха.

– Ага. Только вот мы недавно прошли пяток наших танков побольше – не сгоревших при том – и что-то пулеметы все на месте. И там, где танкистов хоронили – все пулеметы на месте. Не работали тут еще трофейные команды. А вот зато когда мы встрелились с этими двумя оглоедами – как раз у Козлевича «Дегтярев» был в руках. Не в башне, повторю, а в руках. Потому как если танкист грамотный и танк покидает в опасном месте – он пулеметик-то с собой возьмет. Чтобы его, сиротинушку горемычного, залетные ухари не обидели.

– Так, по-твоему, что тут было? – поинтересовался потомок.

– Ручаться не буду головой, но по мне, если эти двое не дураки – а они вроде не таковые, – то, видно, разжиться горючкой у них не вышло. Германцы-то вон колоннами какими шпарт. Укусить еще можно, а вот горючее перелить – не выйдет. Они и укусили. Выбрали колонну с бензовозом и вылезли на дорогу из леска. На все про все у них минут десять получалось, самое большее. А потом им уже тут делать нечего было, только удирать. Думаю, что удрали все же.

– Почему это десять минут? – удивился Лёха. Патронов-то у танкистов было – хоть жопой ешь, стреляй да стреляй!

Шагавший рядом боец покосился на разбросанный по обочине хлам, на пару дохлых лошадей в поле, потом со скукой в голосе заявил:

– А ты сам посчитай. Из «дегтяря» этого танкового рабочая скорострельность – сто выстрелов в минуту. Ну, может чуток другая, но не намного, система-то та же. Я по пехотному сужу, но говорили, что один черт в общем, разве что у танкового диск немного побольше патронов берет. Не 47, а 63. Колонна, да еще если как тут, с горки стрелять – цель большая, никак не промажешь. Пока разбежаться не начнет. Разбежаться же под обстрелом эти тыловые чмошники будут, что твои тараканы. Значит, надо выпустить как можно больше, пока не разбегаются. Считай, каждая пуля куда-нибудь да попадет, в гушу-то. Значит, надо работать длинными очередями, на всю катушку. По сто выстрелов в минуту. А всего таким макаром дегтярь может выпустить три сотни патронов, потом все.

– Что всё?

– Шабаш, перегреется. Патронов у них, и впрямь, было богато, только сотни три, самое большее – четыре (если палили все же короткими) патронов могли они тут отбарабанить. Это три – пять минут. Думаешь, они потом сидели, на ствол дули, ждали, пока остынет? Чтоб еще побабахать? А?

– Долго остывает? – поинтересовался сзади Середа.

– Долго. И пока не остынет – считай, ты безоружен, – отозвался Семенов и продолжил:

– Потому и люки дырявые – наши-то, думаю, удрали сразу. Не дожидаясь, пока со службы тыла, с охраны дороги кто сюда на шум и дым прискачет всей оравой. Сломали танк – и удрали. А вот те, кто прискакали, по уже покинутому танку душу отвели, не разбираясь, что да как – некогда было разбираться, вон пожар какой закатали: не то что трава – земля на полста метров выгорела. Еще и бочки рвались, весело тут было. Так что вряд ли они внутри. Я б на их месте заначку в лесу сделал – патроны, харчи. И бегом туда. Набуровили-то они знатно: три грузовика, да телег пяток. Опять же, германцы по этому танку боеприпаса потратили вагон с тележкой – вон, деревья все с битой корой стояли, и подлесок весь как косой снесло.

– Видно, грузовики как раз на подъеме обгонять телеги взялись, деваться некуда было ни тем, ни тем, – пояснил сзади артиллерист.

– Ну, грузовики на танк менять – несерьезно, – буркнул Лёха. Впрочем, на душе у него полегчало: все же считать живыми тех, кто его учил танк водить, было приятно.

– Смотря какой танк. Смотря какой грузовик. Видел я, как самолет из ведра заправляли – та еще работенка была, – отозвался Середа.

– То есть считаешь, стоило оно того? – удивился Лёха.

– Почем я знаю? – отозвался, сбиваясь с ноги, артиллерист. Потом выровнялся и пробурчал:

– Нас прислали занять позиции у аэродрома. Там были охрененные емкости с бензином. И самолетов до черта. Десятка два. И шесть ведер. Два наших, брезентовых – ездové жертвовали. Вот ими и заправляли: подгоняли на руках самолет к емкостям, хоть это и запрещено, и бегали. Как муравьи. Успели отправить несколько аэропланов. А остальные – так и остались, когда к этому аэродрому немцы пожаловали. Вот и суди сам: сколько такой заправщик стоит и что бы за него отдали наши летуны. Ты ж сам из небесной артели, должен же понимать.

– Но этот-то заправщик – немецкий, – возразил Лёха.

– Был немецкий. А теперь его нету. Вообще. И где-то уже фрицам придется с ведрами бегать. А это, поверишь ли, мизерное удовольствие. Опять же, кто-то из них без топлива остался и на сегодня боевую задачу не выполнил. Где-то они не доехали, куда хотели. Значит, наши где-то еще удержались. В телегах тоже что-то полезное накрылось. Дорогу перегородили, и пока пожар тушили да пока обломки на обочины сгребали – дорога не работала. Это все пустячки вроде, а в итоге – глядишь, где-то у них и не срослось серьезно. Мелочь – а приятно.

– А кто такой этот Холмс? – словно невзначай, спросил потом Семенов.

– Сыщик такой известный, преступников ловил. Книжки про него были хорошие – неожиданно для Лёхи отозвался сзади Середа.

Видно было, что такое сравнение Семенову польстило, потому как он не стал развивать тему, а только велел уставшему Лёхе встряхнуться, не брести тупым бараном, а смотреть по сторонам, замечать всякое полезное и делать правильные выводы. Дескать, устанешь так меньше, если будешь не бездумно брести, а маршировать с разумом и пользой делу. Лёха не хотел уставать еще больше – конца этому навязанному путешествию не было видно, и он стал по возможности внимательно разглядывать окрестности. Но там все было, как и прежде: пейзажи те же, та же битая техника по принципу «то густо, то пусто», да все те же разнообразные немецкие формирования на самой разношерстной технике.

Впрочем, покрашенная зеленым – то есть советская – техника тоже частенько была Лёхе не знакома раньше. Какие-то маленькие бронетранспортеры на гусеницах, здоровенные трактора, броневики... В Ворлд оф танкс всего этого не было и в помине. Да и немецкая техника тоже удивляла. Мало того, что ее по-всякому старались украсить ехавшие на ней немцы: у одной грузовой колонны на все фары были надеты диковинные рожи с хоботами, и Лёха с трудом сообразил, что это какие-то противогазы, потом проскочила машинка, весело сверкавшая блестящей мордой черта с высунутым на полметра язычком на радиаторе. Так еще и полно было совершенно невиданных машин. Особенно удивил странный недотанк – шасси явно от танка, но сверху нагромождена бронекоробка. Просторная! Некоторое время Лёха соображал, что это ему напоминает, и сообразил, когда мимо мощная легковушка протащила самый настоящий жилой цивильный прицепчик-трейлер, такой современный и легкомысленно-комфортный, что в суровом армейском быту явно было совершенно невероятно. Точно – этот короб брони на шасси был словно караваннинг, только бронированный. Черт знает что!

Теперь нормальные танки, тягачи и бронемашины уже стали привычными. Разве что выделялись те, что сгорели – у них после пожара резко менялась посадка, и потому силуэт тоже становился необычным – все сгоревшие машины словно прижимались боязливо брюхом к земле, становясь ниже, и это было видно издалека, потом уже догадка подтверждалась, когда между катками становились видны пирамидки светло-серого пепла от сгоревших резиновых бандажей. Лёха только башкой помотал – мертвые танки и тягачи так же сплющивались после смерти, прижимались к земле, как и погибшие люди.

Мертвецы попадались часто, иногда совсем рядом у дороги, среди обязательного мусора из тряпок и бумажек, вывернутых любопытными прохожими из сумок и карманов покойников, а иногда – поодаль, несколько раз видны были только воткнутые в землю винтовки, но Лёха догадался, что, наверное, и хозяева там же рядом. Ну, или маршируют в такой же колонне, сделав то самое предложенное немцами действие – ШВЗ.

Только пару раз удивили уже пообтершегося в войне Лёху мертвецы – те, что сидели, словно живые, в недотепистом маленьком не то бронетранспортере, не то тягаче – сзади у них была прицеплена бравого вида пушчонка. Да еще заброшенный взрывом на сосну боец, которого первыми заметили конвоиры, и один даже бахнул в лежащего высоко на ветках и поблескивавшего оттуда свежепокрашенной каской красноармейца из винтовки. Видно было, что попал, тело еле-еле шевельнулось, но по-мертвому, как мешок с тряпками. Середа презрительно хмыкнул. После тех, кто сидел в тягаче, настроение у артиллериста явно ухудшилось, хотя вроде – куда уж хуже? А тут презрительно посмотрел на радовавшегося своему попаданию в труп конвоира.

Потом колонна долга тянулась мимо здоровенных автобусов, мощных и явно комфортных. Строй немцев дружно мочился в кювет, не обращая внимания ни на проходивших пленных, ни друг на друга. Совершенно спокойно. При этом у многих были мундиры явно другого сукна, высокие сапоги, надраенные с остервенением до зеркального блеска и фуражки с теми самыми, высоко задранными тульями. Лёха решил, что это явно штабники – больно уж автобусы внушали уважение. На здоровенных, блестящих свежим никелем решетках радиаторов

этих чудовищ было крупно написано «VOMAG»²⁴, но такой марки Лёха не видал ни разу. Даже не слышал.

В общем, наблюдать-то он наблюдал, но уставать от этого не прекратил – ноги уже стали как чугуниевые, а конца переходу было не видать. Жаль, сразу не остались с этими – Логиновым да Спесивцевым: и Петров был бы жив, и сами бы в плен не попали, а засада прошла бы еще горячее – в этом Лёха был уверен. Конечно, тут не совсем Контра-страйк, но, глядишь, и он бы в суматохе пригодился. Впрочем, вид у соседа был мрачный и встревоженный, потому Лёха решил не делиться с Семеновым своими умозаключениями.

Ну, на фиг, только нервы трепать. И так тошно. Да еще сзади колонны несколько раз раздавались выстрелы, и это тоже сильно действовало на нервы. Лёха знал, что кто-то, не вынеся дороги, валился без сил – и тут же земной путь очередного слабака заканчивался. Впрочем, вколоченное в сознание Лёхи понятие о том, что если ты неудачник – то только из-за самого себя, давало сейчас трещину. Слишком могучие силы колотились вокруг, чтобы представлять человека могущим в одиночку менять свою судьбу.

---

²⁴ «VOMAG» – («ФОМАГ») в период между Первой и Второй мировыми войнами – один из крупнейших изготовителей грузовиков в Германии. В 1942 г. «ФОМАГ» прекратил выпуск грузовиков и до весны 1945 г. изготавливал самоходные установки и танки.

Боец Семенов

Положение было куда хуже архиерейского. То есть боец не знал, какое может быть положение у архиерея, но часто слышанная в детстве поговорка была привычной. Паскудное было положение, чего уж там. Больше всего тревожило то, что германцы дело свое знали четко, конвой службу нес умело и старательно. Колонну военнопленных пасли так, что удрать пока возможности не было никакой, тем более, если бежать втроем-вчетвером. Трое конвоиров были на лошадях, и всякий раз, когда колонна шаркала мимо более-менее удобного для побега места, это место тут же перекрывалось этими всадниками, будь они неладны. Семенов лихорадочно прикидывал один вариант за другим – и все они были совершенно не годны. Немцы были бдительны и караульную свою службу сполняли без поблажек.

Общая картинка складывалась очень неприятной, в этом боец был полностью согласен с Жанаевым: не нужны они немцам живыми. Не плен это, а балаган смертный, особенно жуткий своей спокойной механичностью. Глупый потомок с горечью заявил, что, дескать, гонят их как скотину, но это только потому ляпнул, что никогда сам скотину не гонял и не представлял, какое это тонкое дело – гнать скотину так, чтобы она не покалечилась, не переутомилась, не голодала и не страдала от жажды, чтобы после перегона не заболела и не сдохла. Так гнать, как их гонят, можно только для того, чтобы постепенно ослабить, заморить и чтоб потом они перемерли. Чтобы за три дня пленных не напоить и не накормить – такого в пунктуальном немецком порядке быть не могло. Предусмотрительные люди так не сделают. Значит, что? Значит, у них приказ – пленных не кормить, потому как немцы все по приказу делают. Ну, вообще-то разумно: еще день-два и, как сказал Жанаев, бежать уже сил не будет.

В это как-то не верилось: ну, не могут же так нормальные люди поступать с другими людьми. И умирать, тем более так по-дурацки, жутко не хотелось. Хотя, с одной стороны, на политзанятиях много раз говорили, что капитализм – бесчеловечен. С другой стороны, совсем недавно лектор из штадива долго разглагольствовал про то, что немецкие рабочие и крестьяне очень страдают под страшным гнетом своих капиталистов и только и ждут, чтобы обратить штыки на своих угнетателей. Что-то не видно такого было: те же фрицы, что чинили автомобиль и чистили пулемет в деревне, были совсем не барчукового вида – видно было, что работники, привычны к железу. Да и конвоир, который как раз шел неподалеку явно был не буржуй – крепко сбитый, прочно стоящий на ногах, и ручонки у него, как разглядел Семенов, были с такими же мозолями, что были на лапах у самого Семенова или у Жанаева, да и у покойного Петрова такие же клешни были. Странно все это – тот же курчавый брюнетистый лектор из политотдела штадива очень профилем был похож на жидов с немецких листовок, а толковал о братстве с немецкими трудящимися. Но на немецких листовках – на всех – писалось черным по-русскому, что, дескать, весь этот поход только для того, чтобы таких лекторов заморить, очистить от них Россию, и тогда всем наступит счастье даром. В общем, все это непонятно, понятно одно – кормить или не будут вовсе, или очень мало, с водой ровно так же, а вот гнать маршем будут всерьез, до изнурения. Значит, еще день-два, и будешь тащиться с потухшими глазами, пока не загнешься.

Разбитый танк, названный в честь антилопы какой-то, видно коровы африканской, как подумал постеснявшийся расспрашивать Семенов, тоже никакой радости не доставил. Так, мелкое злорадство разве, что еще добавилось германского хлама на дороге. Заботясь о моральном состоянии своих, Семенов, естественно, не стал распространяться о том, что, может, и валяются оба танкиста в леске. Жанаев бы, пожалуй, понял все нормально, а вот в том, что потомок не скиснет, уверенности никакой не было. Потому и не стал толковать боец про то, что к «Дегтяреву» полагался ЗИП со сменным стволом, и поменять ствол, в принципе, можно, и если бы этим стали заниматься Логинов со Спесивцевым, то вполне могли и не успеть удрать.

Правда, самому Семенову как-то ни разу ствол менять не пришлось, но в ЗиПе ствол был. И в наставлении по стрелковому делу на ДП, каковой Семенов учил-читал, про смену ствола было. Но это все в теории, как говаривал взводный. Не меняли его практически в боевой обстановке, надобности не было. Меняют ствол при повреждении, или по износу, или по перегреву. А до этого у пулеметного расчета Семенова дело не дошло. Его пулемет искалечило близким взрывом, а второй номер с ЗиПом остался в соседней ячейке навсегда. Так-то, по уму если, запасной ствол – вещь в хозяйстве не лишняя. При грамотном подходе он позволяет починить пулемет после попадания в ствол, например, что и в танке может случиться – от любого рикошета по торчащему из брони стволу. В случае применения его в доте, там он прям как по заказу – вещь архинужная – вспомнил слова взводного боец.

Но дот – это дело неизвестное, а вот в танке, даже таком несерьезном, как этот плавающий, в укладке есть запасной ствол. В зажимах на стенке боевого отделения. Там и пружины, и всякая мелочь, упоры боевые – прицел и мушка, и, кстати, сошки для пехоты тоже должны быть. Менять его хлопотно, но, тем не менее, опытный пулеметчик может поменять стволы, хотя и не быстро. В отличие от ДП, там не фиксатор, а винт. Возни значит, больше. И нервы нужны как канаты пеньковые. Ствол ДТ чуть толще и тяжелее, и к перегреву устойчивее. Потому что менять все же сложно. Пулемет снимать надо и внутри менять. Сидя в танке, который на такой момент безоружен. Так что если танкистам жизнь стала не дорога, то могли заменить ствол на холодный. И удлинить возможное время интенсивной стрельбы еще на один ствол. Остальное в пулемете не так сильно перегревается.

Конвоир внимательно осмотрел колонну и переместился к жидким кустикам на обочине. Тут совсем надо было быть дураком, чтобы убежать – за кустиками ровное поле, но какой-то белобрысый мальчишка решил и рванул, как на дивизионных состязаниях. Семенов только вздохнул огорченно. Мальчишка бежал, даже не виляя, потому конвоир попал ему в спину вторым выстрелом. Пленный выгнулся, как в кривом зеркале, потом словно стал поворачиваться лицом к колонне и свалился пыльным комочком. Один из верховых, не торопясь, подъехал к телу и попрыскал парой коротких очередей. Конвоир презрительно сплюнул, закинул винтовку на плечо, постоял у кустов, но больше никто не попытался так глупо бежать.

Семенов вернулся к своим думкам. Отогнал вертевшееся в голове и неприятное понимание того, что фронт и так черт те куда ушел, а сейчас они еще и сами от фронта все дальше уходят – не надо было об этом пока думать, расстраиваться. Лучше о том, что не такое грустное.

Как бы он поступил сам? Выскочил бы из танка с перегретым пулеметом? Ствол бы заменил, перед тем как из танка бежать, чтобы отходить не безоружным? Или все же спрятал ЗиП в лесу? И как поступили танкисты? Наверное, прихватили запасной. Потому как все же не совсем безоружные, на пару-тройку очередей хватит даже перегретого ствола. А потом сменить. Хотя скорее лупили, пока плевать не стал, и с запасным побежали – в упор и плевалка сойдет, а потом можно испоганенный ствол просто выкинуть. Тут вопрос: насколько была внезапна встреча и насколько подготовлен был драп-комплект. Вроде место для засады выбрано с умом, цель тоже вполне достойная – значит, не с бухты-барахты действовали. В данном случае разумнее запасной ствол припрятать на опушке, вместе с другими «резервами». Менять непосредственно в танке – железные нервы нужно иметь. Не могли они всех обозников сразу перестрелять, а так германцы борзые и нахрапистые, как уже убедился Семенов. Очухались бы и полезли по обочинам с гранатами. Попробуй, отбейся со слепого танка, да еще и угол стрельбы для пулемета ограниченный. Нет, все-таки скорее – отошли.

С пулемета перегретого даже на сотню метров дать просрать – вполне можно. И похер, что не попадешь – того и не надо. Главное, никто не пожелает выяснять, попадешь или нет. Огнем прижал – и отходи. А в упор на пистолетной дистанции – и попасть, и убить можно точно так же, как и из неперегретого. Оно конечно, в мирное время такое запретили бы командиры. Но сейчас уже не так все. Если из перегретого много плевались – ствол на выброс, конечно.

И износ у перегретого просто дикий, и повести может легко, но тут как раз запасной выручит, главное – ноги унести живыми. А убить вполне убьет. И на подавление можно работать вполне. Когда по тебе сыплют – поди пойми, перегрет или нет. Хотя, вроде, говорил инструктор, что чужать пулемет начинает – звук выстрела меняется. Но для этого не обозником надо быть, чтоб расслышать такие тонкости.

Семенов перевел дух. Он наврал доверчивому Лёхе, что идти проще, если по сторонам смотришь и думаешь. На длинном марше идти проще тупо, ни о чем не думая вообще. Не думать ни о чем не так просто, для этого надо повторять какую-нибудь чушь: стишок, пару строк песни, просто фразу тупую. Но естественно, что внимание в таком случае – на ноль. И когда в РККА были утомительные марши, сам Семенов шел и мысленно повторял кусочек детской считалки:

Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар.
Аты-баты, сколько стоит?
Аты-баты, три рубля.
Аты-баты, он какой?
Ата-баты, золотой.

Но там ясно было, что командиры уже позаботились о еде, питье и ночлеге, и ты, главное, дойди только. А сейчас все было ровно наоборот, и каждый шаг уносил лишние силы, которые надо было беречь для побега – и не такого дурацкого, самоубийственного, а правильного, умного. Если надо, чтобы спутники были готовы на рывок в сторону и потом осмысленные действия, то лучше, чтобы они не шли как овцы. И так идти было вдвойне труднее. Сейчас уже Семенов жалел, что отдал воду из бутылки неизвестному смертнику – самим бы водичка пригодилась. Никаких сомнений в том, что красноармеец, тащивший три дня на закорках своего сослуживца, долго не протянет, Семенов не имел.

Так что зря воду отдал. Чтобы отвлечься, боец стал вспоминать, что помнил про танковый пулемет. Там еще прицел диоптрийный, новомодный, пару раз на стрельбище Семенов в такой смотрел. Дурацкий прицел, если прямо сказать. От излишних умствований. Диоптр не приближает. Совсем. Там и отличие-то небольшое от обыкновенного прицела. Вместо рамки с прорезью там рамка с дырочкой в центре. Причем диаметр дырочки меньше диаметра иголки. А если на мушке вместо пенька еще и кольцо, то система прицеливания намного проще, чем у стандартной, будет. Заглянул в дырочку, увидел цель, нажал и попал. То есть практически система прицеливания как в оптике, но не приближает. Диоптр резко уменьшает поток света. Возможность целиться теряется в сумерках гораздо раньше, чем с планкой. Очистка от грязи требует спички, а прицельную планку и рукавом гимнастерки, если что, обтереть не сложно.

Мимо колонны на фронт покатали тяжело навьюченные немецкие велосипедисты – много, не меньше роты. Боец вздохнул: ему нравилась эта механика, и в деревне на такой почтальон ездил, а вот Семенов даже и боялся к ней подходить. На лошади ездить умел, а вот на таком – даже и не пробовал. Подумал было о том, что лисапеду сена и овса не надо. И коноводов. Потому немцам на них удобно, и ноги, наверное, не так устают, как в пехоте. И тут его сзади тихим шипом позвал Жанаев, была у бурята такая привычка – тихо шипеть, если надо было позвать только Семенова. Боец глянул через плечо и поймал намекающий взгляд вбок.

Там, навстречу их колонне, двигалась другая пыльная колонна пленных красноармейцев и командиров РККА. Такая же по виду, по размеру – ее как раз обгоняли велосипедисты, и

последние из их роты, громко ругаясь, протискивались между нестройными толпами, сдавленными узостью проселка.

Жанаев мрачно ухмыльнулся. Он тоже помнил глупые слова про скотину этого паренька, словно свалившегося с неба. Такое только горожанин сказать может. А у бурят даже приветствие звучало вопросом: какое здоровье у твоего скота? Потому как если у человека скот здоров, это значит, у него самого все хорошо. А если со скотом беда – то и у человека все плохо.

Кто о чем подумал, а Семенов почему-то утвердился в своем решении: плохо все будет. Пленных проще собрать в большую кучу – охранять так легче, а встречная колонна показала: нет, гоняют пленных в разные стороны. Вопрос – зачем? А вот именно затем, чтоб утомились, чтобы обманывали сами себя несбыточными надеждами, вот-де скоро все устаканится и будет хорошо: войне конец, а я живой. Ага, держи карман шире.

Впереди возникла какая-то сумятица, колонна встала. Вроде, похоже было, что дорога в речку уперлась. Снова тронулись. Но по мосту не пошли, свернули в сторону и встали у самой воды. Пленные сглотнули слюну – вода была совсем рядом, а пить хотелось очень сильно.

– Бродом пойдем. Напьемся, наконец, – сказал хриплый голос сзади.

Никто не отозвался, но кто-то впереди стал поспешно раздеваться, белея длинным телом сквозь загораживающих его. Конвоиры, вытягивая шеи, таращились на мост – там было что-то необычное. Часть конвоя быстро двинулась по мосту на тот берег, только верховые маячили рядом с колонной. Толком из-за спин других красноармейцев не было видно, что там, на мосту этом, возьмется.

Наконец верховой сзади громко каркнул:

– Marschieren – Marsch! Schnell, sonst knallts! ²⁵

Стопившаяся на берегу колонна двинула в воду, мутную и почему-то воняющую бензином – по ней даже радужная пленка переливалась. Люди из передних рядов сразу же стали пить эту воду, черпая ее ладонками и жадно хлебая, и застопорили движение. Задние ряды громко запротестовали, немцы добавили в ор свои голоса, грохнуло несколько выстрелов, кто-то удивленно взвизгнул, и колонна уже куда быстрее двинулась бродом, увязая ногами в илистом дне и стараясь все же ухватить воды по дороге.

Вода была холоднющая, аж кусалась. Правда, замерзнуть не успели – речушка была мелкой и не очень широкой. Несмотря на это, рядом с бродом, по которому тащились пленные, стояли в воде завязшие по башни наши танки. У них брод проскочить не получилось. Хватая сложенными ковшиком руками воду, Семенов успел осмотреться. Мосту, и вправду, досталось – посредине, провалившись колесами сквозь настил, разлеглось громадное артиллерийское орудие, по краске зеленой судя – наше. Сбоку, поломав мост еще больше, торчал в хаосе ломаных досок и бревен вставший на попа серый немецкий танк. Его вроде пытались вытянуть с того берега парой тягачей, но не очень успешно. Боец прикинул, что наши, отступая, не рассчитали тяжесть пушки и не смогли ее перетянуть, она мост и перекрыла, отрезав отход танкам. Немец, видать, решил рискнуть и лихо проскочить на шарап, но и у него тоже не вышло. И действительно – на том берегу скопилось много разной техники как нашей, явно брошенной, так и германской.

Идти стало тяжелее, вода булькала в желудке, мокрая одежда липла к телу. Семенов беспокойно поглядывал на обувь потомка, но, к счастью, чуни примотали на совесть – и в иле не завязли, и потом не свалились, только чавкали как-то нагло и вызывающе при каждом шаге. Конвой вроде спекся, как-то стал менее бдительным. Может, и показалось, но боец внимательнее стал оглядывать местность. Если он правильно понял, скоро можно бы и попробовать, благо вон конвоиры сошлись вдвоем, закурили, так и идя парой, чего раньше не делали. Как раз и кусты опять пошли по краю дороги, сейчас станут погуще – и можно будет рвануть.

²⁵ Колонна – марш! Быстро, иначе накажем! (нем.)

Но планы рухнули моментально, когда, свернув с дороги, колонна уперлась в здоровенное поле, где сидели и стояли красноармейцы, очень много красноармейцев – наверное, несколько тысяч наших военнопленных. Вот, значит, как. Все же есть сборный пункт.

Вид этого пункта сразу не понравился Семенову. Потому что только подкрепил нехорошие подозрения. Пришедших остановили несколько поодаль от основной массы народа. Подошли четверо – в том числе и пара офицеров, судя по голенищам высоких сапог, маленьким пистолетным кобурам и прочим признакам власти. Внимательно и недобро глядя, встали перед пленными. Один из четверых, в очочках, распорядился на довольно чистом русском языке, чтобы вышли командиры, комиссары, коммунисты и евреи. К удивлению Семенова, вышли пять человек. Их отвели в сторону, а переводчик в очочках потребовал, чтоб те, кто знает не выявленных еще врагов Рейха, указали на них. За это каждый добровольный помощник получит буханку хлеба.

Семенов не удивился тому, что тот самый коренастый в шинели – как его, Широпаев вроде – вместе со своими приятелями тут же стал старательно осматривать пленных. Но кроме этих, «благополучных», нашлось и еще трое таких помощничков. Вытянули из колонны еще четверых. Один из них отбивался, кричал, что он армянин. То же он повторял, когда его волокли к стоящим в стороне вышедшим самостоятельно людям. Впрочем, как ни странно, после короткого разговора с тем, в очочках, армянин бегом кинулся обратно в колонну, но упал, запутавшись в спущенных портках. С какой стати германец смотрел на мужской срам этого армянина, Семенов не понял – унижить, что ли, хотели?

Смотреть на лицо вернувшегося было как-то жутковато: такой испуганной и одновременно счастливой физиономии, словно человек спасся от смерти только что, не доводилось даже во время боя видеть. Армян забился вглубь колонны, германец в очочках еще потребовал, чтобы вышли из колонны женщины, но таких в колонне не было ни одной. После этого пленных погнали в общую кучу, а на месте остались те, кто помогал германцам и эти, которые командиры, комиссары, коммунисты и евреи. Глянув еще раз через плечо, Семенов увидел, что там забелели нателные рубахи – видно, оставшиеся снимали обмундирование.

Уселись с краю – дальше народ вповалку лежал, вплотную друг к другу, не протиснешься. Там, откуда пришли, грохнул нестройный залп из десятка винтовок. Потомок подпрыгнул было на месте, но спрашивать ничего не стал.

А чуток попозже пришли, прижимая бережно к себе квадратные буханочки хлеба, добровольные помощники. Широпаев встретился взглядом с Семеновым и весело сказал:

– Видал, колхозный, если к немцам по-людски – то и они по-людски! Европа! Сдали жидов и коммуняк – получили хлеб. А ты голодный сиди, соси пальцы!

– Проторговались вы, продешевили – жида-то кончились, что завтра жрать будете? – едко ответил артиллерист Середа.

– А я тебя сдам. Как комиссара, – заржал Широпаев, а его дружки заулыбались.

– Попробуй, только потом не удивляйся, если тебе вместо хлеба иное прилетит. Die Arschbacken zusammenkneifen ²⁶тоже с умом надо, а ты дурак еловый. Mach, dass du wegkommst, du verdammte Scheisskerl!²⁷

Коренастый как-то съежился, сильно даже уменьшившись в размерах, словно сдулся, и, опасливо поглядывая, бочком-бочком подался в сторону.

²⁶ Булки жопные сжимать (*нем. сленг*) (в смысле – не обосраться, проявить мужественность).

²⁷ Давай, вали отсюда, и не возвращайся, проклятый засранец! (*нем.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.